E43
630

Агр пн-ут

[redacted]

Fl. 15

1 : 1

1 Exp.

76.

Fl. 4

Е43
630

Ю. КАМЕНЕВ

535
К-17

ДВЕ ПАРТИИ

18.ИЮЛ.1928

С ПРЕДИСЛОВИЕМ Н. ЛЕНИНА

И ПРИЛОЖЕНИЕМ ПИСЕМ И ЗАЯВЛЕНИЙ Т.Т.
Ал. ВЛАСОВА, ИННОКЕНТИЕВА, Э.
И ГРУППЫ РАБОЧИХ

2-е ИЗДАНИЕ

Библиотека
РАБ КЛУБА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

DK
100

ВКП(б) - История

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

V/163.
26.
Ф 6973

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
163

Гиз. № 6915. Ленинградский Гублит № 5415. Отп. 15.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие ко 2-му изданию V
Предисловие. *Н. Ленина* VIII
Предисловие автора XI

Вместо введения.

История разрыва и организационной борьбы ликвидаторов с Р. С.-Д. Р. П. Факты . . . . . 1—20
1. «Три причины» отказа меньшевиков от работы в Ц. У. партии 1
2. Рабочий съезд (1907 г.) 4
3. «Долой партию»! — лозунг г.г. И., Череванина и др. (1908 г.) 7
4. Предложения о самораспущении партии (1908—1909 г.) 10
5. Через год (1910) 13
6. Еще через год (1911) 17

Открытая рабочая (?) партия и задачи Р. С.-Д. Р. П.

Гл. I. Воинствующее ренегатство . . . . . 23—47
1. «Партии нет», или как г. Потресов защищал ликвидаторов 24
2. Клевета на пролетариат или еще один способ защиты ликвидаторов 29
3. «Ликвидаторы спасают честь партии», или как г. Мартов защищал ликвидаторов 33

Гл. II. Открытая рабочая (?) партия . . . . . 36—116
1. «Принципиальные противоположности». Может ли Столыпин их примирить? 36
2. Принципиальная беспринципность 44
3. «Обновленный строй», буржуазия и пролетариат . . 48
4. «Не гегемония, а классовая партия» 68
5. Легализм и борьба за легальность 84
6. Две партии 100
7. Ликвидаторство и ревизионизм 109

Борьба внутри Р. С.-Д. Р. П.

Гл. III. Идейное размежевание в Р. С.-Д. Р. П. . . . . . 119—155
1. Идейное размежевание и организационные уступки на пленуме 119

стр.

2. Разрыв соглашения после пленума. Сотрудничество революционных марксистов или «сотрудничество данных лиц в данных учреждениях»? Н. Троцкий . . . 128
3. За революционную социал-демократию во что бы то ни стало! 136
4. Еще о примиренчестве. Примиренцы-практики и примиренчество на практике 142

Гл. IV. Оргия шантажа . . . . . 155—167
Гл. V. Где выход? . . . . . 167—173

Приложения.

а) Шантажисты в роли прокуроров 177
б) На пользу охранки 190

Документы.

I. Письмо *Ал. Власова* 197
II. Заявление *Иннокентиева* 199
III. Письмо *Э.* 202
IV. Резолюция группы рабочих 203
V. «О брошюре Мартова» (из Центр. Орг. С.-Д. П. и Л.) 204

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ.

Товарищи, занимающиеся историей и теорией большевизма, неоднократно указывали мне на желательность переиздания моей книжки «Две партии», вышедшей нелегально в 1911 г. в издании «Рабочей Газеты», тогдашнего руководящего органа «ленинцев».

Я колебался, ибо «Две партии», носящие вообще сугубо-полемический характер, в части своей направлены против товарищей, ныне с честью сражающихся в рядах большевиков. Тогда, когда писались «Две партии», они находились частью в рядах наших прямых врагов, меньшевиков-ликвидаторов, частью косвенно поддерживали их, проповедуя примирение с оппортунизмом и ругая нас— и в первую очередь, конечно, т. Ленина, — за «непримиримость», «узость», «сектантство» и т. п.

Теперь, когда вышли сочинения Владимира Ильича за 1910 — 1914 г.г. (т.т. XI и XII) и широкие круги партии знакомятся по ним с вопросом о том, в борьбе с какими группами и течениями рос и закалялся большевизм, отпадают и те соображения, которые заставляли меня воздерживаться от переиздания «Двух партий».

Однако, главное основание, заставившее меня согласиться на переиздание этой книги, заключается в том, что книга эта не только была написана по прямому предложению Владимира Ильича, но и целиком от начала до конца просмотрена им в рукописи и лишь после его одобрения поступила в печать.

Я помню очень хорошо как летом 1911 года я из Парижа раза два в неделю ездил в деревню Лонжимо — в нескольких верстах под Парижем, где жил тогда Владимир Ильич, — и как, расположившись на траве, мы с Владимиром Ильичом просматривали и исправляли подготовленные мною страницы «Двух партий». Помню и то, что направление поправок Ильича сводилось к стре-

млению еще более заострить полемический характер моей работы.

Это понятно. В 1910 году большинством нашей фракции была проделана попытка примирения и соглашения с т. Троцким. Владимир Ильич относился к этой попытке резко отрицательно и как бы «в наказание» за мою настойчивость в попытке добиться соглашения с тов. Троцким настоял на том, чтобы именно я был делегирован Центральным Комитетом в качестве представителя последнего в редакцию газеты т. Троцкого. К осени 1910 г. — после нескольких месяцев работы в этой редакции, — я убедился, что Владимир Ильич прав в своем отрицательном отношении к моей «примирительной» линии и с его согласия я вышел из редакции органа т. Троцкого. Наш тогдашний разрыв с т. Троцким был отмечен рядом резких статей в центральном органе партии. Именно тогда Владимир Ильич и предложил мне написать брошюру, которая подводила бы итог нашим разногласиям и с ликвидаторами-меньшевиками и с т. Троцким. «Вы проделали опыт соглашения с самым левым (троцкистским) крылом антибольшевистских группировок, вы убедились в невозможности соглашения, вы и должны написать итоговую брошюру», — говорил мне Владимир Ильич. Естественно, что Владимир Ильич особенно настаивал на том, чтобы именно в области отношений между большевизмом и тем, что мы тогда называли троцкизмом, все было договорено... «до конца». Центр брошюры — как указано уже в предисловии к 1-му изданию — составляет выяснение принципиальных вопросов рабочего движения на переломе от первой ко второй российской революции и выяснение смысла фракционной борьбы внутри партии, предопределившей окончательный раскол между большевиками и меньшевиками. Отсюда и заглавие всей работы: «Две партии», указывающее на то, что—несмотря на формальное единство партии — мы рассматриваем большевиков и меньшевиков не как две фракции одной и той же партии, а как две борющиеся и враждебные партии. Введение и две небольшие заключительные главки посвящены вопросам отчасти организационным, отчасти таким, которых нельзя назвать иначе как «склочными». Заняться этими вопросами нас вынуждало нападение врагов, в первую очередь Мартова с его печально-знаменитой брошюрой «Спасители или упразднители». Эти главки потеряли теперь интерес, но — пусть молодые товарищи узнают, с каким оружием выступали против нас, большевиков, оппортунисты еще за десяток лет до того, когда — получив в 1917 году власть, — они засадили нас в тюрьмы и охотились за Ильичом, чтобы покончить в его лице с восстанием пролетариата.

С другой стороны, вносить в старую работу какие-либо изменения — означало бы лишить издание характера исторического документа, имеющего значение и для истории большевизма и для

характеристики взглядов Ильича в известный исторический период. Поэтому я оставлю все в том именно виде, в каком эта книжка была просмотрена Ильичом в 1911 г.

Товарищи сами сумеют внести в характеристики отдельных лиц, о которых говорится в тексте, все те необходимые поправки, которые уже внесены их дальнейшей политической работой — по ту или по сю сторону баррикады, воздвигнутой октябрьским восстанием.

Л. Каменев.

Май 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Брошюра тов. Каменева представляет из себя систематическую сводку материала, относящегося к той борьбе с ликвидаторством, которую вел в контр-революционную эпоху большевизм, а за ним и вся Р. С.-Д. Р. П. Вполне естественно, что выяснению принципиального расхождения социал-демократии с ликвидаторством посвящено у т. Каменева наибольшее место, как всего больше останавливались на этом в 1908 — 1911 г.г. «Пролетарий» и Ц. О. партии «Социалдемократ».

Тов. Каменев вполне доказал, что группа ликвидаторов *на деле* есть особая партия, не Р. С.-Д. Р. партия. Его доказательства суммируют опыт преимущественно 1909 — 1911 годов, — опыт, подтвердивший декабрьскую резолюцию 1908 года. В этой резолюции, предложенной и проведенной от имени Р. С.-Д. Р. П. большевиками, было уже заявлено, что ликвидаторы *стремятся* «**заменить**» Р. С.-Д. Р. П. «бесформенным» легальным объединением. Теперь это бесформенное легальное объединение г.г. Потресова, Ларина, Левицкого и К° (с хвостом из г.г. Мартова и голосовцев за границей) уже вполне показало себя. Это — не имеющая ничего общего с Р. С.-Д. Р. П. группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это — деятели *столыпинской* «рабочей» партии.

Переход от марксизма к либерализму и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход — специфическая особенность России конца XIX и начала XX века. «Экономисты» и «credo» — г. Струве и К° — г.г. ликвидаторы, это все ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции. Рабочая партия в России начала складываться незадолго до революции 1905 г.; эта партия перестраивается — отчасти строится заново, на более солидном фундаменте — в эпоху контр-революции. Буржуазная интеллигенция, влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за груп-

пой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место *вне* с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорят о создаваемой ими *новой* партии.

И отзовизм и ликвидаторство, будучи сходны тем, что оба представляют не-социал-демократические, буржуазные течения, различаются существенно судьбой своего политического развития. Отзовизм во-время был обессилен большевизмом и не дошел до попыток создать свою партию; он остался теперь ничтожной заграничной группкой, деятельность которой свелась к помощи ликвидаторам в интригах и борьбе против Р. С.-Д. Р. П. Напротив, ликвидаторство центр свой (в политическом смысле прежде всего, в организационном впоследствии) имеет в России; оно создало *особую,* хотя и бесформенную (пока бесформенную) партию — вот почему тов. Каменеву пришлось так обстоятельно говорить о ликвидаторстве и лишь вскользь об отзовизме.

Среди сторонников Р. С.-Д. Р. П. людей, способных искренно защищать ликвидаторство, немного [1]). Но не мало еще, к сожалению, людей, искренно враждебных ликвидаторству и *не понимающих* условий борьбы с ним. Конечно, говорят такие люди, ликвидаторство есть буржуазное течение среди с.-д., но отчего бы не бороться с ним в рядах единой партии, как борются с бернштейниадой немцы? Отчего бы не попытать «соглашения» с ликвидаторами?

Наши «соглашатели» не понимают очень важной и очень простой вещи: ликвидаторы не только оппортунисты (подобно Бернштейну и К°), они кроме того строят *особую* партию, они объявили своим лозунгом *несуществование* Р. С.-Д. Р. П., они *ни в чем* не считаются с решениями Р. С.-Д. Р. П. Вот в чем отличие от «Европы», ссылаться на которую могут лишь непродумавшие вопроса или незнающие русских условий люди. В Европе нет ни одного оппортуниста, который бы сделал против своей партии, против ее решений десятую долю того, что сделали и делают гг. Потресовы, Игоревы, Беры, Мартовы, Даны и К°; их не потерпели бы ни одного месяца в рядах партии. В Европе партии открытые, и сразу видно, принадлежит ли человек к организации, подчиняется ли ей.

---

[1]) Понятно, что об искренности заграничных голосовцев говорить было бы смешно. Это — специалисты по части шантажа и клеветы, руководимой г.г. Мартовыми. Решение Каутского, Меринга и Цеткиной отдать спорные деньги *не* в З. Б. Ц. К., а в Техническую Комиссию (см. листок Орг. Комиссии, от 1 августа 1911 г.) есть полное признание правоты тов. А—ва и всех большевиков (*вполне* солидарных с А—вым), есть полное осуждение грязного клеветничества г.г. Мартова, Дана, Мартынова и Аксельрода.

У нас партия нелегальна. Нельзя «видеть» и нельзя (если не быть помощником охранки) открыто говорить о том, принадлежит ли к организации X, Y, Z. Но что гг. Потресовы и К° к организации *не* принадлежат и на *все* ее решения *плюют,* — совершенно так же, как и голосовцы, — это факт. Как же можно «соглашаться» с гг. Потресовыми, доказавшими, что *для них* партия *не существует?* — с гг. Мартовыми и Данами, доказавшими то же самое? *О чем* можно соглашаться с ликвидаторами, кроме как об уничтожении Р. С.-Д. Р. П.?

Пусть попробуют «соглашатели» указать *условия* соглашения с ликвидаторами, *средства* контроля за выполнением условий, *факты,* доказывающие выполнение их. Ни того, ни другого, ни третьего указать *нельзя.* А потому не подлежит сомнению, что речи о «соглашении» пустые и неумные речи. Помогают эти речи только интригам заграничных кружков (в роде кружков впередовцев, голосовцев, троцкистов), вполне доказавших, что на решения партии они плюют, *ни в чем* не ограничивая своей «свободы» в поддержке ликвидаторов.

А в России нелегальные кружки рабочих отмежевались и с каждым днем все больше отмежевываются от ликвидаторов, строя медленно и трудно революционную Р. С.-Д. Р. П. Помогать этим кружкам, проводить на деле решения Р. С.-Д. Р. П., отказаться от игры в соглашения с заграничными пустышками (голосовцы — сильнейшая из заграничных групп, и это сплошь пустышка) — такова задача сторонников с.-д. рабочей партии. Борьба за партию есть партийность. Разговоры о «соглашении» с строющими не-социал-демократическую партию ликвидаторами есть преступление против долга партийности.

Н. Ленин.

2 августа 1911.

P.-S. Необходимо добавить, что данный в «Приложении» разбор «обвинений» против Б. Ц. представляет наше коллективное мнение и обработан на основании материалов и документов, имеющихся в распоряжении Б. Ц., — а также на основании сведений товарищей из Б. Ц., лично ведших те или другие дела последнего.

Н. Ленин.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Товарищи-рабочие, которым доведется читать эту брошюру, меньше кого бы то ни было будут нуждаться в объяснении того, почему мы выпускаем ее в свет. Она посвящена выяснению идейно-политических столкновений между Р. С.-Д. Р. П. и партией отделившихся от нее, независимых от нее, борющихся против нее сторонников «легализма». Об этом столкновении не могли не слышать, к этой борьбе не могли не прислушиваться передовые русские рабочие. Хотя — и в России и за границей — есть много людей (даже среди социал-демократов), которые любят поговорить на ту тему, что все это столкновение, вся эта борьба есть продукт распрей заграничных литературных кружков, но русские рабочие очень хорошо знают, что все вопросы, поставленные этой борьбой, этим идейно-политическим столкновением социал-демократов и бывших социал-демократов, связаны с основными вопросами всего хода рабочего движения в России эпохи контр-революции. Можно смело сказать, что *вся* рабочая пресса в России, так или иначе, в большей или меньшей степени, приведена была к необходимости поставить те же вопросы, заняться теми же спорами. Больше того. Ни одно собрание инициативных рабочих, приступающих в современной России к постановке какого-либо *легального или нелегального* предприятия и ведущих его, — будет ли то выступление на каком-нибудь «съезде» или агитация по поводу какого-либо политического события, или систематическое обсуждение шагов думской с.-д. фракции и поддержка их или постановка какой-либо газеты, — не могло и не может обойтись без того, чтобы не столкнуться с этими же вопросами.

На каждом шагу своей практической деятельности русские рабочие должны были наталкиваться и наталкиваются как раз на те вопросы, которые разделили ныне на две партии революционных социал-демократов и бывших марксистов, которых контр-революция превратила в легалистов-независимцев.

Быть может не всегда только ясно раскрывался перед ними общий смысл этих столкновений, общий смысл разногласий, вставших по каждому конкретному поводу.

В контр-революционной России, в эпоху общей политической подавленности, перед лицом Столыпиных и Курловых, решивших огнем и мечом уничтожить язву революционной социал-демократии, против потока ренегатства, отступничества, усталости, пассивности, эпидемии «веховства», общих шатаний, забвения революционных традиций, интеллигентского малодушия Р. С.-Д. Р. П. решила отстаивать свое право на существование, как организованного авангарда рабочего класса, как хранительницы революционных заветов Великой Российской Революции, как залога нового подъема и неостанавливающегося движения вперед русского рабочего класса.

Борьба была тяжела как никогда. С одной стороны от партии и рабочего движения отваливались целыми пластами ее недавние интеллигентские попутчики, отвернувшиеся от неоправдавшего их надежд рабочего класса для того, чтобы отдаться всецело во власть либеральной идеологии и легалистского крохоборства, или для того, чтобы замкнуться в интеллигентско-анархические секты, в которых революционная фразеология прекрасно уживалась с чисто культурническим характером понимания задач рабочего движения, а религиозно-эстетическое мировоззрение интеллигента брало реванш за недавнее подчинение гегемонии материалистического мировоззрения борющегося пролетариата.

С другой стороны экономический кризис и политическая подавленность ослабляли самый фундамент партии в широких массах рабочего класса.

Именно на этой почве торжества буржуазных влияний среди интеллигенции, недавно считавшей себя с.-д-кратической, и упадка классовой самодеятельности рабочих стало возможным появление и оформление групп и группок, отделившихся от Р. С.-Д. Р. П., порвавших с революционным марксизмом и предъявивших претензии на руководство рабочим движением. Общим у этих групп «независимых» от Р. С.-Д. Р. П. интеллигентов было то, что и правые и «левые» из них одинаково являлись проповедниками не-социал-демократических воззрений. Старые связи, приобретенные ими как бывшими членами Р. С.-Д. Р. П., неразборчивая демагогия, поддакивание предрассудкам отсталых слоев рабочих и общая атмосфера реакционной эпохи с ее культом «малых дел» и презрением «поумневших» к великим и общим принципам и задачам, — все это дало этим группкам временное влияние и значение.

На деле влияние этих групп в рабочей среде было влиянием буржуазной идеологии. Поскольку оно становилось препятствием к возрождению рабочего движения в России на социал-демократической основе, постольку оно тормозило быстроту, с которой

рабочий класс в контр-революционной России должен был изживать временную раздробленность своей практики и переходить от частичных уклонений к построению и ведению классовой социал-демократической политики.

Борьба с не-социал-демократическими группами, претендующими на руководство рабочим движением, борьба с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, пытающимися использовать временное затишье в рабочем движении для того, чтобы повернуть его с его революционных путей на пути либерализма, — явилась, таким образом, важнейшей задачей Р. С.-Д. Р. П. в пережитой период. Эта задача никем не была выдумана, никем не была изобретена: она была поставлена всей совокупностью политических условий эпохи торжествующей столыпинщины, фактом усиления буржуазных влияний, всем процессом перехода к либерализму и интеллигентскому анархизму кучи интеллигентов, шедших за рабочим движением в эпоху его расцвета. Этот поток грозил совершенно смыть революционную социал-демократию с политической арены, и понадобилась вся энергия партии, вся энергия передовых рабочих для того, чтобы отстоять перед этим потоком Р. С.-Д. Р. П.

И теперь вопреки всему и всем мы можем заявить: Р. С.-Д. Р. П. существует и будет существовать, как организованный авангард рабочего класса, не забывшего революционных битв прошлого и сознающего свои задачи в будущем.

Решительные сторонники самой беспощадной идейной борьбы с группами и группками, питаемыми контр-революционной атмосферой, мы столь же решительно стоим за объединение под знаменами партии всех — без различия фракций и течений и несмотря на те или другие разногласия по конкретным вопросам текущей политики — всех революционных марксистов. И еще решительнее подчеркиваем мы, что целью всей этой идейной и организационной борьбы может быть только одно: собирание под знамя партии рабочих масс России. Отвергая всякое соглашение, всякую дипломатическую игру с врагами партии, как торможение самостоятельной работы с.-д-тии, мы боремся *за единство партии* на почве антиликвидаторской и анти-отзовистской платформы в полном убеждении, что эта платформа есть платформа действительного объединения всех передовых рабочих России, в каких бы областях *(легальной или нелегальной)* ни вели они свою работу социалдемократического просвещения и организации.

Рабочие — деятели легального и нелегального движения, группы пропагандистов, агитаторов и организаторов, инициативные группы рабочих, занятых письменной агитацией в России, партийные комитеты и отдельные соц.-дем. ячейки в тех местах, где еще не существует централизованной партийной организации, — все эти наличные элементы партии на деле ведут объединенную

работу на почве очищения с.-д. политики от не-социал-демократических примесей, от буржуазных влияний. Объединение, централизация этой работы, дальнейшее выяснение ее принципиальных основ — вот ближайшая цель партии. Съезд, совещание, конференция этих работников различных отраслей пролетарского дела и различных течений, дружно работающих, однако, над возрождением Р. С.-Д. Р. П., освобожденной от ликвидаторских и анархических шатаний и колебаний, — вот практическая задача, разрешение которой будет серьезнейшим шагом вперед русского рабочего движения.

Сообразно с нашей основной задачей мы уделили центральное место в брошюре выяснению принципиальных вопросов современного рабочего движения (отдел «Открытая рабочая (?) партия и задачи Р. С.-Д. Р. П.»). Это привело нас к рассмотрению вопроса о том, как отразилась принципиальная борьба Р. С.-Д. Р. П. с не-социал-демократическими течениями и группами на ее внутренней жизни (гл. «Идейное размежевание в Р. С.-Д. Р. П.»). Здесь мы должны были остановиться на двух главных моментах. Во-первых, на попытке пленума Ц. К. в январе 1910 г. объединить все элементы и все фракции на антиотзовистской и антиликвидаторской платформе и на неудаче этой попытки. Рассмотрение причин неудачи этого опыта казалось мне тем более важным, чем более сорьезны были надежды, возлагавшиеся на этот опыт рядом партийных работников, — между прочим и автором этих строк. Попытка пленума была попыткой удержать в рядах Р. С.-Д. Р. П. ряд групп, хотя и уклонившихся в сторону ликвидаторства или отзовизма, но готовых, казалось, отречься от крайних выводов последних. Неудача этой попытки, обусловленная тем, что вышеупомянутые группы в конечном счете предпочли все же ликвидаторство и отзовизм социал-демократии, должна была, казалось бы, уничтожить в рядах защитников Р. С.-Д. Р. П. всякое стремление к дальнейшим опытам в этом направлении, опытам, которые явно превращались в дипломатическую игру с заграничными группами и кружками. Это парламентирование и эта пустая игра с врагами партии лишь тормозит развитие положительной политической работы революционных соц.-демократов. Несмотря на это, соглашательство» и «примиренчество» продолжают еще играть некоторую роль в нашей партии. Поскольку «примиренчество» само является показателем недостаточной отчетливости в понимании происходящей борьбы и поскольку его пропаганда «сговоров» и «переговоров» способна еще тормозить немедленный приступ к ведению политической работы партии, — постольку мы должны были уделить внимание и ему в рассказе о «борьбе внутри Р. С.-Д. Р. П.».

Эти две основные темы — выяснение принципиальной противоположности между задачами и работой Р. С.-Д. Р. П. и откры-

той партией легалистов-независимцев и разъяснение характера борьбы внутри Р. С.-Д. Р. П. — мы принуждены были дополнить, с одной стороны, хотя бы кратким рассказом о различных этапах и формах откола легалистов от партии («Введение») и — с другой стороны — рассказом о тех методах, которыми гг. независимцы (с г. Мартовым во главе) пытались шантажировать партию, требуя от нее прекращения идейной борьбы против ликвидаторских и анархических течений. (Гл. «Оргия шантажа»). В этих главах мы ограничились лишь самым необходимым, будучи твердо уверены, — надеемся, что это наше мнение разделят все преданные социал-демократии рабочие, — что суть дела лежит именно в принципиальных разногласиях, а не в тех «сенсациях», «делах» и обвинениях», которые вытащены врагами Р. С.-Д. Р. П. на свет божий с специальной целью помешать рабочим разобраться в основном политическом споре.

Наконец, в «приложении» к брошюре мы дали доказательства шантажного характера всего выступления г. Мартова в брошюре «Спасители или упразднители?» и предоставили слово ряду товарищей, с документами в руках устанавливающих сознательно-лживый характер обвинений врагов партии, выдвинутых, как против нее в целом, так и против ее отдельных членов.

Мы твердо знаем одно.

Русские рабочие найдут в себе достаточно революционного чутья и достаточно классового сознания, чтоб не поддаться на шантажистские приемы врагов соц.-демократии, и, пренебрегши всяческими торгами с переторжками с врагами Р. С.-Д. Р. П., махнут рукой на всех «игрушечного дела людишек», по горло занятых дипломатическими переговорами и «соглашениями» с заграничными кружками и группками.

Русский рабочий класс разрешит стоящие перед ним великие задачи лишь в тесном единении с Р. С.-Д. Р. П. Последняя же должна направить свою энергию, все свои силы на всестороннюю помощь, на всестороннее обслуживание всех без различия фракций и течений рабочих кружков, групп и союзов, легально и нелегально работающих над возрождением и усилением пролетарской организации в России. Только в этом выход из современного кризиса, переживаемого партией и самим рабочим движением.

Ю. Каменев.

Июль 1911 г.

P.-S. Технические причины, несколько замедлившие выход брошюры, помешали нам в то же время коснуться новейших произведений, направленных против партии органами открытой партии легалистов, фракциями «Вперед» и «Правда». Эти произведения, однако, вполне подтверждают и, пожалуй, еще нагляднее

иллюстрируют те выводы, к которым мы пришли на основании рассмотрения деятельности этих групп в целом за весь предшествовавший период. Логика борьбы с Р. С.-Д. Р. П. толкает и «Вперед», и «Голос», и «Правду» к все большей откровенности, к все большей решительности. Остается пожелать, чтобы сторонники Р. С.-Д. Р. П. и принципиальные противники ликвидаторства и отзовизма проявили в своем деле ту же решительность и такую же последовательность.

Ю. К.

1909

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

История разрыва и организационной борьбы ликвидаторов с Российской Соц. Дем. Рабочей Партией. Факты.

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже голосовской лжи.

1. «Три причины» отказа м-ков от работы в Ц. У. партии.

В последнем издании «Голоса С.-Д.» дана попытка краткой истории отношений группы единомышленников этого органа к центральным учреждениям Р. С.-Д. Р. П. Этой истории мы считаем нужным противопоставить некоторые факты.

Автор ее, г. Мартов, начинает — в виде исключения — правдой. «С 1908 г. меньшевики в *России* перестали принимать какое-либо участие в делах Цент. К-та». Дело идет о том Ц. К., который выбран был на Лондонском Съезде и приступил к работе с июля 1907 г. Таким образом, через несколько месяцев после съезда м-ки перестали принимать «какое-либо участие» в делах центрального учреждения партии.

Между тем Лондонский съезд избрал в состав Ц. К. *столько же* членов по меньшевистскому списку, сколько и по большевистскому (5 и 5), дополнив этот состав в равном числе бундовцами и представителями польской соц.-демократии (2 и 2) и представителем латышской соц.-дем.

При таких условиях непринятие участия м-ков в делах Ц. К. характеризует их с весьма странной стороны. Г. Мартов пытается нарисовать нам причины этого, весьма странного на взгляд всякого члена партии, поведения м-ков, и тут-то начинается та пространная ложь, которая — по общему правилу — неизбежно сопровождает всякий кусочек мартовской правды.

Причины, пишет г. Мартов, были троякого рода: 1) ультра-фракционная тактика большинства Ц. К.; 2) то, что Ц. К. играл роль ширмы при заграничном «большевистском центре»; 3) — цитируем дословно:

> «Анти-социал-демократическая деятельность Ц. К. и его агентов и органов по отношению к социал-демократическому движению во всех его проявлениях: систематическая травля думской фракции и работающих при ней товарищей; внесение дезорганизации в открытые рабочие союзы и демагогическая агитация против действующих в них работников и т. д. и т. д.» (стр. 14).

Тут, что ни слово, то пример развязности, основанной на приятной уверенности в том, что никому не придет в голову проверять грубые обвинения против центрального учреждения партии. Г. Мартов пишет с такой... бесцеремонностью против Ц. К. партии, потому что третирование Ц. К. есть первая обязанность ликвидатора. Он уверен в безнаказанности: кому, в самом деле, придет в голову при нынешних, радующих ликвидаторский взор настроениях, — проверять нападки на Ц. К.: ведь для этого надо рыться в каких-то нелегальных документах какого-то нелегального Ц. К. какой-то нелегальной партии. Мы, ведь, давно отучились видеть во всей этой нелегальщине что-либо, кроме «дурмана»!.. ((См. «Н. З.», № 2, ст. г. Богданова).

А эти бумажки свидетельствуют, что все «три причины», придуманные г. Мартовым, сплошная ложь.

Мы знаем и не забыли ряда резолюций по кардинальнейшим вопросам (отношение к профес. движению, к кооперативам и т. д.), принятых *единогласно,* знаем статьи м-ков-цекистов, помещавшиеся без оговорок в издававшихся в России листках и газетах. Это счел нужным забыть г. Мартов, когда ему понадобилось оправдать отказ м-ков от работы в центральных учреждениях партии. Это — к вопросу об *ультра*-фракционной тактике большинства Ц. К. Относительно роли «ширмы» г-н Мартов употребил еще более неловкий прием. Ц. К., — видите ли, — стал к 1908 г., к моменту отказа меньшевиков от работы, «ширмой при большевистском центре, переселившемся к тому времени заграницу».

Жил был большевистский центр в России; м-ки работали в Ц. К.; переселился большевистский центр заграницу, и м-ки — «к тому времени» — перестали работать в Ц. К., ибо он стал ширмой!.. Очень уж не гладко, г. Мартов! Не наоборот-ли? Не пришли ли м-ки к решению уйти из Ц. К., разуверившись в нелегальной работе, а, изменивши нелегальной работе, и решили сослаться на «роль ширмы»?

А те документы, которые я сейчас перелистываю, свидетельствуют и еще об одном. В единственном вышедшем в 1908 г. в *России* № Ц. О. партии была помещена единственная статья,

присланная из заграницы, куда «к тому времени переселился большевистский центр». И именно эта статья оказалась снабженной «примечанием от редакции», недвусмысленно указывавшим на расхождение редакции в весьма злободневном пункте практической политики с автором статьи. Автором статьи был тов. Ленин, этот — в представлении г. Мартова — сверх-центр «большевистского сверх-центра», а примечание делала редакция, которой по схеме г. Мартова надлежало играть роль «ширмы»...

Но бесцеремоннее всех предшествовавших извращений деятельности Ц. К. является последнее утверждение г. Мартова. «Систематическая бессмысленная травля думской фракции», пишет г. Мартов. А вот что мы читаем в официальном письме Ц. К. к местным организациям, разосланном — как говорится в тексте его — с специальной целью рассеяния «недоразумений и сомнений» на местах.

> «Ц. К. считает своим долгом отметить, что при всех этих неблагоприятных условиях, при всей удушливости думской атмосферы, при всех препятствиях... с.-д. фракция III Думы честно исполняет свой долг и выступления ее имеют большое агитационное значение... Совершенно неуместным, несвоевременным и вредным для партии и для интересов пролетариата Ц. К. считает, поэтому, возникшие в некоторых организациях тенденции отозвать фракцию из III Думы (Апрель 1908 г. Перепечатано в «Пролетарии» № 29; цитировано *и в «Г. С.-Д.». № 6-7).*

Этой одной цитаты было бы достаточно, чтобы показать клеветнический характер писаний г-на Мартова насчет Ц. К., деятели которого в данный момент не в состоянии (об этом прекрасно знает г. Мартов) лично характеризовать приемы г-на Мартова. Мы впрочем не уверены, что г. Мартов будет избавлен от соответствующей квалификации его писаний в связи с деятельностью Ц. К. в 1908 г. со стороны и думской фракции, ближайшего свидетеля деятельности тогдашних представителей Ц. К., и со стороны петербургских и московских рабочих, перед которыми представители Ц. К. уже тогда боролись с отзовистскими тенденциями.

> «Внесение дезорганизации в открытые рабочие союзы и демагогическая агитация против действующих в них работников»,

продолжает г. Мартов.

Между тем всякий, хоть мало-мальски знакомый с деятельностью Ц. К. в указанный период, знает, что, наряду с думской деятельностью, постановка, развитие и обслуживание с.-д. работы в профессиональных и других союзах, привлечение к этой деятельности внимания товарищей, составляли важнейшую задачу Центрального Комитета.

К этому как раз времени относится образование и усиленная работа профессионально-кооперативной комиссии при Ц. К., постановка специального органа при участии видных профессионалистов, функционирование обширной и регулярно-работавшей комиссии при участии Ц. К., П. К. и видных деятелей петербургского профессионального движения, к этому же времени относится попытка созыва Ц. К. «общероссийской конференции с.-д., работающих в профессиональных союзах» с весьма подробно намеченным порядком дня.

Покуда, достаточно. Мы пишем не для того, чтобы убедить злостных клеветников, а для того лишь, чтоб указать на грандиозные размеры клеветы, сеемой врагами партии. Друзья же революционной с.-д-тии и из приведенных нами примеров могли убедиться в том, что все «три причины» отказа меньшевиков в России от работы в центральных учреждениях партии нарочито придуманы г. Мартовым и его сподвижниками для того, чтоб прикрыть единственную действительную причину отказа ме-ков от работы в рядах Центрального Учреждения партии. Найти эту «причину», однако, не маловажно [1]).

«Странное» поведение представителей крупного течения, возникшего в связи с социал-демократической работой, уходящих с постов, порученных им партией, требует действительного объяснения. Возмущение, естественно охватывающее всякого члена партии при виде этого «странного поведения» недавних товарищей, должно быть направлено *не на личности,* а на исследование общих причин, вызвавших поступки данных личностей.

2. Рабочий съезд (1907).

В 1907 году внутри русской социал-демократии велся оживленный спор по поводу выдвинутого П. Б. Аксельродом «рабочего съезда». Большевики ясно видели и в ряде своих изданий старались показать, что «рабочий съезд», как он был поставлен его инициатором и как он был фактически воспринят сочувствующей ему аудиторией, — есть утопия, в которой реально было *лишь одно:* агитация против партии. Эту точку зрения на всю возню, поднятую вокруг съезда, выразил и докладчик-большевик по этому вопросу на Лондонском Съезде.

«Мы боремся с теми, — говорил т. Валерин, — кто ведет агитацию против партии и говорит, что партия — гнилой

---

[1]) Кстати будет отметить здесь следующее. Б-ки, составлявшие самое незначительное меньшинство в Стокгольмском Ц. К., игравшем — как и было констатировано на Лондонском съезде даже бундистами — действительно роль ширмы при меньшевистском центре, и поставленные последним в самые невозможные условия для работы, — никогда не прибегали к тому бойкоту, к которому прибегли в новом Ц. К. м-ки.

труп... В этой агитации за рабочий съезд, прежде всего, — агитация против с.-д. партии» [1]).

Ме-ки — и между ними г. Мартов — за такое наше отношение к рабочему съезду» писали против нас громовые статьи, в которых обвиняли большевиков в пренебрежении к классовой борьбе, в непонимании значения массовой организации и т. д., и торжественно допрашивали: как, «социалисты против рабочего класса?» [2]).

Что — практически — это была кабинетная, высиженная интеллигентами утопия, этого не могут скрывать от себя теперь и ее ярые сторонники. В 1910 г., когда обсуждение этой цели потеряло всякий интерес, г. Левицкий сознался вот в чем:

> «Как и многие идеи ме-ков и эта идея повисла в воздухе... Идея рабочего съезда как непосредственный тактический лозунг — а таковым ее считали многие из ее приверженцев — заранее была обречена на неудачу... Сама идея зародилась и распространилась среди интеллигенции, недовольной положением дел в организации... для масс она оставалась чуждой, выдуманной идеей... Никакого отклика в массах идея рабочего съезда не встретила, никакого организационного творчества не породила [3]).

Очень хорошо! Но скажите, г. Левицкий, почему вскрывать этот интеллигентски-выдуманный характер всей кампании тогда, когда она пыталась навязать и массам отрицательное отношение к партии, т.-е. тогда, когда она имела некоторое значение, значило выступать «против рабочего класса», а теперь, в 910 г., это значит выступать только «против интеллигентских выдумок»?

Но, ведь, бессилие идеи рабочего съезда для добра не исключало ее *злой* силы: она стала демагогической формой борьбы с партией и в этом смысле имела реальное значение. Когда это говорили большевики, их, конечно, можно было упрекнуть в «сектантстве», «узости», «анти-рабочей политике», «боязни проле-

---

[1]) Протоколы, стр. 369.

[2]) Совершенно так же, как теперь, когда г. Мартов по поводу отрицательного отношения нашего к ликвидаторским предприятиям — в своей «петиционной кампании» — ставит тот же вопрос: «Социалисты против рабочего класса?». («Наша Заря», № 4, 1911 г.). Теперь, надеемся, понадобится еще меньше времени, чтобы документально установить, что ликвидаторские «кампании против партии революционного социализма» ничего общего не имеют с рабочим классом. История с рабочим съездом» должна была бы научить г. Мартова, что такое прикрытие ликвидаторства рабочим ли съездом, петиционной ли кампанией — не спасет ликвидаторства от того, что всегда будут «социалисты против ликвидации Р. С.-Д. Р. П.» и всегда будут разоблачать жалкую демагогию либералов, прикрывающих свою работу против социализма проповедью «истинно рабочих» лозунгов и кампаний. Одно дело — рабочий класс, другое — ликвидаторы и их «планы», — такова наша точка зрения.

[3]) «Наша Заря», 1910, № 7, стр. 95.

тариата» и пр. и т. п. Но — увы! — этим нельзя было скрыть реального содержания агитации за рабочий съезд.

Вот что пишет автор брошюры «Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.», Череванин:

«Если... встать всецело на точку зрения Аксельрода, то было бы вполне последовательно и разумно разорвать сейчас же с партией... И некоторые ме-ки на фракционных собраниях совершенно последовательно договаривались до этого. Один, например, прямо предлагал проститься с партийной организацией, так как там группируются только нежизнеспособные элементы. На другом собрании он снова предлагал «ликвидировать партийную организацию и повести открытую работу в профессиональных союзах и других массовых организациях» [1]).

Вот они практические выводы из «выдуманной идеи». Эти выводы пользовались широким распространением. Тов. Джапаридзе докладом г. Мартова на ту же тему вынужден был к следующему вопросу:

«При чем же тут во всем докладе партия? Почему не сказать прямо, что мы ликвидируем партию?» [2]).

О другом, вернее о третьем, «вожде» ме-ков, украшавшем своими руководящими и неизменно злобными по отношению к бе-кам статьями все издания ме-ков 906-7 г.г., о г. Потресове тов. Плеханов пишет:

«Он упрекнул меня в непоследовательности, которая заключалась по его словам в том, что, признавая необходимым рабочий съезд, я в то же время признавал необходимой и нашу партию. Сам же он, отстаивая идею съезда, отрицал идею партии» [3]).

Как же Аксельродовско-Мартовско-Потресовская последовательность отражалась на местах? Тут мы могли бы привести длинный ряд личных воспоминаний, показывающих, что иного значения кроме ликвидаторского по отношению к партии эта идея фактически не имела. Но пусть говорит ме-к.

«Все что я видел — передает тов. П. доклад рабочим делегата «одной из крупных организаций Юга России» — привело меня к убеждению, что партия, интеллигентская партия разлагается. Интеллигенция — проститутка, от которой вам надо

---

[1]) Указанная брошюра, стр. 78—79. Г-н Мартов с своей обычной «ловкостью» оспаривает т. Плеханова, не имевшего будто бы права «проводить» (в № 1 «Мысли») аналогию между «ликвидаторами» и Биссоляти, «который желает замены социалистической партии партией рабочей профессионалистской». («Н. З.», 1911, № 1, стр. 50). Приведенные в тексте слова ясно указывают, как прав был тов. Плеханов в своей аналогии. О ней можно было говорить уже в 1907 г., с тех пор эта аналогия только увеличилась.

[2]) Ibid., стр. 79.

[3]) «Дневник» № 10. Приложение, стр. 14—15.

бежать, иначе она заразить вас сифилитическим ядом. Ваше спасение только в рабочем съезде, к созданию которого надо приступать немедленно же всем без различия взглядов и убеждений» [1]).

Упомянутый делагат говорил грубовато. Но странно было бы отрицать, что он лишь грубо передавал взгляды своих «вождей»: г. Потресов выразил бы то же много изящнее.

Но рабочее собрание не литературный салон.

В 1907 году ликвидаторские тенденции были фактом среди значительной части ме-ков и этого нельзя было скрыть, несмотря на то, что тогда же г. Мартов объявил уже борьбу против ликвидаторства борьбой «социалистов против рабочих». Эта спасительная формула будет затем повторяться всякий раз, когда партия выскажется против «кампаний» и «идей» г.г. ликвидаторов.

3. «Долой партию» — лозунг г.г. И., Череванина и др. (1908 г.).

В 12 № своего «Дневника» т. Плеханов обращал внимание Ц. К. на следующий факт. «И. в феврале или марте 1908 г. читал в Москве *доклад* в заседании меньшевистского коллектива *о ликвидации старых партийных учреждений и организаций, считая их существование реакционным элементом, с которым прогрессивная часть должна бороться самым энергичным образом*» [2]).

---

[1]) «Д. Л.», № 3, стр. 23.

[2]) Г-н И. не кто-нибудь. Г-н И. заочно выбран меньшевиками членом Ц. К. на Лондонском Съезде. Он один из ближайших сотрудников «Голоса С.-Д.». Он представитель голосовцев в З. Б. Ц. К. Г-н И., наконец, был представителем «Голоса С.-Д.» на Копенгагенском международном конгрессе. Быть может эту его карьеру значительно облегчало то обстоятельство, что он в среде меньшевиков был ренегатом большевизма. Но спрашивается: сделал ли бы ошибку тот, кто, имея задачей — как она стояла перед секретарем Центрального Органа тов. Зиновьевым по поводу письма тов. Алексея М. — определить *политическую физиономию* этого г-на, сказал бы: он виднейший меньшевик, он политический единомышленник ред. «Голоса Соц.-Демократа», он политически *близок* к этой редакции. И тот, кто так бы определил позицию и роль в партии г-на И. был бы не только прав. Он обязан был это сделать, если не хотел приписывать «странной» тактики г-на И. в Москве каким-либо его *личным* соображением. Тов. Зиновьев сделал лучшее, что он мог сделать для г-на И., пояснив, что И. стремился к ликвидации одной из важнейших организаций Р. С.-Д. Р. П., руководствуясь не какими-либо другими, а только *политическими* соображениями редакции «Гол. С.-Д.». Казалось бы и г-н И. и редактор «Голоса» должны были бы быть только благодарны тов. Зиновьеву, снявшему с ближайшего сотрудника последнего подозрение в неполитических поводах его «тактики».

Но было здесь одно обстоятельство, сильно ослабившее благодарность редакции «Голоса» тов. Зиновьеву. Ведь этим устанавливался факт причастности «Голоса» к странной тактике г-на И. Редакция решила *отречься* от И., прикрыв это отречение шумом искусно взвинченного негодования по адресу секретаря Ц. О. С непринужденностью, достойной писак из «России»,

Названный выше И. пытался опровергнуть это указание. Однако, он не преуспел с своим опровержением, ибо он не мог опровергнуть того, что является наиболее важным во всем этом деле. Именно, И. и не пытался опровергнуть то, что он (и не он один) смотрел на партийные учреждения, как на реакционный элемент, рациональное отношение к которому заключается не в помощи им, а в борьбе с ними. Широкое распространение подобного взгляда не подлежит сомнению.

Из многочисленных подтверждений этого нашего утверждения о широком распространении взгляда на необходимость борьбы с партийными учреждениями сошлемся на два. Они тем ценнее, что, будучи написаны почти одновременно, но людьми стоящими на разных точках зрения, они касаются одного и того же момента и подтверждают друг друга.

В № 12 «Дневника» опубликовано следующее письмо о положении дел в Москве в конце 1908 г.: «Резко выступили... так нами называемые «меньшевики в меньшинстве», вдохновителями которых были Ларин и Череванин... Последний был теоретиком ликвидаторства. Меньшевики в меньшинстве выпустили в конце 1908 г. *книжонку против партии, доказывая, что она вредна, что она анахронизм,* и что рабочее движение пережило узкие рамки партии; *и выставили лозунг: долой партию с ее нелегальностью!*»

Не кажется ли читателю, что не только смысл, но и слова «книжонки» московских ликвидаторов в передаче корреспондента «Дневн.» поразительно совпадают со смыслом дел и словами немосквича г. И. в их передаче т. Алексеем Московским? Случайно ли это совпадение?

и с отчаянием изобличенного фальсификатора г. Мартов поспешил сообщить: «во время поездки т. И. в Москву последний не только не стоял «близко» к редакции «Голоса», но *не имел к ней, вообще, никакого отношения*» (Необходимое дополнение... стр. 11).

Не имел к ней *никакого* отношения!.. Полно, г-н Мартов! Так-таки не имел *никакого* отношения к редакции «единственного обще-политического меньшевистского органа», по выражению г. Потресова, — голосовец член Ц. К., через пару месяцев после своей поездки столь удобно устроившийся на страницах этого органа?

А г-н И., продолжающий служить гг. редакторам на роли их представителя в центральных учреждениях партии и в качестве «благородного свидетеля», призываемый на страницы голосовских изданий для борьбы с Г. Плехановым, с каким чувством читал он заявление г. Мартова о своей непричастности к ред. «Голоса»!.. Надо полагать,—и он удивлялся мартовскому остроумию.

Конечно, пустившись на самую явную фальсификацию г. Мартов не мог придумать ничего лучшего по отношению к разоблачившему игру г. И. и редакции «Голоса» секретарю Ц. О., как воспользоваться уроками того преследуемого вора, который старался обмануть публику, играя роль преследователя. Ну, и людишки!..

Пойдем дальше. В № 22 «Голоса С.-Д-та» в статье, которую редакция этого органа рекомендует, как восстанавляющую «*подлинную* картину целой полосы в развитии меньшевизма», повествуется следующее. Дело идет о Москве же

> «Осенью 1908 г. начались собрания ме-ков. В процессе споров выделилась группа человек в 11 — 14, в общем столковавшаяся на следующих положениях: . . . 2) Р. С.-Д. Р. П. находится в состоянии крайнего организационного и отчасти идейного разложения; 3) это разложение вызвано не столько полицейскими гонениями, сколько развитием и усложнением классовой борьбы (сравнительно с 1905 г., вероятно? Ю. К.); *поэтому все попытки восстановления старых форм организации являются утопически-реакционной затеей. . .*»

Насколько принципиальна и глубоко-продумана была точка зрения «группы», об этом свидетельствует тот факт, что «группа» в предложенном другими меньшевиками же плане восстановления оформленной меньшевистской организации в Москве «усмотрела попытку реставрации подполья». . .

Опять таки. Не кажется ли читателю, что в планах, развивавшихся г-ном И., в «книжонке» «теоретиков ликвидаторства» Ларина и Череванина и в платформе «группы 11-14» веет общий и определенный дух?

Могли ли, однако, сейчас приведенные нами факты помешать литераторам из «Голоса С.-Д-та», из «Откликов Бунда», Троцкому утверждать, что ликвидаторства нет, что ликвидаторство — плод разгоряченной фантазии большевиков и плехановцев? — Конечно, не могли, ибо наиболее слеп тот, кто не желает видеть. А не желали видеть ликвидаторства те, кто желал его прикрыть. А прикрывать ликвидаторство должны были те, кто чувствовал свое кровное родство с ликвидаторами.

Вышеприведенные факты, равно как и десятки других получили огласку лишь в 1910 году, в результате решительной борьбы, поднятой против врагов партии, предпочитавших до поры до времени делать свое разрушительное дело в тиши [1]). В 1910 же году, когда молчать дальше было нельзя, мы нашли в легальной ликвидаторской литературе и общую характеристику психологии «беглецов». «Наша Заря» поместила статью, в которой прямо брала под свою защиту тех, кто «необходимо должен был *уйти* и поискать другого, более соответствующего места». . ., кто «должен был *бежать* оттуда, где скована была всякая инициатива, всякое творчество и всякие искания». (Читай: из Р. С.-Д. Р. П.)

---

[1]) Ныне г. Мартов и это конспирирование от партии старается поставить в заслугу ликвидаторам (Спасители etc. стр. 5 — 6), создавая новую категорию «ликвидаторов умозрительных». Но нам не надо было нового словечка, чтобы знать, что ликвидатор — труслив.

4. Предложения о самораспущении партии (1908 — 1909 г.).

Члены Ц. К. м-ки, которые с 1908 г., «перестали принимать какое-либо участие в делах Ц. К.», которые посвятили свое освободившееся благодаря этому время на пропаганду лозунга «долой партию!» к середине года могли констатировать, что Ц. К. «в течении последних месяцев совершенно перестал функционировать»... правда, по причинам не какого-либо другого, а полицейского характера.

Это приятное всем врагам партии положение должно было, однако, прекратиться. К июню месяцу г.г. ликвидаторы были обеспокоены слухами о возможности созыва собрания Ц. К. по инициативе «б-ков, поляков и отчасти бундовцев». (Об инициативе м-ов здесь, конечно, не было и речи). Ц. К. должен был обсудить и вопрос о конференции.

В виду столь печального оборота дел члены Ц. К. ме-ки, г.г. И. и Днепровский сочли нужным обратиться к ме-кским организациям со следующим предложением.

> «Мы предлагаем: 1) не созывать в настоящий момент проектируемой конференции... 2) *ограничить на ближайшее время роль Ц. К. лишь информационными функциями, вследствие фактической невозможности для него, как показал опыт, быть пока чем-либо большим, чем информационное бюро. Если наше предложение не будет принято, то мы вынуждены будем отказаться от фактического участия в дальнейшей деятельности Ц. К., считая это участие бесполезным и порождающим вредные «организационные иллюзии»* [1]).

---

[1]) Предложение, как сказано, подписано г. Днепровским и г. И. Тем самым г. И., первые шаги которого по этому пути были сделаны, по свидетельству г-на Мартова, в тот момент, когда он никакого отношения к редакции «Голоса» не имел. Однако, на «декабрьской» конференции г. Дан заявил, что инициатива июльского предложения г. И. и г. Днепровского принадлежала ему, *г-ну Дану*. Это проливает свет и на вопрос о причастности или непричастности г-на И. к редакции «Голоса С-Д.» во время его февральских подвигов. Такая ли разница между февральскими подвигами г-на И. и июльской «инициативой» г-на Дана? Так ли велик промежуток времени между «февралем и июлем, чтобы не имеющий никакого отношения» к редакции, г. И. стал писать свои предложения под диктовку г. Дана.

Для характеристики политических нравов дановского кружка не лишне напомнить судьбу этого предложения. Возмущенный его явно ликвидаторским характером, т. Э. (член Ц. К. от Бунда) сообщил об этом предложении членам Ц. К. — большевикам. («Письмо т. Э.» см. в приложении.) «На пленуме Ц. К. в августе 1908 г., повествует г. И. в «необходимом дополнении», — б-ки, до которых дошли некоторые отрывки из этого письма в вольной передаче из вторых рук,.. сделали из него громкое дело о «заговоре против Ц. К.». К этому г. И. добавляет, что на происходивших тогда же — во время пленума — совещаниях м-ков це-кистов с редакцией

Конференции — не созывать, Ц. К. — лишить функций Ц. К. политической партии, если же Ц. К. останется Ц. К., то от работы в нем отказаться, чтоб не плодить иллюзий. Таковы практические лозунги. Г-н И. не счел нужным включить в это обращение свои «принципиальные» соображения о «реакционности» самого факта существования Центральных Учреждений, предпочитая обессилить их извнутри своим ультиматумом о прекращении функций Ц. К. партии. Но со стороны лиц, считавших единственно «прогрессивною» борьбу с партийными учреждениями, было вполне логично заявить о своем уходе из этих учреждений, буде последние не согласятся перестать функционировать в качестве организованных представителей организованной партии.

Ц. К. не внял советам ликвидаторов. Они, несмотря на это, не привели своей «угрозы» в исполнение и оставили за собой формальные права для того, чтобы в ближайший же срок повторить то же предложение о самораспущении партии. Но теперь это предложение было сделано *в более стыдливой форме* [1]), хотя и *с более широким размахом.* Это предложение было внесено меньшевиками делегатами на общепартийную конференцию в декабре 1908 — январе 1909 г. в виде их резолюции по организационному вопросу. В ней повторяются все те мотивы, которые мы могли констатировать в работе И., Череванина, «группы 11 - 14», Днепровского, Дана. Смысл резолюции был настолько ясен, что она была отвергнута, как ликвидаторская, и бундистами.

Эта резолюция предлагала партии считать «наиболее активными элементами рабочего класса» те элементы, которые ушли из партии, и предлагала изъять «решение текущих политических вопросов и вопросов рабочего движения» из ведения партии и передать его совещаниям тех «социал-демократических элементов, которые в настоящее время находят поприще для своей социал-демократической (социал-демократической ли? не ликвидаторской ли?) деятельности вне ее рамок».

«Г. С.-Д.» т. Плеханов отнесся критически и к планам и к письму г-д Дана, И. и Днепровского. Г-н И. забыл лишь добавить, что авторы письма решительно предпочитали «вольную передачу из вторых рук» опубликованию письма, что на этом же пленуме они решительно отказывались предать его гласности, что они предпочли хранить его в тайне и после декабрьской конференции, и что напечатали они его лишь после того, как его обещал напечатать т. Плеханов, ровно *через полтора года* после его написания. Г-да Дан, И. и Днепровский проявили в этом инциденте всю ту меру трусливости, которая соответствует их ликвидаторской блудливости. Это, впрочем, и есть, видимо, образчик «умозрительного» ликвидаторства. Так ли, г-н Мартов?

[1]) Стыдливость формы была подсказана автором предложения тем, что оно делалось вторично уже в тот момент, когда внутри самих м-ков начали усиливаться голоса против ликвидаторов (деятельность м-ков-партийцев в Москве осенью 1908 г.).

Это достаточно выразительно.

Не менее выразительно и следующее. Отвергнувши единогласно (кроме авторов) резолюцию о самораспущении партии, конференция всеми голосами (против м-ков) приняла, между прочим, специальную декларацию, которая признает, что

«для работы среди масс, остающейся попрежнему основной задачей с.-д., центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс... все использование легальных и полулегальных организаций»...

Принятия этой резолюции было вполне достаточно для авторов проекта о самораспущении партии для того, чтобы констатировать:

«что касается организационных взглядов большинства партии, то тут наблюдается *полный возврат к самому худшему из пережитого в прошлом*» [1]).

В непосредственной связи с подобным отношением к вопросу о восстановлении нелегальной партийной организации, стоит и признание той же делегации, что

«конференция может приобрести в истории партии крупное — хотя и явно отрицательное — значение. Это будет в том случае, если утвержденные ею организационные принципы не останутся на бумаге,... а будут проводиться в жизнь» [2]).

Поскольку, однако, «утвержденные принципы» заключались в восстановлении нелегальной партийной организации, — главнейшая забота о *непроведении их в жизнь* выпала не на гг. ликвидаторов из бывших марксистов, а на гг. ликвидаторов из жандармских офицеров. «Голос С.-Д.» устами г. Мартова приложил печать к «странному» совпадению взглядов тех и других ликвидаторов относительно «отрицательного значения проведения в жизнь» организационных решений конференции. В № 12 этого органа (март 1909 г.), г. Мартов относил за счет «гниения» партийной мысли и приравнивал к «скандалу» —

«такие реакционные решения, как то, которое приняла партийная конференция по организационному вопросу, постановив стремиться к возрождению изжитой формы замкнутой централизованной конспиративной организации».

Истинно-прогрессивным было бы, как мы знаем, стремиться к *не*-замкнутой, *не*-централизованной, *не*-конспиративной, *не*-организации.

---

[1]) Отчет Кавказской Делегации, стр. 45.
[2]) Ib., стр. 4.

Это то «прогрессивное» стремление и имела в виду партийная конференция, когда принимала следующую резолюцию.

«Констатируя, что в ряде мест замечается со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии, — конференция находит необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно-партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.»

В ответ на это постановление конференция гг. ликвидаторами была объявлена «выразительницей всего отсталого и рутинного», обвеянной «мертвым духом сектантской кружковщины» [1]).

5. Через год (1910).

Разорвав в 908 г. с партийными организациями и совершив, казалось, в этой области все доступное для отступников, гг. ликвидаторы посвятили 909 год «идейной» борьбе с Р. С.-Д. Р. П., возведению идеологического покрова для своего организационного разрыва с партией революционного социализма в России. Их приключения в этой области мы рассмотрим (и рассмотрим подробно) ниже. Пока же обратимся к следующему — за декабрьской конференцией — моменту в *организационной* деятельности партии и организационной измене ликвидаторов.

Через год после конференции (в январе 1910 г.) собрался пленум Ц. К. Одной из его важнейших задач было обсудить меры к поднятию активности в деятельности центральных учреждений партии в России. Одной из необходимых мер к этому было пополнение сильно поредевшего вследствие полицейских условий состава самого Ц. К.

Это можно было совершить только путем кооптации. Кооптация могла быть произведена лишь при том условии, что в ней примут участие члены Ц. К. м-ки, выбранные на Лондонском Съезде. Они были налицо. Однако, как мы знаем, с 1908 года они «устранились от какого-либо участия в деятельности Ц. К.» Итак, на дороге ко всякому возрождению деятельности Ц. К. стоял вопрос: захотят ли члены Ц. К. м-ки помочь ему в пополнении своего состава, или будут занимать позицию, весьма естественную для врагов партии, но удивительно напоминающую притчу

---

[1]) По поводу конференции Р. С.-Д. Р. П., «Г. С.-Д.», № 12.

о нетравоядном четвероногом, охранявшем сено. «Сам не ест и другим не дает».

Захотят ли гг. члены Ц. К. — ликвидаторы изменить эту позицию верных псов, охраняющих интересы лиц, в свою очередь заинтересованных в том, чтоб Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. функционировал в сильно ослабленном виде? Изменить эту свою позицию— с точки зрения чистого ликвидаторства (хотя бы и «умозрительного»!) — означало, конечно, вступить на путь компромисса с партией.

Вопрос заключался, конечно, в том, чтобы пополнить *русскую* коллегию Ц. К. Насчет положения дел в тот момент небезынтересное признание заключается в словах г. Дана о том, что «все большевистские члены этой коллегии (русской коллегии Ц. К.) и раньше (до пленума) пребывали в России». (Листок г. Дана «Ко всем членам партии». 1. v. 11 г.)

Этими словами устанавливается необходимая ясность. Члены Ц. К. — большевики работали в России. Для того, чтобы расширить состав коллегии и повысить ее работоспособность, надо было кооптировать новых членов. Для этого на собрание русской коллегии должны были явиться члены Ц. К. — меньшевики, *с 1908 года ни разу не являвшиеся на собрания Ц. К. в России.*

Как же отнеслись гг. ликвидаторы к предложению большевиков, клонившемуся к усилению Ц. К.? Они остались верны себе. Мы шли первоначально на пленум — пишет г. Мартов — «*с намереньем отвергнуть всякий компромисс*». Это признание г. Мартова в твердой решимости гг. ликвидаторов бойкотировать Центральные Учреждения партии читатель найдет на 33 стр. его грязной брошюры.

Что же произошло от этого «первоначального намерения» ликвидаторской последовательности? Произошло только то, что и тогда, когда «первоначальное намерение» гг. заграничных ликвидаторов было поколеблено, *русские их единомышленники довели их «первоначальное намерение» до конца.* Состав русской коллегии был определен с максимумом гарантий прав партийного меньшинства. В нее должны были войти 2 б-ка, 2 м-ка и по 1 представителю от трех национальных центров. Цекисты-большевики отправились в Россию. Предстояло раздобыть ме-ков-цекистов. В дальнейшем предоставляем слово этим последним в лице г.г. М., Ю. и Р.

> «Агент Ц. К., — пишут они в «Г. С.-Д.» (№ 24, Приложение) — обратился к нам с предложением явиться на заседание Ц. К., *хотя бы для того, чтобы принять участие в кооптации новых членов Ц. К. — меньшевиков.*
>
> Наш официальный ответ гласил: мы отказываемся по личным мотивам» . . .

«Мы затем — продолжают г. г. М., Ю. и Р. — в частной беседе поделились с агентом Ц. К. рядом соображений», формулированных редакцией «Голоса С-Д-та» в следующих выражениях: «М., Ю., Р. объяснили, что *и при отсутствии личных мотивов они должны были бы отказаться от вступления в Ц. К.*» . . .

Итог: трое г. г. ликвидаторов имеют права членов Ц. К. От них, точнее от их согласия явиться на одно заседание Ц. К., зависит расширение работы Ц. К. и — в связи с этим — самая возможность его нормального существования и функционирования. Они отказываются это сделать, потому что считают *самое существование Ц. К. вредным.* (См. Письмо русск. бюро Ц. К. в «С.-Д-те», № 12). Они, обращаясь одновременно к уподоблениям из области гинекологии и уголовного права, находят самый приступ Ц. К. к работе подобным «вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности» [1]). Становясь в позу прокуроров, они громят преступный Ц. К. вообще, большевиков в особенности. Но, как перед лицом прокуроров его величества, так и перед лицом прокуроров ликвидаторства, — мы оставляем за собой право считать самих прокуроров — преступниками, последних — преступниками против партии.

Через 2 года, в начале 1910 года перед нами та самая мотивировка отказа от работы в центральных учреждениях партии, с которой в начале 1908 г. выступил г. И., тоже член Ц. К. — ме-к. Но и здесь и там не только пассивный отказ от работы. И здесь и там — активная борьба с партией, борьба людей, пользующихся своими официальными постами в партии, чтобы *активно* мешать партии. Чего бы проще людям, находящим партию «реакционным элементом», как г. И., а Ц. К. — вредным, как гг. М., Ю., Р., взять и сложить с себя хотя бы звание членов Ц. К. и тем развязать ему руки для работы? Но нет, все они продолжают сохранять за собой свои звания, пользуясь ими для того, чтоб тормозить работу. Они — испытанные стратеги: они знают, что полезно иметь *своих людей* в центре крепости, которую осаждаешь.

Как же отнесся «Голос С.-Д.» к поступкам и заявлениям М., Ю. и Р. Он протестовал против выступления Ц. О. против этих господ, затем он предоставил этим господам свои столбцы для защиты их позиции и в длинном «послесловии» выступил как их адвокат, предъявив «встречный иск» к тем, кто разоблачил их. (Приложение к № 24.) Этим последним ред. Голоса свела совершенно на нет трусливо-лицемерное бормотание г. Мартова в № 23, о чьем-то анонимном «легкомыслии», доставившим повод для выступления Ц. О. Чем же объясняется это отношение «Голоса»

---

[1]) Г-да М., Ю. и Р. не нашли возможным в своем пространном опровержении опровергать этих своих слов, сообщенных в цитированном уже письме русского бюро Ц. К.

к гг. М., Ю. и Р.? Тем, конечно, что эти господа сказали то, что думали, но не посмели сказать гг. редактора «Голоса Дана», тем — во-вторых — что у самих гг. редакторов по отношению к русской коллегии Ц. К. «рыльце было в пушку» . . . и даже очень в пушку.

Сопоставьте факты.

Г. Мартов, как мы видели, заявляет, что они шли на пленум с твердым намерением не работать в русской коллегии Ц. К.

Г. Дан, как мы тоже видели, заявляет, что вопрос шел о пополнении русской коллегии именно ме-ками, ибо «все бе-ские члены русской коллегии и раньше пребывали в России». (Листок г. Дана 1. v. 911 г.)

В своей брошюре г. Мартов считает одной из существеннейших *уступок* бе-ков на пленуме — перенесение руководящего учреждения в Россию. Г-да редакторы неоднократно подтверждали это свое мнение, что перенесение Ц. К. в Россию есть главнейший из положительных итогов пленума и всегда представляли это — как уступку, вырванную у бе-ков.

Теперь заглянем туда, где делается политика «Голоса С.-Д.». Воздух там не очень хорош, но что поделаешь; кстати же завесу приподнял никто иной, как г. Мартынов.

Выступая с защитой г. Дана против прямых обвинений тов. Ольгина, г. Мартынов пишет г. Дану:

> «Вы сказали мне (во время пленума), что смотрите пессимистичнее чем мы, *на судьбу русского Ц. К.* Удастся ли в близком будущем поставить его на ноги и оберечь от провалов, еще вопрос». (Листок г. Дана. IV. 11 г.)

Так. Смотрел «пессимистичнее», однако . . . не только не протестовал против перенесения, *но стремился к нему,* всюду пропагандируя, что подобное перенесение будет победой над . . . большевиками (ст. «Об итогах пленума» в № 18 «Г. С.-Д.» — редакционная брошюра г. Мартова — издана «Г. С.-Д»); из своего пессимизма он делает *только* тот вывод, что надо бы посильнее укрепиться в заграничном Ц. О.

Допустим, что гг. из «Г. С.-Д.» правы: что перенесение в Россию Ц. К. было уступкой большевиков м-кам. Что же выходит?

Ленин смотрит пессимистически на «судьбы русской коллегии Ц. К.» и потому предостерегает от перенесения его в Россию.

Г-н Дан смотрит пессимистически на то же дело, но не только не протестует против переноса, но поддерживает мнение, что «перенесение» есть победа над «кружковщиной». Не над самим ли Ц. К-том, г. Дан?

Действительно. «Победа» г. Дана имеет ту поразительную сторону, что прямехенько привела к «победе» г. Столыпина на Ц. К. А ведь г. Мартынов свидетельствует, что г. Дан отдавал себе отчет в последствиях своей победы.

Гм! . . . Поневоле приходит в голову, что отношения редакции «Голоса С.-Д.» к усилению работы Ц. К. были очень, очень сложны . . . Винить ли гг. М., Ю. и Р. в том, что всей этой сложной игры редакции они не поняли и поперли прямиком: *не надо Ц. К.*

Товарищи, которые не видят связи между «прямотой» М., Ю. и Р. и «сложной» политикой Голоса — увы — обнаруживают очень мало проницательности!

Политическая ответственность за «тактику» М., Ю. и Р. и за ее последствия лежит на редакции «Голоса С.-Д.».

К этому надо добавить одно: русские цекисты б-ки, настроенные наиболее примирительно, еще *трижды* на протяжении месяцев обращались к М., Ю. и Р. с предложением явиться на заседания Ц. К. Г-да М., Ю. и Р. оставались непреклонными, а Ц. К. все ждал их . . .

6. Еще через год (1911).

«Кажинный раз на эфтом самом месте».

Понятно, что, проделав все то, что было проделано за период 1908 — 10 гг., гг. ликвидаторы не отказали себе в удовольствии устами г. Мартова торжественно констатировать в ноябре 1910 г., т.-е. почти через год после пленума: «не удалось ни разу собрать в России небольшую по численности коллегию Ц. К.» Действительно не удалось. «Пессимизм» г. Дана оправдывался.

Какой вывод следовал из этого жизненного подтверждения «умозрительного» [1]) пессимизма г. Дана?

C'est selon. Это — смотря по тому, кто делал выводы. Г-н Дан, одобренный столь явным подтверждением своих «умозрительных» гипотез практикой, склонен был этим и удовольствоваться. Г-да М., Ю. и Р. тоже не ощущали неудобства от этого совпадения их теории и столыпинской практики.

Но ни логика дановского «пессимизма», ни совпадение желаний М., Ю. и Р. о несуществовании Ц. К. с практикой не были достаточны для тех, для кого из факта годовых неудачных попыток собрать Ц. К. в России был один вывод, — Ц. К. должен собраться *где угодно, но собраться должен* [2]).

---

[1]) Г-н Мартов предлагает считать «ликвидаторство» — «умозрительным» ликвидаторством. Я предлагаю почитать «пессимизм» г. Дана тоже лишь «умозрительным». Этим, кажется, решаются кой-какие споры . . .

[2]) «Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Ц. К. Стало быть, если в виду полицейских и вышеуказанных политических помех Ц. К. не удается созвать в России, его надо собрать за границей. Это единственное средство» . . ., так писали партийцы большевики в декабре 1910 г. (С.-Д., № 19).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Во исполнение требований этой логики, — которая сильно отличается от логики гг. Данов и пр., но, кажется, обязательна для любого члена партии, большевики 5 декабря 1910 г. внесли в З. Б. Ц. К. предложение о созыве пленума хотя бы заграницей. Большевики потеряли на попытках созыва русской коллегии лучшие бывшие у них практические силы, сделали все возможное для созыва Ц. К. в России. Для них было ясно, что дальнейшие попытки можно было предпринять лишь с минимальными шансами на успех. Они настаивали на собрании заграницей.

Большевики знали, что людей с столь странной логикой в партийных делах, как г. Дан, нельзя убедить на созыв Ц. К. заграницей одним указанием на его печальные судьбы в России.

То, что казалось неизбежным и необходимым выводом из годовых неудачных попыток созыва пленума, ведь совсем не было обязательным для тех, кто рассуждал, как гг. М., Ю. и Р., или как г. Дан, или как г. И.

Согласие на созыв Ц. К. у них можно было только *вынудить*.

Большевики, казалось, обладали этой возможностью. Их требование созыва пленума заграницей было обставлено с формальной точки зрения так [1]), что г. И. должен был в конце концов согласиться с членом З. Б. Ц. К. — бундистом, что

> «... Предложение большевиков о созыве пленума Ц. К. (т.-е. заграницей. Ю. К.) для решения вопроса о деньгах находится в согласии с решением последнего пленума» (из рез. З. Б. Ц. К.).

Однако признание «законности» требования не обозначало еще для ликвидаторского большинства З. Б. Ц. К. согласия на созыв пленума. Наоборот. Специальное заявление г. И. (все тот же—И!), внесенное им в З. Б. Ц. К., недвусмысленно говорило, что он против созыва пленума. Конечно, он прикрывал свой отказ голосовать за пленум ссылкой на русскую коллегию Ц. К., на возможность ее собрания.

Но мы слишком хорошо знаем уже г-д И. и Дана, чтоб не видеть в их заявлении и в их позиции по поводу созыва Ц. К. простого прикрытия их основной мысли: Ц. К. не должно быть.

Б-ки не верили в удачу новой попытки созвать русскую коллегию, но они согласились ждать еще, когда З. Б. Ц. К. указал на «организацию в близком будущем заседания узкого состава Ц. К.» (русской коллегии) (из той же резолюции).

Указанный срок прошел; русской коллегии не удавалось собраться, а самоотверженная работа над ее созывом в России

---

[1]) Оно было основано на предусмотренных пленумом Ц. К. правах беков требовать созыва пленума в случае несоблюдения условий заключенного тогда с последними договора. Бесстыдная попытка г-на И. оспорить эти права не выдержала испытания даже перед бундистом; поэтому мы говорим далее, что только «в конце концов» г. И. присоединился к бундисту.

давала желанный повод и благовидный предлог г-дам из «Голоса» мешать созыву заграничного пленума.

Прошло почти полгода с того времени, как большевики выставили свое требование: Ц. К. должен быть; если его нельзя созвать в России, его надо созвать заграницей, — и вести из России привели нас к окончательному убеждению, что созыв русской коллегии окончательно невозможен.

Большевики возобновили свое требование, шесть месяцев тому назад отложенное усилиями бундиста — члена З. Б. Ц. К. и г. И.

Положение было ясно до последней степени. Голосовать против созыва Ц. К. заграницей при выяснившейся за полтора года и подтвержденной последними событиями невозможности его созыва в России — значило открыто подтвердить неизменность той позиции, на которую стали ликвидаторы еще с 1908 г., значило опять употребить свое звание члена Ц. К. для того, чтоб помешать созыву Ц. К., его работе, его функционированию.

Положение было ясно до того, что у бундиста опять не хватило духу пойти до конца за господами из «Голоса», и он воздержался. (Очень осторожно! Очень предусмотрительно! Очень по-иезуитски!).

Г-н И. — при одобрении, конечно, «Голоса» — голосовал *против созыва Ц. К.* Ц. К. еще раз был сорван.

«Кажинный раз на эфтом самом месте!».

Почему бы это? Не руководствуются ли враги с.-д-тии в России тем правилом, которому — у одного военного писателя — обучал бравый дядька молодого солдата перед боем с турками: «ты ему, турке-то, в сердце мети!»

* * *

Довольно фактов. В руках у читателя достаточный материал для того, чтоб дать себе отчет, почему меньшевики «с 1908 г. перестали принимать участие в деятельности Ц. К.» и остальных партийных организаций в России.

Если он скажет себе: потому что меньшевики-ликвидаторы пришли к убеждению, что их задача бороться с Р. С.-Д. Р. П., а не помогать ей, — то он будет совсем близок к истине. Если же он добавит, что рассмотренные выше факты организационной деятельности гг. И., Череванина, Ларина, группы 11 - 14, Днепровского, Мартова, кавказской делегации, М., Ю., Р., Дана не могли быть подсказаны ничем иным, как стремлением разрушить партию революционного социализма методами внешнего нападения и внутренней измены, то такой читатель выскажет самое истину. И если он не захочет остаться в пределах животрепещущей склоки, если он не захочет продолжать барахтаться в сплетнях, если он захочет понять общую тенденцию всех вышеуказанных фактов, — а это теперь долг каждого русского социал-демократа, — он дол-

жен будет спросить себя, почему же эти люди увидели свой долг и свою обязанность в работе для разрушения партии. Во имя чего ведется бывшими с.-д. принимающие такие низкие и отвратительные формы борьба против Р. С.-Д. Р. П.? Только это важно и только ответ на этот вопрос поможет каждому рабочему из области сплетен и клевет выбраться в область действительно важных, имеющих крупное значение для рабочего движения политических столкновений Р. С.-Д. Р. П. с формирующейся партией легалистов-независимцев.

Открытая рабочая (?)
партия и задачи
Рос. С.-Д. Рабоч. Партии

I. Воинствующее ренегатство.

В главе, посвященной истории разрыва группы легалистов-ликвидаторов с Р. С.-Д. Р. П., которую мы сочли полезным, в качестве фактического материала, предпослать нашему изложению, мы отмечали уже попутно те формулы, которыми эта группа прикрывала и оправдывала свой разрыв с партией революционного пролетариата в России.

Нам придется теперь, — раньше, чем перейти к характеристике *идейного* разрыва ликвидаторов — сторонников открытой рабочей (?) партии — с революционной социал-демократией, — рассмотреть подробнее эти формулы, выдвинутые г.г. ликвидаторами против партии и в защиту своего бегства из нее.

Это подвинет нас значительно вперед в деле ознакомления с нашими врагами.

Но тут мы должны сказать, что г.г. ликвидаторы очень плохо защищали свои ликвидаторские поступки. Это, правда, не столько вина, сколько беда их.

Дело вот в чем. Чтобы защищать какой-либо поступок, надо сметь быть логичным. Логика требовала, чтобы, защищая свои ликвидаторские шаги, г.г. ликвидаторы не скрывали, что их задача заключается в упразднении Р. С.-Д. Р. П. Но сослаться на эту свою «конечную цель» у ликвидаторов долгое время не хватало духу. Они предпочитали защищать и оправдывать свои шаги, ссылаясь не на свои «цели», а на посторонние обстоятельства.

Они предпочли воспользоваться приемом тех «буржуазных социалистов», которые так рельефно описаны К. Марксом в «Коммунистическом Манифесте». «Свободная торговля в интересах рабочего класса! Покровительственный тариф в интересах рабочего класса! Одиночное тюремное заключение в интересах рабочего класса!», так, по словам «К. М.», говорят эти господа.

Маркс назвал этот прием «простой риторической фразой». Но он не был бы неправ, еслиб назвал его — рассчитанной шарлатанской фразой.

«Ликвидация Р. С.-Д. Р. П. в интересах рабочего класса!», восклицают теперь наши ликвидаторы, и поневоле напрашиваются на то, чтоб к ним были применены — соответственно — и заключительные слова цитируемой главы «Манифеста»: «Весь социализм гг. ликвидаторов заключается в повторении того, что ликвидаторы сделались ликвидаторами единственно в интересах рабочего класса».

Употребляя подобный прием, гг. ликвидаторы проявляли весьма почтенную осторожность, очень непочтенную трусость и сильно рассчитывали на обман своей аудитории. Но обманули они только тех, кто желал быть обманутым, г. Троцкого в первую очередь, конечно.

1. «Партии — нет», или как г-н Потресов защищал ликвидаторов.

В 1908 г. меньшевизм в литературе был представлен только «Голосом С.-Д-та». На заголовке своем этот орган поставил: Р. С.-Д. Р. П. Но попробуйте пересмотреть все вышедшие за этот год №№ этого органа. Попробуйте на основании их выяснить себе отношение этого органа к партии. Увы, мы можем только пожалеть историка, которому какой-нибудь катаклизм оставил бы в качестве единственного материала для суждения о Р. С.-Д. Р. П. — этот «партийный» орган. Просмотревши его, он с полным правом задал бы себе вопрос: да полно, существовала ли в 1908 г. Р. С.-Д. Р. П.

Фигура умолчания о партии — вот та позиция, которую заняла газета. Взгляните на «объявление об издании Г. С.-Д.». Оно толкует о реакции, о безнадежности, о пессимизме, о мистицизме, об эротизме, о том, между прочим, что «рабочий класс продолжает, однако, упорно отстаивать легальные позиции», об обязанностях «свободного слова социал-демократии», но о партии, ее существовании, о ее прошлом, об обязанности работать над ее возрождением и укреплением, о нелегальной работе — об этом вы не найдете ни слова [1]).

---

[1]) Это не должно нас удивлять, если мы вспомним, с какими чувствами приступали к изданию органа некоторые из виднейших его руководителей. Завесу над этим приподнимают следующие слова г. Мартова: «В течение всей второй половины 1907 г. он один (т. Плеханов) из всего позднейшего состава редакции «Голоса» — горячо отстаивал необходимость образования за границей меньшевистского органа, против чего первоначально восставали и я и П. Б. Аксельрод... Плеханову пришлось еще потратить не мало красноречия, чтоб убедить нас, что такое предприятие своевременно». («Необх. дополн.», стр. 12). Думается, что, обсуждая вопрос о «своевременности», нельзя было избегнуть и вопроса об отношении органа партии. Не расскажет ли нам г. Мартов и об этой стороне вопроса?

Глубокое молчание о задачах нелегальной работы, о задачах самой партии прерывает на момент лишь г. Мартов, чтоб обругать Ц. К. за его единогласно (т.-е. и меньшевиками) принятую резолюцию, рекомендующую сплочение членов партии, работающих на легальной арене, да г. Дан, поднимающий голос для того, чтоб протестовать против попыток немедленного организационного строительства социал-демократии.

> «Партия переживает кризис — вещает г. Дан. При таких условиях стремиться во что бы то ни стало организационно закрепить обломки прошлого (сиречь: то, что осталось организованного в Р. С.-Д. Р. П. от погрома контр-революции. Ведь и П. К. и М. К. и всякий другой К. был к 1908 году не более как обломок прошлого». Ю. К.) значило бы... искусственно консервировать окаменелости... Теперь более, чем когда-либо, была бы пагубна «централизация» на пустом месте» [1]).

Молчание, прерываемое лишь свирепыми окриками по поводу подполья,—в этом выразилось *все* участие «Голоса С.-Д.» к тяжким событиям, переживавшимся Р. С.-Д. Р. П. в самый тяжкий момент контр-революции. Чтоб найти в истории русской общественности другой пример подобного отношения к своей собственной организации, надо было бы спуститься к 80-м годам, когда люди, за несколько лет перед тем гордо носившие имя народовольцев, стаями шли в либерализм.

Но чем дальше, тем невозможнее становилась фигура умолчания. Декабрьская (1908) конференция назвала ликвидаторов по имени, русские практики (м-ки партийцы) осуждали своих недавних товарищей и звали к борьбе с ними.

И «Голос» заговорил, сообщивши на первый раз, что «обнаруживают большую непродуманность» те,

> «кто стремится размежеваться из-за более или менее оптимистического взгляда на дальнейшие судьбы нынешней партийной организации». (№ 12) [2]).

Итак, поистине великий спор о том, быть или не быть Р. С.-Д. Р. П. в контр-революционную эпоху, — благодушно сводился

---

[1]) «Г. С.-Д.», № 8 — 9. Г. Мартов ныне — с видом обманутого в своих лучших чувствах литературного фокусника — с наигранной горестью повествует о неготовности русских практиков «для решительной организационной инициативы». (Спасители etc., стр. 16). Но не сам ли он с г. Даном культивировали, начиная с 1908 года, в своем «Г. С.-Д.» те же тенденции? Ныне в «отсутствии организационной инициативы» своих единомышленников-практиков, инициативы, неожиданно понадобившейся им для учинения раскола, они жнут плоды собственного «идейного» руководительства что называется: не рой другому ямы, сам в нее попадешь!

[2]) Это высказывание, быть может, было облегчено тем, что к выходу этого № Г. В. Плеханов уже перестал принимать участие в делах редакции «Голоса».

к вопросу о большем или меньшем «оптимизме». Расходиться из-за этого вопроса — нелепо, внушал «Голос».

Вы считаете существование Р. С.-Д. Р. П. важнейшим и необходимейшим элементом с.-д. работы в России, мы считаем ее существование излишним и вредным, — но, в конце концов, это так неважно, спорить из-за этого значило бы «становиться на путь никчемной организационной схоластики» (там же), это такой второстепенный вопрос о нужности или ненужности организованной партии революционного социализма в России в 1908—1909 г.г., что говорить о нем, группироваться согласно ответам на него — значит обнаруживать глубокую «непродуманность». Глубокая вдумчивость — в том, чтобы пренебречь этим вопросом.

Сие — не есть важно, эту истину рекомендовал № 12 «Голос Соц.-Дем.» познать меньшевикам-партийцам, призывавшим «вести борьбу против всех врагов партии — как бы они там ни назывались» — между прочим и против м-ков-ликвидаторов. (Заявление т. Алексея в № 7 «Рабочего Знамени», перепечатанное в февральском (2) № «С.-Д.» за 1909 г.).

Сие и не существует, провозгласил № 13 «Г. С.-Д.», тем самым открыв, наконец, как ему казалось, позицию, неприступную для противников ликвидаторства.

> «К 1909 г. от старой организации остались одни обломки. Заниматься специально ликвидацией этих обломков было бы просто бессмысленным делом»,

писал в «Голосе» г. Мартов. Эта формула была признана гениальным открытием всеми ликвидаторами. Помилуйте, такая счастливая мысль!

Эту формулу только обобщил г. Потресов, когда написал:

> «Надо же признать, наконец, что то «старое», которое собираются «восстановлять», разрушается теперь не только под влиянием репрессий и наступательной апатии (это бы еще с пол-горя), но также и под действием пестроты переходного времени... Может ли существовать — продолжал г. Потресов — в лето 1909 г., не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого» [1]).

За этот вывод и за это объяснение г. Потресов был весьма обласкан г. Изгоевым, написавшим по этому поводу:

> «Г. Потресов дает исчерпывающий ответ (на вопрос о причинах идейно-партийного разложения с.-д-тии) и ответ этот совершенно согласуется с тем, что писалось в поносимых им «Вехах», что говорят публицисты «Русской Мысли...».

---

[1]) «Наша Заря», 1910, № 2, стр. 71.

И выход указывает г. Потресов, и опять совершенно в духе «Вех», в том направлении, в котором «Русская Мысль» указывала его всей интеллигенции, не только партийно-марксистской» [1]).

Партии — нет. Нет, значит, и ликвидаторов ее. Вообще ничего нет. Есть только злостные выдумки большевиков, Алексея Московского, выборжцев «фантом в больном воображении . . .» [2]).

С тех пор, как «Голос» и г. Потресов открыли этот метод защиты врагов партии, нельзя раскрыть ликвидаторского журнала, ликвидаторской газеты, чтоб не натолкнуться на ликвидатора, который в поте лица своего и с усердием, достойным рапортующего по начальству преуспевшего искоренителя, докладывает «партии нет!».

Партии нет! — эта формула показалась врагам партии настолько заманчивой, что она очень быстро заменила в их словообороте их истинную формулу: долой партию!

Партии нет! — всякий легальный журнальчик пытался втолковать эту истину русским рабочим.

Партии нет! — рассказывал легальный журналист г-ну Столыпину и г-ну Курлову.

Партии нет! — втолковывал г. Потресов г. Изгоеву.

Р. С.-Д. Р. П.—приказала долго жить и оставила нам свободную арену для деятельности, — провозглашал хор всех этих Левицких, Маевских, Ежовых, Богдановых и им подобных.

Однако — увы! — этому хору не поверили ни русские рабочие, ни г. Столыпин, ни г. Изгоев. А последний даже посмеялся. «Вы раньше повалите, да докажите, что повалили, тогда с вами

---

[1]) «Русская Мысль», 1910, № 8, стр. 67. Надо добавить, что русская литература давно уже не давала образца такой растерянной беспомощности, которую являет попытка на месте пойманного г. Потресова опровергнуть г. Изгоева. С этим ответом г. Потресова может сравняться по злобной бездарности лишь ответ другого «изобличенного двурушника» г. В. Розанова в «Новом Времени».

[2]) Бесстыдство редакции «Г. С. Д.» дошло до того, что еще в последнем (25) № от *мая 1911 г.*, после годовой полемики по поводу ликвидаторства, после признания существования этого течения Ц. К. и даже Троцким, после того, как это было подтверждено рядом не оставивших ни в ком сомнения статей в русской легальной ликвидаторской прессе, эта малопочтенная редакция еще раз пытается прибегнуть к тому же приему отрицания самого факта ликвидаторства. Она повторяет: «Ликвидаторства, как отказа от нашей партийной, идейной и организационной преемственности и наследства, по просту *не существует;* это просто жупел, выдуманный для пугания добрых или наивных людей... Господа, ведь вы же этому сами не верите! Ведь и этому же не поверят ваши друзья, перед которыми лежат годовые комплекты «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни». На что они рассчитывают?

и можно будет разговаривать серьезно», — сказал он г. Потресову.

Высказать то, что есть — всегда очень важно. Этому учил еще Лассаль. Разница между Лассалем и г. Потресовым, так кстати вспомнившем о Лассале, заключается *только* в том, что во имя этого правила Лассаль объявлял «несуществующей» для рабочих либеральную партию, а г-н Потресов объявляет несуществующей для рабочих рабочую с.-д. партию. Во имя этого правила Лассаль отрывал рабочих от существующей либеральной партии, а г. Потресов — во имя того же правила — отрывал и отрывает рабочих от существующей рабочей партии.

Верили ли, однако, г.г. Потресовы, Мартовы, Даны и пр. тому, что они считали полезным сообщить и врагам и друзьям рабочего дела в России.

Нет, не верили.

Ежемесячно подтверждать своей подписью бытие партийной кассы и признавать небытие партии, — уверяю вас, г. Мартов, в этом нет ничего общего с лассалевским правилом, — высказывать то, что есть!

Партии нет! — провозглашение этого лозунга имело для врагов партии троякий смысл, троякое значение, было важно по трем причинам. Во-первых — этот лозунг *освобождал* ликвидаторов от всяких обязанностей по отношению к партии, развязывал им руки; во-вторых, — он констатировал смерть, бесславный конец тех революционных тенденций, которыми жива была Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партия; хороня партию, враги партии тем самым констатировали капитуляцию тех методов, принципов, на которых зиждилась деятельность Р. С.-Д. Р. П. в до-революционную эпоху. Клики восторга, приветствовавшие погребальную процессию ликвидаторов и раздавшиеся со страниц русской буржуазной и международной оппортунистической (см., например, обзоры русских дел в «Socialistische Monatshefte») печати, недвусмысленно свидетельствовали, что веселый кортеж тащил на погост не только тело, но и дух Р. С.-Д. Р. П.

В-третьих, наконец, отсутствие партии освобождало, конечно, от всякой работы по ее укреплению, расширению, упрочению. Нельзя укреплять, упрочивать, вообще работать во славу того, что умерло, что мертво. Освобождение себя от всяких обязательств по отношению к партии, по отношению к революционному социализму — вот *единственный* для ликвидаторов смысл лозунга: — партии нет!

Какой-то поэт сказал, что нет большого преступления, как живое почесть мертвым. Это преступление взяли на себя ликвидаторы, объявив мертвой живую партию ровелюционного пролетариата в России. И, — конечно, — они не могли найти лучшего

момента, чем эпоха торжества контр-революции, чтоб сделать свое сенсационное открытие.

Столыпин взялся успокоить Россию, г-да ликвидаторы расписывались в получении и эхом ответили ему: партия революционного пролетариата в России, десятки лет собиравшая громадную силу, потрясшую до основания старый порядок в России, — успокоилась!..

Когда-нибудь в мемуарах Столыпина мы найдем при перечислении его заслуг перед отечеством цитату из «Г. С.-Д.» и из журнала г. Потресова о конце Р. С.-Д. Р. П., как найдем в перечне заслуг Рачковского рассказ о сотрудничестве Азефа.

2. Клевета на пролетариат, или еще один способ защиты ликвидаторов.

Ликвидатора нет, потому что, ведь, и партии нет, ликвидировать-то нечего; — это была первая ступень. Российскому пролетариату Р. С.-Д. Р. П. не нужна, такова была вторая ступень.

С классической ясностью и с остроумием, достойным Герцена (правда, у него же и заимствованным), эта точка зрения сформулирована именно теми лицами, которые решили своим званием членов Ц. К. партии пользоваться для того, чтоб тормозить работу последнего. Мотивируя это свое твердое (и разумное с точки зрения врагов партии) решение, эти господа заявили: «вмешательство Ц. К. в тот стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях, который теперь происходит, подобно вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности» [1]).

Происходит стихийный процесс группировки с.-д. сил, вмешательство в этот процесс организованной силы партии — преступление. Происходит стихийный процесс перехода к экономической борьбе, вмешательство в этот процесс с лозунгами политической борьбы — преступление. Происходит стихийный процесс перехода бывших социалистов к либерализму, вмешательство в этот процесс — преступление. Происходит стихийный процесс оглупления ликвидаторов, вмешательство в этот процесс — безрезультатно.

Нам думается, что из всех этих положений, из которых первое принадлежит г.г. М., Ю. и Р., второе «экономистам»,

---

[1]) Чтобы не уподобляться г-ну Мартову, мы решили пользоваться только совершенно установленными данными, именно теми, которые исходят от самих ликвидаторов. Цитированные слова находятся в письме Бюро Ц. К. (см. № 12 «С.-Д.») и *не* опровергнуты в пространном «разъяснении» г.г. М., Ю. и Р., в 24 № «Г. С.-Д.» — разъяснении, вполне подтвердившем то, что талантливые разъяснители собрались опровергать.

а третье — «Г. С.-Д.», только четвертое может претендовать на истинность.

Люди, которым кажется преступлением вмешательство партии в стихийный процесс сплочения рабочих в России в 1910 году, безнадежны для социализма социал-демократии. На них могут возлагать надежды лишь те, кто *не хочет* этого вмешательства, для которых это вмешательство опасно, которые предпочитают иметь рабочее движение без социал-демократии, чем социал-демократию, как авангард рабочего класса, «вмешивающуюся» в рабочее движение. Поистине, авторам этих строк более пристало быть изгоевыми либерализма, чем цекистами социал-демократии.

Но как бы то ни было, печальное недоразумение, позволяющее и этим господам пользоваться именем соц.-демократов (не положить этому конец было бы действительным преступлением со стороны партии!), привело к тому, что на страницах «с.-д.» прессы подобные господа расхаживают стаями, заслуживая всякой ласки со стороны г.г. редакторов «Г. С.-Д.».

Вот вам г. Г—г, оставивший свой след на страницах № 10-11 «Голоса С.-Д.» статьей, напечатанной редакцией «с удовольствием».

Он с отрадой отмечает факт движения широких масс от «политики» к «культуре», спорит с теми, кто почитает это движение движением по линии наименьшего сопротивления и заканчивает указанием на то, что «малые дела» ныне «гораздо важнее» политических выступлений». Воспевая свой гимн «малым делам», он не упускает, конечно, случая излить свой яд духовно-обнищавшего интеллигента по поводу «бога подполья» и «любителей подпольного благочестия», которые де терпят «жалкое фиаско» в своих попытках «пропитать духом подполья открытые рабочие огранизации».

Но, о смиренномудрая душа, купленная Столыпиным за право читать лекции по . . . арифметике, у «подполья» не было другого бога, кроме революции, и в подполье был загнан Столыпиным не что иное, как «дух» революции. Духом революции пыталось пропитать «малые дела» подполье, торжествовать же по поводу его «фиаско» (?) можно лишь сознательным и бессознательным союзникам г. Столыпина.

И когда эта смиренномудрая душа констатирует равнодушие рабочих к политике, «в том виде, в каком она проявилась в дни свободы и после», не в праве ли мы предположить, что клевета на пролетариат есть неизбежное дополнение ликвидаторской мудрости и ликвидаторского смирения. Не ясно ли так же, что этому г-ну «вмешательство партии в стихийный процесс. . .» кажется неслыханным и преступным покушением на «процесс» его успокоения в лоне либерального крохоборства.

Однако не тем же ли самым духом, не той же ли самой опаской насчет преступного вмешательства организованной пар-

тии в «стихийный процесс» проникнута и ст. С. (№ 15), к которой «Голос Дана» не только не сделал никакой оговорки, но, наоборот, которую он объявил «намечающей *единственный путь*» [1])) правильной постановки работы? По схеме С. соц.-дем-ты — не члены Р. С.-Д. Р. П., а вообще «с.-д.», — входящие в одну из открытых организаций («их мы должны сделать основой своей деятельности»), создают особую с.-д. группу. Группа будет loseorganisation. Ведение живой с.-д. работы будет толкать «группы» к объединению.

До сих пор всё идет как видите гладко. «Стихийный процесс сплочения с.-д. сил» идет полным ходом... хотя незабвенный вопрос т. Джапаридзе: «при чем же тут во всем этом... партия?», некогда предъявленный им г. Мартову, — невольно просится на уста.

Да и кстати, — ибо тень партии как раз в этот момент мелькнула перед умственными очами автора плана С.

«Процесс» толкает к объединению... вот тут бы кажись и «вмешаться» партии, но... нет! С. партии боится, как... как г. Г — г, как г.г. М., Ю., Р., как всякий ликвидатор.

> «Всякая поспешность в направлении к партийной организации была бы не только бесполезна..., но и вредна, подменяя работу внутреннего слияния организаций в процессе совместной с.-д. работы механическим ее объединением!».

Так, так... сначала «процесс создания групп», затем процесс их объединения в процессе живой работы при помощи процесса внутреннего слияния организаций... Как видим, все эти процессы, каждый в отдельности и все вместе, исключают лишь одну «вредную» вещь — процесс в сторону партийной организации. Слишком много «процессов», г-н ликвидатор, и ни одного «процесса» в сторону партии [2]).

И все это, конечно, на том же, что и у г-на Г—г, основании — «живую работу» пролетариат может вынести, но партии — нет. Ах, — она не должна вмешиваться, ах, как бы не повредила, — кричат слабонервные либералы в лохмотьях марксизма.

Еще рельефнее та же клевета на пролетариат (клевета во спасение ликвидаторов) сказалась в ст. С. и К. Эти хоть прямо пишут:

---

[1]) № 16. Приложение. Курсив ред. «Г. С.-Д.».

[2]) Г-н Мартов весьма обязательно разъяснил по поводу обвинения г. С. Г. В. Плехановым в ликвидаторстве, что «все, что в статье т. С. т. Плеханов нашел «ликвидаторского», можно и без увеличительного стекла найти в программной статье № 1 «Г. С.-Д.». В статье Дана в № 8—9... все организационные «ереси», за которые теперь отвечает т. С., были уже выражены *с полной определенностью*». Курсив, как и благородство, г. Мартова. Впрочем, характер программной статьи «Голоса» был тогда же отмечен специальной рецензией «Пролетария» (см. № 23), а статья г. Дана тогда же названа «ликвидаторской» (см. «Пролетарий» № 38, ст. «Меньшевистские строители партии»).

«Не строить партийную организацию предлагаем мы сейчас. Мы считаем всякую попытку в этом отношении бесполезной и могущей только *повредить* интересам движения в целом». («Г. С.-Д.» № 16 - 17, Прил., стр. 6).

Эк, слово то навязло в зубах. Заговорит-ли о партии Г—г в Питере, С. с Кавказа, С. и К. из заграницы — вредна оформленная с.-д. партийная организация, и баста.

Быть может рельефнее всего эта идея о вредности политической партии воплотилась в статье, нашедшей приют в № 19 - 20 «Голоса», общий дух которой яснее ясного говорит об идейном ренегатстве.

«Нужно прямо сказать: у конспиративной партии теперь нет политических задач. Ей нелегально-конспиративной нечего делать, как организации массовой пролетарской акции политического характера. . .».

Никогда общий дух реакционной эпохи не сказывался сильнее, чем в этих кликах о бесполезности, вреде рабочей партии, никогда не было большего политического разврата, чем печатанье на страницах прессы, называющей себя с.-д., этих песен торжествующего молчалинства. Никогда ни один уважающий себя революционный орган не осквернял своих страниц помещением статей, воспевающих малые дела и рекомендующих погодить с политикой, с партией. За сомнение в необходимости в середине 90-х годов особой политической партии пролетариата с позором изгнаны были из рядов русской социал-демократии гг. Прокоповичи и Кусковы,— неужели для того, чтобы их песня свободно раздалась на страницах с.-д. *нелегальной* прессы в 1910 — 1911 г.г.

Но, скажут нам, ред. «Г. С.-Д.» делала примечания. . .

Да. . . делала примечания, впрочем специально для того, чтобы задать риторический вопрос: неужели с этими-то людьми считаете вы нужным «размежевываться», и была настолько уверена в ответе, что заранее писала:

«Хотели бы мы видеть ме-ков, которые ответят на этот вопрос утвердительно!». («Г. С.-Д.» № 16 - 17. Прил., стр. 2).

Редакция «Г. С.-Д.» была, как видите, вполне уверена в том, что она успела достаточно развратить сознание своей аудитории, чтоб последняя и не подумала о размежевании с врагами партии.

Да, она делала примечания. . . к С. и К., к Г — гу, но не делала их к С. (с Кавказа), хотя нам остается очень не ясной разница между советами «погодить» с политической организацией и «не поспешать» с ней. . .

Да, делала примечания. . . Но за то без всякого примечания, но с большим торжеством поместила «Открытое письмо» (№ 19-20) «старых партийных работников, хорошо известных редакции», которое сообщало, что эти старые партийные работники не знают: во-первых: «зайдет ли далеко процесс организационного разложе-

ния партии»; не знают, во вторых: «удастся ли сохранить организационную преемственность социалдемократии»; не знают, в третьих: «много ли жизнь вообще отмерит еще пространства подполью и сколько «легальному» рабочему движению».

Эти три незнания 16 старых работников, совершенно достаточные для того, чтобы *по крайней мере* помолчать, были, однако, мобилизованы редакцией не для чего другого, как для того, чтобы подтвердить необходимость

> «от старых партийных ячеек апеллировать к рабочим организациям, профессиональным, культурным и иным, *неприспособленным,* правда, *для самостоятельного политического действия . . .*» [1]).

Под этим письмом особенно приятно встретить имена г. г. М., Ю., Р. и Череванина, ибо эти имена дают нам возможность уразуметь, что же *знают* эти господа: а знают они две вещи. Во-первых, что «вмешательство» Р. С.-Д. Р. П. в рабочее движение — преступление против рабочего движения. Во-вторых, что пролетариату-то во всяком случае не нужна сейчас никакая оформленная нелегальная с.-д. партия.

Две истины — по которым можно судить о силе давления контр-революционной атмосферы и либеральной идейной заразы на черепа «16 старых работников» и редакторов «Г. С.-Д.»

3. «Ликвидаторы спасают честь партии», или как г-н Мартов защищал ликвидаторов.

(Бесчестная партия, честные ликвидаторы и искренний г. Мартов).

Дело происходит на Лондонском (1907 года) съезде Р. С.-Д. Р. П. На собрании меньшевиков — членов съезда г-н Мартов делает доклад о рабочем съезде. Выступает с.-д. депутат 2-ой Думы, тот, кого г. Мартов в некрологе назвал «тактическим руководителем, лидером партии во II Думе», т. А. Джапаридзе и спрашивает:

«При чем тут во всем докладе Мартова партия? *Почему не сказать прямо, что мы ликвидируем партию?* Ведь развитая схема сводится к тому, чтобы развивать политическое движение на основе беспартийных организаций и заложить там основы для образования партии».

> «В ответ на это, — рассказывает Череванин, — Мартов делает любопытное заявление. Он говорит, что было бы доктринерством отрицать возможность того, что . . . партия обновится . . . Это заявление осталось для меня, по крайней

[1]) «Гол. С.-Д.» № 19—20, стр. 23.

мере, как-то совершенно несвязанным с другими его рассуждениями» [1]).

Этого вопроса т. Джапаридзе и этого показания нелицеприятного свидетеля, отнюдь не относящегося к числу «хранителей древлего благочестия», достаточно, чтобы понять, что г. Мартову не пришлось действовать contre coeur (против сердца), когда он взял на себя миссию главного адвоката ликвидаторства. Его «рассуждения» первые получили имя ликвидаторских из уст меньшевика же т. Джапаридзе.

Но натолкнувшись на Лондонском Съезде на отпор своим ликвидаторским планам из среды своих же единомышленников, г. Мартов изменил свою тактику. Он решил обождать со своими «рассуждениями», отдав свое время изысканиям того, что могло бы опорочить существующую организацию. «Меньшевики не могут взять в толк моих политических соображений в пользу ликвидации Р. С.-Д. Р. П., рассуждал г. Мартов. Ладно, я приведу их к этой идее *не политическими* путями, путями опорочения существующей организации. Я изображу им партию шайкой экспроприаторов, организацией нечаевцев, рассадником провокации и уведу их от Р. С.-Д. Р. П.».

С этого момента г. Мартов становится главой сыскного отделения, организованного внутри партии для передачи всех могущих оказаться полезными для них сведений врагам партии [2]). Г-н Мартов счел полезным вывернуть шубу. Он был ликвидатором к моменту Лондонского съезда по политическим основаниям. Он предпочел в дальнейшем делать вид, что ликвидатором его сделали события, происшедшее *после* Лондонского съезда.

Всякой ошибкой, бедой, неурядицей, или тем, что ему кажется ошибкой, бедой, неурядицей, или тем, что хоть может быть выставлено перед филистерами всех стран и всех партий как ошибка, беда, неурядица, — всем этим пользуется г. Мартов в качестве аргументов за свою, отвергнутую в Лондоне м-ками, идею.

Но события пошли более быстрым темпом. Ликвидаторство, отвергнутое м-ками в Лондоне, вскоре широко развилось среди них в России. Людей, которые возмутились бы этим, как возмутился т. Джапаридзе, становилось среди м-ков все меньше. Г-ну Мартову оставалось лишь поддерживать своих учеников в России, разжигая их ненависть к партии всеми теми данными, которые он только мог измыслить в своей роли ликвидаторского Шерлок-Хольмса, откомандированного к Р. С.-Д. Р. П.: ложь и

---

[1]) Оно и не могло быть «связанным» с действительным мнением г-на Мартова, ибо было лицемерной уступкой большинству и трусливой увертюрой от призыва т. Джапаридзе быть последовательным.

[2]) Мы *не* говорим здесь о русской и заграничной политической полиции, до которой сведения мартовского сыскного отделения доходили *лишь* кружным путем. О сем см. ниже.

склонность к шантажу, как известно, профессиональные болезни людей этого цеха.

Факт ареста некоторых большевиков в связи с разменом экспроприированных в Тифлисе денег служит г. Мартову лучшим предлогом для его грязной кампании против Р. С.-Д. Р. П. И, заметьте, эксплоатация этого факта г. Мартовым все растет, по мере отдаления нас от этого дела. Эксплоатация этого факта принимает все более интенсивный характер по мере того, как партия находит путь естественной ликвидации этого дела. Эксплоатация этого дела становится особенно упорной в каждый из тех моментов, когда партия, как будто, оправляется от ударов контрреволюции и измены ликвидаторов и пытается стать на ноги. Эксплоатация этого дела принимает горячечный характер как раз после того, как партия общими силами нашла путь его окончательной ликвидации (пленум 1910 г., его резолюция и находящиеся с ней в связи шаги).

Не кажется ли, поэтому, что эксплоатирование этого факта, внимание к нему г-д Мартова и Дана *не стоит ни в какой связи с его действительным значением,* не имеет под собой никакой идейной, принципиальной подкладки, находится в непосредственной связи не с интересами партии, а с какими-то особыми целями г-д Мартова и Дана. Мы утверждаем, что — расчетливые шантажисты, счастливые тем, что у них как будто в руках орудие борьбы с партией, — они пользуются этим делом для того, чтоб бросать его под колеса партии всякий раз, когда они видят ее оживление. Достаточно сказать, что повесть г. Мартова об этом деле он счел нужным поведать лишь в 1911 году, *через 4 года после самого события, после его формальной ликвидации Ц. К.,* после того, как — что хорошо известно шантажистам — все ими рассказанное может иметь значение только в качестве орудия личной борьбы, после того, как — что хорошо известно шантажистам — *они и до и после* этого факта смотрели сквозь пальцы на факты подобного порядка. Почему же? — Потому что именно этот факт казался им годным для борьбы с Р. С.-Д. Р. П. Потому что—трусливые и бессильные в идейной борьбе — они предпочитали переносить спор в другую область и устами г. Аксельрода заявлять:

> «Не в принципиальных или хотя бы только тактических разногласиях внутри партии заключается главное препятствие к восстановлению мира в ней и поднятию ее работоспособности. Оно заключается в антипартийных, уголовно-преступного характера средствах, применяемых б-ками». . . [1]).

Потому что, говоря иначе и говоря словами т. Плеханова, они не прочь бы были недостающий им политический капитал заменить капитальцем, заработанным на «уголовщине».

---

[1]) «Необх. дополн.».

Поступая таким образом, они полагают, что «спасают честь партии». На самом же деле деятельность шантажистов бесчестит партию, и если путем этого бесчестия спасается чья-либо честь, то только «честь» врагов партии. Пора это понять!

* * *

Отрицание существования партии, клевета на пролетариат, клевета на партию — все хорошо для того, чтоб прикрыть отребья ренегатства. Вся борьба ренегатов с Р. С.-Д. Р. П. велась этими именно методами, и их-то они использовали в полной мере. На этом думали они сколотить свой политический капиталец.

Но русские социалдемократы сделали ли бы громадную ошибку, если бы поддались на намеренно закинутую врагами партии удочку и позволили бы г. г. Мартовым, Аксельродам и пр. увести себя из области принципиальных и тактических разногласий в область «уголовно-преступных» сенсаций, сплетен, разоблачений и т. д. Не было бы ничего более приятного для врагов партии. Только этого они и хотели бы.

То обстоятельство, что г. г. ликвидаторы постарались загромоздить путь к выяснению принципиальных вопросов кучами мусора, личных нападок и целыми лесами невылазной склоки, должно побудить русских социалдемократов поскорее сбросить с своего пути все эти ликвидаторские «заграждения» и, несмотря на них, постараться отдать себе отчет пояснее в принципиальных основах современного спора.

Воинствующее ренегатство справедливо видит свою честь в обесчещении партии. Их за это хвалит г. Изгоев и. . . «Земщина» с «Россией». Органы охранных отделений уже сказали г-дам Мартовым: «вы служите хорошую службу».

Честь русских рабочих-социалистов требует, чтобы — предоставив сенсации г. Мартова в полное распоряжение «России» и «Земщины» — перейти через них к выяснению политической физиономии той новой, открытой рабочей (?) партии, во имя которой и работая на которую клевещут и обливают помоями Р. С.-Д. Р. П. г.г. Мартовы, Потресовы, Аксельроды, Даны и пр.

Это — действительно важное, нужное, необходимое дело. В этом должен дать себе отчет каждый сознательный рабочий-социалист.

II. Открытая рабочая (?) партия.

1. «Принципиальные противоположности». Может ли г. Столыпин их примирить?

После поражения революции, особенно с 1908 года начинается бегство из-под знамен Р. С.-Д. Р. П. Как и все ренегаты, люди, покидавшие старое знамя, наделали кучу нечистоплотных поступ-

ков и не обошлись без попытки забросать старое знамя таким количеством грязи, которое только способна была доставить им эпоха духовного обнищания и «веховства». Таков итог того, что мы видели на предшествующих страницах.

Но под какое знамя ушли они? Ибо мы говорим не о тех, кто совсем ушел с общественной арены. Те часто даже не трудились, уходя, оглянуться в сторону своего прошлого, и они нам совершенно не интересны.

Дело идет об общественном, исторически-обусловленном течении, закономерность возникновения которого связана с основными процессами в России эпохи контр-революции. Это течение среди социалдемократии вполне соответствует тому течению среди русского либерализма, которое нашло свое выражение в «Вехах» и в «Русской Мысли» редакции г-на Струве.

Борьба бывших марксистов с партией революционного социализма в России в эпоху контр-революции имеет такое же крупное общественное значение и имеет под собой такое же достаточное основание, как борьба социалдемократии с идеалистическим либерализмом бывших марксистов в 1898 — 1904 году, в эпоху подготовки революции, и борьба двух течений в самой социалдемократии в 1904—1907 годах, в эпоху революционного кризиса.

Теперь не найдется ни одного грамотного человека из числа не совсем беззаботных насчет политических судеб России, который не сумел бы разглядеть за борьбой марксизма и quasi-марксизма в до-революционной, за борьбой большевизма и меньшевизма в революционной России — борьбы двух различных, враждебно-сталкивавшихся тенденций общественного развития.

Никто ныне не посмеет — если не пожелает жертвовать своим званием элементарно-грамотного человека — отмахиваться от вопросов, поставленных этой борьбой, под предлогом того, что эта борьба в свое время засорялась личными, случайными, формальными элементами. Надо быть Троцким, надо уметь жертвовать истиной ради минутных интересов эфемерного кружка, чтобы объявить борьбу в Р. С.-Д. Р. П. в эпоху революции борьбой интеллигенции за влияние на незрелый пролетариат.

Надо быть г-жей Кусковой, чтобы объяснять борьбу с экономизмом — нетерпимостью Плеханова.

Надо быть Изгоевым, чтобы в разрыве со «струвизмом в марксизме» видеть лишь догматическую закоренелость кружковщины.

Надо соединить в себе «принципиальность» Троцкого, «марксизм» Кусковой и приемы Изгоева, чтобы — как г. Мартов — объявить борьбу с ликвидаторством продуктом «личных интересов» эмигрантского кружка.

Но что касается прошлого, хотя бы и недавнего, то историческая обусловленность двух тактик в среде социалдемократии,

поставленной в центре буржуазной революции в стране, вступившей в XX век с неизжитыми еще остатками до-капиталистического строя, — бьет в глаза. И не всякий найдет в себе печальную смелость сознаться в своем непонимании этого обстоятельства.

Что же касается переживаемой эпохи, то провозглашение своего непонимания совершающегося разделения в среде социал-демократии — скоро, кажется, будет объявлено основной политической добродетелью всякого работника пролетарского дела. Вся добродетельность «Правды» зиждется, ведь на этом [1]).

Но если люди, дрожащие за свою добродетель, предпочитают закрывать глаза на протекающий перед ними процесс, то другие находят весьма выгодным для своих целей указывать, как на причину всего процесса, — на злонамеренность или злокозненность тех или других личностей. Если для Троцкого процесс отделения революционного социалдемократизма от оппортунистического рабочелюбия в Столыпинской России есть только продукт разложения изживших себя фракций, то для г. г. Мартова и Аксельрода весь этот процесс есть лишь результат преступной политики . . . Б. Ц.

Гнетущая атмосфера контр-революции и придавленности массового движения создают среду, в которой идейная борьба, ясность и выдержанность принципов, определенность политической линии охотно обмениваются на леденцы сладкогласного примиренчества, на слащавую «практичность», трепещущую столкновения идей.

Эпидемия примиренческого практицизма всегда в рабочем движении ознаменовывала момент падения революционного напряжения и классовой активности.

В этом кажущемся противоречии кроется причина и постоянного бессилия «практицизма» и его неизбежного убывания по мере роста движения.

Торжество практицизма и примиренчества, естественное в момент понижения активности рабочих масс, в определенный момент становится *тормозом* их дальнейшего развития. Тогда группки и кружки, взявшие в свои руки монополию представительства «практических потребностей рабочего движения», превращаются логикой развития в рассадники идеек, реакционных и тормозящих действительную практику классового движения. . . Современное нам примиренчество и «практицизм», так широко разросшиеся на почве обмеления живой пролетарской борьбы, никогда не поймут, почему насквозь полемичная и «непрактичная» «Искра» сделала в 2 года то, чего не могло сделать в 5 лет примиряющее,

[1]) А последний листок «Впереда» — резолюция о положении дел в партии — свидетельствует, что и эта группа под сенью этой, взятой ею из «Правды» на прокат, добродетели пытается спрятаться от неминуемости своего окончательного разложения.

практическое, побившее рекорд (Троцкий еще не появлялся на политической арене) в идейной широте «Рабочее Дело».

Борьба различных тенденций в современном рабочем движении — факт, который могут на момент *прикрыть* торжествующие версальцы или торжествующая столыпинщина, но которого не может победить ни примиренчество, ни практицизм, ни какой-либо вид интегрализма.

И это больше всего надлежало бы помнить социалдемократам, работающим среди пролетариата России.

Социалдемократическая мысль и социалдемократическая работа, разбитая в России на две струи всеми условиями буржуазной революции, *не могла быть объединена* репрессиями торжествующей контр-революции.

Вопросы, поставленные революцией, — глубоки и серьезны; вопросы, поставленные контр-революцией, — не менее глубоки и не менее серьезны, хотя и не допускают столь стремительного, как в революционную эпоху, перехода от теоретического к практическому ответу.

Контр-революция ставит серьезнейшие вопросы, но не дает условий для их быстрого решения на практике. Вот этой-то оттяжкой, которую внешняя сила, контр-революция, кладет между выработкой пролетариатом ответа и приведением его в исполнение и живет «практицизм».

Так как не может иметь *непосредственного* значения решение вопроса о характере «текущего момента», то «практицизм» предлагает на этот вопрос совсем не отвечать.

Так как не может иметь *непосредственного* значения решение вопроса о гегемонии, то «практицизм» предлагает считать этот вопрос — «пустяковиннейшим пустяком».

Так как пролетариат не может сделать *непосредственного* употребления из ответа на вопрос о тенденциях современного развития, то «практицизм» предлагает сей вопрос считать неотносящимся до партийной работы с.-д. . .

И т. д. и т. д.

Бессловесные — лишены неприятностей спора. Примиренчество, лишь превращая социалдемократов в бессловесных, действительно добивается своих целей. Но, в конце концов, не имея сил превратить в бессловесных мыслящих социалистов, примиренцы на самих себе показывают пример бессловесности (о, конечно, только по некоторым — важнейшим — вопросам: добейтесь-ка, например, от «Правды» ответа на вопросы, перечисленные выше!) [1].

---

[1]) Это не мешает ей, конечно, весьма высокопарным слогом излагать то, что *уже* стало бесспорным, — не без предварительных споров, конечно, от которых тоже воздерживался какой-нибудь идейный предок Троцкого.

Вопросы, поставленные контр-революцией, сказали мы, глубоки и серьезны. Ответы, данные на эти вопросы различными группами, различными классами, — различны. Ответы, данные на них Р. С.-Д. Р. П. и ее врагами из бывших социалистов, — диаметрально противоположны. И в этом — и только в этом — причина того, почему рядом с Р. С.-Д. Р. П. возникла у ее врагов попытка и *стремление к созданию новой враждебной ей партии.*

Вчерашние члены партии вышли из Р. С.-Д. Р. П. и мечтают о создании другой партии (что вполне естественно, раз они хотят быть последовательными) потому, что данное партией решение вопросов, поставленных контр-революцией, их не удовлетворяет. Партия решает их с точки зрения революционного социализма, они решают их в духе либерализма. *Их ни перед чем не останавливающаяся борьба с Р. С.-Д. Р. П. ведется во имя либерального ответа на поставленные перед российским пролетариатом контр-революцией вопросы.*

Заключительный, практический, конкретный вывод в борьбе бывших социалдемократов с Р. С.-Д. Р. П. — создание *открытой рабочей (?) партии — есть лишь практический вывод из своеобразного, либерального решения вопроса о революции, о гегемонии, о соотношении классов* в контр-революционную эпоху.

И именно потому, что этот вывод опирается на известное решение всех этих вопросов, — теория открытой рабочей (?) партии ликвидаторов не есть досужая фантазия того или другого политического авантюриста, которой можно было бы пренебречь, а крупное общественное явление, детали и частности которого крепко и неразрывно связаны с решением крупнейших вопросов жизни по-революционной России.

Самый осторожный, самый туманный, самый ловкий и самый богатый на увертливые формулировки сторонник открытой рабочей (?) партии в России, г-н Мартов проговорился в № 13 «Г. С.-Д.» следующим заявлением:

> «Нелегальная организация социалдемократических элементов, борющаяся за *открытое* (курс. г. М.) рабочее движение т.-е. в том числе и за завоевание собственного открытого существования, есть, конечно, нечто *принципиально* (курс. наш) противоположное нашей старой партийной организации, как она сложилась к 1905 году».

К этой тираде стоит присмотреться внимательно. Нелегальная с.-д. организация 1910 г. *принципиально противоположна* нелегальной с.-д. организации до 1905 г. Сейчас приведенная цитата дает только один ответ на вопрос о корне этой *принципиальной противоположности.* Этот ответ состоит в том, что нелегальная с.-д. организация 1910 г. — борется за открытое рабочее движение и за завоевание открытого существования для себя.

Очень хорошо. Но за что боролась *принципиально противоположная* организация, «как она сложилась к 1905 г.»?

Беру программу этой организации и не без удовольствия убеждаюсь, что эта программа развивает следующие положения. Р. С.-Д. Р. П. ставит своей конечной целью социалистическую революцию. Она полагает, что эта революция недостижима никаким другим путем как только путем развития широкого, открытого, массового движения рабочего класса и организации его в открытую самостоятельную политическую партию. Для всестороннего, широкого, открытого развития классовой борьбы пролетариата Р. С.-Д. Р. П. видит препятствие в современной социально-политической обстановке России, и, потому, стремится путем низвержения самодержавия изменить эту обстановку в направлении возможно большего расширения арены массовой и открытой борьбы пролетариата за социализм.

Беру — далее — пропагандистские брошюры, газеты, листки и всюду вижу то же: Р. С.-Д. Р. П. борется за условия, при которых станет возможной открытая массовая борьба пролетариата за социализм. На каждой странице, в каждой брошюре то же: мы боремся с самодержавием во имя завоевания наивозможно более широких условий для открытой партии социализма, и полагаем, что эти условия будут тем шире, чем более активно вмешается пролетариат, как самостоятельная сила, в процесс окончательной ликвидации старого порядка в России.

Убедившись в этом направлении борьбы Р. С.-Д. Р. П. до 1905 года, в 1905 г. и далее, я говорю себе: нет, *принципиальная противоположность,* которую г. Мартов устанавливает между Р. С.-Д. Р. П. и своей новой организацией не в том, что первая не боролась за «открытое рабочее движение и за открытое существование для себя», а вторая хочет за это бороться. *Принципиальная противоположность* г-на Мартова — не в этом. Так в чем же?

В том, что Р. С.-Д. Р. П. находила и находит открытое рабочее движение *несовместимым* ни с самодержавием до 1905 г., ни со столыпинщиной 1910 г., а новая организация г-на Мартова исходит из предположения об их совместимости в 1910 г.

Это действительно — принципиальная противоположность!

В самом деле, если борьба за открытое существование есть, как полагала и полагает Р. С.-Д. Р. П., борьба за коренной переворот в «социально-политической обстановке» (чтобы употребить выражение программы Р. С.-Д. Р. П.), то никакой *принципиальной противоположности* между Р. С.-Д. Р. П. и новой организацией г-на Мартова не получается. Эта противоположность действительно встает во весь свой рост, если допустить, что борьба за открытое существование, за открытое рабочее движение есть нечто *принципиально* отличное от этой борьбы за коренной переворот, если предположить, что «борьба за открытое рабочее дви-

жение» — это одно, а политическая революция — это другое. Так думает г. Мартов.

Правда, идея о совместимости открытого рабочего движения с режимом предшественников и наследников покойного В. К. фон-Плеве не нова. Этой мысли придерживались экономисты. Они полагали, что «невозможно ставить движению первой политической задачей — низвержение абсолютизма. Его первой политической задачей может быть *только борьба за ближайшие политические требования,* каковы: свобода союзов, стачек, собраний. . .» (Ответ ред. «Рабочего Дела». . . стр. 25).

Автор «Красного Знамени в России»,—увы! г-н Мартов—следующим образом описывал результаты подобной постановки вопроса.

«Экономистам казалось, что, окрепнувши и организовавшись в стачечной борьбе (мы теперь бы сказали, чтобы сделать все дальнейшее прямым нападением на г-на Мартова: в борьбе за частичные политические требования), рабочие смогут приобрести *влияние* на государственную политику, заставить правительство считаться с мнением рабочих так, как оно подчас. . . считается с мнением фабрикантов. А затем задачей пролетариата будет добиваться, чтобы это действительное влияние было закреплено в виде *политических прав.* (Слушайте, г-н Дан.) Стачки, например, станут сначала безнаказанными, а потом государство издаст закон, признающий стачки. Тоже с союзами и собраниями (слушайте, слушайте, редакторы «Г. С.-Д.» и «Нашей Зари»!) . . . Таким образом, задача борьбы за коренное изменение государственного строя отодвигалась в даль, а в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав (resp. право открытого существования) при сохранении власти в руках нынешнего правительства. Надежда на такой путь развития была неосновательна (именно! Ю. К.), потому что пролетариат может приобрести хотя бы малое влияние на ход дел в государстве, только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все население [1]).

Эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации на место вопроса о политической революции, перемещающей государственную власть из одних рук в другие, говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти. А это уже вредно влияло на развитие революционного духа в рабочих массах» [2]).

---

[1]) Эту правильную мысль мы рекомендуем вниманию авторов петиции о свободе коалиций.

[2]) Этих слов надо искать во *2-м* издании указанной брошюры. Как известно, 2-е издания брошюр г-на Мартова отличаются от 1-х изданий тех же брошюр тем, что в них г. Мартов старательно вытравлял то, что их делало в первых изданиях характернейшими, «талантливейшими произведениями литературы *экономистов*». Теперь г-н Мартов — с помощью контр-революции — возвращается к их первоначальному тексту.

Г. Мартов прав в обоих случаях. Он был прав в 1903 г., когда указывал на вредоносность подстановки на место вопроса о политической революции политических реформ, при сохранении старой власти. Он прав в 1910 г., когда указывает на *принципиальную противоположность* между Р. С.-Д. Р. П. и новой организацией, этот подмен совершающей. Разница лишь в том, что в 1903 г. он был на стороне Р. С.-Д. Р. П., а в 1910 г. на стороне пропагандистов «политической реформы». Но этакие «повороты»... бывают, и для г. Мартова они не новость [1]).

«Принципиальная противоположность» между *задачами* с.-д. организацией «как она сложилась до 1905» и современной организацией с легкой руки г-на Мартова стала общим местом, отправным пунктом рассуждений всех и всяческих оппортунистов русского марксизма. В теориях и писаниях «легальных марксистов», «Нашей Зари», «Возрождения» и «Дела Жизни» она получила дальнейшее выражение и полное развитие, в г. Троцком она получила ловкого, но не всегда умеющего додумать до конца заимствуемые им мысли адвоката [2]).

В том, что оппортунизм облюбовал эту демонстрированную г. Мартовым «принципиальную противоположность» нет ничего удивительного. Наоборот — это совершенно естественно. Надо только помнить, что эта «противоположность» есть не «противоположность» между задачами Р. С.-Д. Р. П. в 1905 и 1910 г., а неизбежная «противоположность» между Р. С.-Д. Р. П. и ее «экономическими» (98 — 903), оппортунистическими (904 — 7) и, особенно, ликвидаторскими (908-...) противниками.

Есть ли сила, способная эту противоположность уничтожить?

Нет, ее не могут уничтожить ни Столыпин с Курловым, ибо именно различной оценкой, различным отношением к столыпинщине, к вопросам, выдвигаемым всем ходом контр-революции, эта «противоположность» партии и ликвидаторства выдвигается и питается. Ее не может уничтожить и Троцкий, ибо никогда еще «принципиальные противоположности» в рабочем движении не

---

[1]) См. предыдущее примечание.

[2]) Нельзя тут же не указать, что выступление большевиков — между ними и автора этих строк — против того места резолюции последнего пленума Ц. К., где говорится о том, что сознательному пролетариату теперь «*впервые* открывается возможность, организуясь в массовую с.-д. партию, применять сознательно, планомерно и последовательно... тактический метод международной соц.-демократии», подсказано было, между прочим, как раз тем, что словечко «впервые» давало повод к истолкованию задач Р. С.-Д. Р. П. в современный момент именно в желательном для г-на Мартова смысле «принципиальной противоположности». Дальнейшие литературные выступления г. Троцкого показали, что его присоединение в этом споре на пленуме к большевикам было лишь случайным и обычным в своей случайности, его уклонением, подсказанным скорее героическими вспоминаниями, чем политическим пониманием.

уничтожались фразой, хотя бы и фразой о «единстве рабочего движения».

Каутский в своей последней работе: «о тактических направлениях в германской социал-демократии» недвусмысленно указывает на то, что «противоположность» между лассальянством и эйзенахством была вызвана ничем иным, как противоположностью их отношений к бисмарковщине, к бисмарковской «революции сверху», выдвинутой поражением «революции снизу» 48-го года. И там же читатель найдет указание на то, что сглаживание этой противоположности могло подвигаться вперед только по мере того, как дальнейшее развитие Германии под ферулой Бисмарка объективно *уничтожало* большинство тех вопросов, которые были поставлены «революцией и контр-революцией в Германии». Да и то говорить о полном уничтожении противоположностей не приходится; «противоположность», сказавшаяся в отношении к контр-революционным методам строительства Германской Империи (Великой Германии), лишь приняла другую форму (форму борьбы марксизма с ревизионизмом), когда бисмарковская постройка была в общем закончена и социал-демократии пришлось устраиваться в новом здании.

Постройка «Великой России» далеко не закончена, объективный ход развития далеко не решил еще вопроса о том, *кто* ее построит, — и потому в основе всех «противоположностей» в деятельности русских социалистов лежит еще принципиальное расхождение в отношении к *нашей* «революции сверху».

Противоположность между деятельностью марксистов и ликвидаторов-легалистов, между нелегальной Р. С.-Д. Р. П. и открытой рабочей (?) партией, между сторонниками и противниками идеи «гегемонии» — есть противоположность между революционно-пролетарским и оппортунистически-либеральным отношением к столыпинско-октябристской революции сверху. Чтоб убедиться в этом, достаточно откинуть в сторону мартовско-троцкистско-впередовскую «ложь во спасение» о том, что ликвидаторство вообще не существует, и заняться внимательным изучением этого важного и серьезного общественного явления контр-революционной эпохи. Надо отказаться от мысли рассматривать это явление, как ряд личных уклонений, индивидуальных ошибок, персональных измен. Дело и интереснее, и глубже, и значительнее.

2. Принципиальная беспринципность.

В № 1 «Жизни» г. Мартов занялся разбором ларинского принципиального обоснования ликвидаторской практики. Ларин в длинном ряде кратких рассуждений о судьбах русского капитализма и о социальном содержании контр-революции пришел к выводу, что ликвидаторство есть законная и необходимая реак-

ция социализма на изменения в социальном характере власти в России.

Г-н Мартов находит этот прием обоснования и оправдания ликвидаторской практики излишним и даже вредоносным. Защищая в этой же статье все ликвидаторство в целом (именно в этой яко бы анти-ларинской статье, г. Мартов указывает на то, что «ликвидаторы спасли честь партии» и что ликвидаторство ценно тем, что ставит «в центре» открытое рабочее движение и что внутри этого открытого рабочего движения — и только там — ищет элементов будущего), — так вот, оправдывая в этой статье целиком ликвидаторство и легализм, г. Мартов тут же торопится прибавить, что «никакие Ларинские схемы не являются необходимой предпосылкой для принятия такой тактики».

Это должно значить, что г. Мартов предпочитает оставлять в тени устанавливаемую Лариным связь ликвидаторской тактики, «спасшей честь партии», с «программой, делающей еще один шаг в сторону реформистской ликвидации самой исторической сущности современного рабочего движения». Мы не станем разбирать здесь смысла этой принципиальной беспринципности, принципиального отказа от додумывания до конца своей тактики, который рекомендует г. Мартов г. Ларину. На полное согласие г. Мартова с Лариным в вопросах непосредственной практики, на его неспособность «ларинским схемам» отказа от революции противопоставить какие-либо другие «схемы», на большую дипломатичность, проявленную здесь г. Мартовым, — достаточно указано в статье В. Ильина в № 4 «Мысли».

Но небезынтересно указать, что усилия дипломатов, направленные в сторону затушевывания связи «программы» и «тактики» ликвидаторов, представляют собою нечто совершенно планомерное, находящее свое выражение по поводу каждого пункта ликвидаторской теории и практики.

«Не видеть, дабы не замечать» — таково отношение г-на Мартова к *принципам* ликвидаторства, ибо «замечать» значило бы указать, что Ларин, Коган и др. во имя ликвидаторской практики призывают отказаться от революции, проповедуют — ужасно недипломатично и совершенно откровенно! — «реформистскую ликвидацию самой сущности современного рабочего движения», пропагандируют и практикуют (поскольку их слушают) «*вползание*» в современный режим [1]).

---

[1]) Надо надеяться, что ни г-н Ларин, ни г-н Я. Пилецкий, ни г. Коган (публицист «меньшевистского толка») не вошли, по крайней мере, в число тех 16 «старых партийных работников, которые были призваны редакцией «Голоса С.-Д.» засвидетельствовать — против Плеханова и большевиков — отсутствие ликвидаторства и реформизма и вступиться за «интересы рабочего движения». Было бы, ведь, слишком... ловко призвать к себе на помощь людей, которых г-н Мартов, конечно, «не хочет подозревать» в реформист-

Итак — не замечать, чтобы не оказаться лицом к лицу с таким «неприятным» фактом, как живое, ясное, неопровержимое, аутенитичное, не большевиками, а самими друзьями и сотрудниками г. Мартова даваемое свидетельство того, что принципиальная основа современного ликвидаторства представляет собой действительную ликвидацию наших традиций, принципиальный разрыв с нашим прошлым. Конечно, единственное, что остается, это прибегнуть к спасительной силе союза «если бы». «Если бы» такова была принципиальная основа, то, конечно, и т. д., но в виду того, что эта «основа» есть злоумышленная выдумка большевиков, то... совсем наоборот: «Ларина я в реформизме не подозреваю». Не замечай!..

Во исполнение сего редакция «Возрождения» по поводу тех же статей Ларина пишет: «Перед нами налицо определенное течение («меньшевистского» толка, добавляет г. Мартов. «*Жизнь*» № 1), говорящее очень ясным языком (вот она — беда-то!). Та же точка зрения разделяется Я. Пилецким (следует ссылка на «Нашу Зарю»)... Но Ларин затронул попутно, и *совершенно неожиданно,* и другой вопрос о ликвидаторстве. Нам кажется, что *тесной связи между формами партийного строительства и природой русского правительства нет*» («Возрождение», 1910, № 11).

Принцип «укрывательства» идей действует, конечно, не только в области соотношений между ликвидаторством и взглядами на революцию. Он действует во всех тех областях, где честное додумывание до конца кажется *невыгодным* дипломатам ликвидаторства, где подобная идейная честность грозит им окончательным разоблачением.

Известно, напр., что вопрос о ликвидаторстве с самого начала был связан с вопросом об отношении к идее гегемонии. Известно, что этой идее, как первородному греху русской с.-д., посвятил целое исследование «сам» г. Потресов, что его дело продолжал в «Г. С.-Д.» г. Мартынов, что в пользу ликвидации этой идеи высказались *все те «практические» ликвидаторы, которым пришла счастливая мысль свести концы с концами в своих идеях.*

Большевики самым определенным образом указали на эту связь между ликвидаторством и отрицанием идеи гегемонии.

ских тенденциях, но по поводу писаний, которых он так кстати вспомнил о «ликвидации наших традиций, действительном легализме, возведенном в принцип, принципиальном разрыве со всем нашим прошлым».

Сообщая, что лица, подписавшие «Открытое письмо», «известны редакции», последняя не хотела, ведь, сказать, что они известны ей, как сторонники «реформистской ликвидации»... Хотя, с другой стороны...

Украшающая это письмо подпись г. Череванина, от взглядов которого сочла нужным перед *немецкими* читателями отречься сама редакция «Голоса» и который после этого отречения не стал ни на каплю лучше, поневоле колеблет нашу уверенность в том, что ред. «Голоса» была счастлива в подборе своих... лжесвидетелей.

В своем предисловии к книге т. Аркомеда Плеханов поддержал это их указание.

Но это было, конечно, лишним поводом для того, чтобы г. Мартов (на этот раз в «Нашей Заре») публично стал показывать свои таланты укрывателя принципов, доказывая, что «никакой связи» здесь не существует и что вообще о гегемонии «дело не идет». Чему же удивляться, если после этого ликвидаторы minoris gloriae, в роде г. Маевского, следуя примеру ред. «Возрождения», с особенной настойчивостью стали провозглашать, что «вопрос о гегемонии припутан ни к селу, ни к городу».

Как видите, тут целая система широко практикуемой литературной непорядочности и идейной нечестности, диктуемой идейной трусостью и непрезентабельным расчетцем на сознательный обман читателя. Зрелище, вряд ли достойное литературы, рассчитанной на рабочих [1]).

Полное воплощение эта картина расчетливой, принципиальной беспринципности нашла себе в «Правде» г-на Троцкого. Вот живое воплощение органа, претендующего на руководство и руководимого принципом: не замечать, чтобы не видеть. Он несколько лет «не замечал» ликвидаторства, а когда «увидел», то только для того, чтобы — по рецепту Мартова, Маевского и др. — заявить, что он не «замечает» связи ликвидаторства с какой-либо программой «реформистской ликвидации», связи ликвидаторства с известным решением вопроса о революции, о гегемонии и т. д., связи ликвидаторства с оппортунизмом. Г. Мартов предлагает г. Ларину помолчать о связи ликвидаторства с коренными вопросами современного рабочего движения, г. Троцкий — во имя популярности! — давно уже молчит об этом. Г. Мартов предлагает г-ну Ларину не «углублять» «вполне достаточного факта»... ликвидаторской практики, не «потоплять вопросов тактики в вопросе о текущем моменте», г. Троцкий... не углубляет, не потопляет.

Больше того. Он дает пример того, как одна яркая фраза оказывается «совершенно достаточной» заменой прямого ответа на общие вопросы «текущего момента».

Но если г. Мартов не хочет замечать связи между известного рода ответом на вопросы «текущего момента» и современным ликвидаторством, легализмом-тож, если г. Троцкий незамечание этой связи кладет фундаментом своей политической позиции, если

---

[1]) Кстати будет напомнить, что эту систему больше всего культивирует тот самый «Голос С.-Д.», который в статье «Без принципов» корил беспринципностью тех большевиков, которые открыли войну против отзовизма, тот самый «Голос», который до сих пор продолжает врать своим читателям насчет принципиальных основ «генерального межевания», провозглашенного Г. Плехановым в меньшевистской среде в ответ на размежевание большевиков с анархо-синдикалистскими сектантами.

вся эта система практического оппортунизма, беспринципности-тож, может быть выгодна — поскольку ее обманы не возмутят их аудитории, — то они не могут изменить того факта, что на деле ликвидаторство *уже* выросло в целую систему политического мышления, имеющую *свои* ответы на все вопросы «текущего момента».

Посмотрим же на эти ответы.

3. «Обновленный строй», буржуазия и пролетариат.

Г-н Столыпин далеко еще не получил своей Садовой, а среди русских социалистов уже нашлись люди, готовые повторить слова Швейцера по поводу этого события, которое определило дальнейшее торжество Бисмарка: «Решительные события совершились... Это не есть то решение, которого мы хотели, но это есть решение, и именно оно фактически существует».

Если в после-мартовской Германии вопросы ее дальнейшего развития заострялись на вопросе о национальном объединении, то для России эти вопросы заострены на вопросе аграрном. Если Бисмарк перебил революцию войной, то Столыпин может ее перебить лишь землей.

Нет, поэтому, ничего более логичного, как то, что перемена программы и тактики, рекомендуемая партии пролетарского социализма в России ликвидаторами, должна исходить из анализа изменений в области российской аграрной проблемы.

Честную попытку начать — как и следует — с начала мы имеем в работах Ларина, Череванина и некоторых других. Оценка современного положения в аграрной области явилась важнейшим моментом и тех — декабрьских — резолюций, в которых партия дала свой ответ на вопрос о «текущем моменте».

Но аграрная проблема есть только центр вопроса, но не весь вопрос в целом. Отказ от идеи аграрной революции или защита этой идеи накладывает, должен накладывать определяющий отпечаток на всю постановку социально-*политической* проблемы в России. Постановка же этого общего вопроса нас только и может здесь занимать.

В уже цитированной нами статье г. Мартова: «Ликвидаторство» и «перспективы» заключается следующее со всех точек зрения любопытное признание. Изложив мысль статей г. Ларина, заключающуюся в отрицании возможности революционной постановки вопроса о создании новой России, г. Мартов продолжает:

> «В статьях некоторых меньшевиков (напр., Когана в «Образовании» за 1907 г.) проводилась та же схема... Более или менее ясно у этих меньшевиков мелькала мысль о постепенном, так сказать, *органическом* «врастании» рабочего класса в ту «законную» страну, которая получила

начатки конституционного режима, о постепенном распространении третье-июньских привилегий буржуазии на широкие круги» («Жизнь» № 1).

Чтобы смягчить горесть этого сообщения, г. Мартов торопится указать, что тот же отказ от перспектив демократической революции лежал в основе тех «более или менее синдикалистских» выводов, к которым приходили «наиболее отзовистские из большевиков». Г-н Мартов вынужден был здесь только повторить то, что с самого появления на политической арене отзовизма и ликвидаторства не перестает твердить большевизм и по поводу чего г. Мартов неоднократно делал большие глаза. Именно, большевики утверждали, что отзовизм есть только ликвидаторство наоборот, ликвидаторство «слева».

Разница между г. Мартовым и большевиками заключалась в том, что, констатировав отзовизм в своих рядах, большевики немедленно порвали с ним, употребив все усилия на то, чтоб разъяснить рабочим несоциалдемократичность отзовизма, а г. Мартов лишь *через четыре года* после отмечаемых им самим статей нашел в себе благородную смелость упомянуть о существовании подобных тенденций в меньшевистской среде и то упомянуть не для какой-либо принципиальной размежевки, — упаси господи! — а лишь для того, чтобы заявить, что представителей этих тенденций ни в каком реформизме он, «разумеется», не подозревает.

Как бы то ни было, г. Мартов решил выдать головой своего сотрудника г. Когана, дабы отвлечь внимание от себя. Не будем, однако, торопиться с осуждением этого несчастного. Для того, чтобы не поддаться на удочку г. Мартова, достаточно задать себе вопрос: чем отличается когановское «постепенное распространение третье-июньских привилегий буржуазии на широкие круги демократии» от «борьбы за легальность», которая — по Мартову, по *Мартову,* а не по Когану, — есть «попытка низов» реализовать для себя те формальные и фактические уступки (привилегии), которые имущая «белая» кость (дворянство!) вынуждена будет делать имущей же «черной» (буржуазия!)» («Возрождение» 1910, № 6, ст. г. *Мартова,* стр. 16).

На наш взгляд между этими формулами нет ни грана разницы. И если г. Мартов в 1910 г. повторил буквально формулу «вползающего в обновленную толмачевщину» Когана 1907 года, — то это совершенно недостаточная причина, чтобы отделять г-на Мартова от г. Когана.

В своей «Истории Германской С.-Д.» Мартов в главе, посвященной «раздорам между фракциями», говорит о том, что «действительные различия» между лассальянцами, как Швейцер, и марксистами, как Либкнехт, заключались в том, «что «Социал-Демократ» (орган Швейцера) вел свою оппозицию, исходя из признания Северо-Германского Союза, тогда как «Демократический

Еженедельник» (ред. Либкнехта) хотел разбить этот Союз вдребезги».

Как бы ни относиться к сравнительной оценке конкретной тактики Швейцера и Либкнехта, проникающей труд Меринга, достаточное подтверждение правильности вышеприведенных слов его находится в том заявлении Швейцера, которое он счел нужным сделать по поводу оценки Либкнехтом «революции сверху» в северо-германском рейхстаге. Швейцер заявил, что «он сходится с Либкнехтом в оппозиции против внутренних порядков Северо-Германского Союза, *но не в стремлении разбить самый этот союз*».

В усиленно и нарочито засоряемых г-дами Мартовыми спорах партийцев и ликвидаторов бывали, однако, моменты, когда эти споры подходили также рельефно к коренным вопросам дальнейшего развития России, как подошли Либкнехт и Швейцер в выше цитированных словах к коренным вопросам бисмарковской «революции сверху»: «Союз», который «стремился разбить» Либкнехт *(вместе с Марксом и Энгельсом)* и дальше оппозиции «внутренним порядком» которого не шел Швейцер (вместе с либералами), — был прямым детищем Бисмарка.

В первом же номере «Пролетария», вышедшем заграницей, автор «Политических Заметок», обсуждая выдвинутый тогда (как реакция на 3-е июня), лозунг «объединения оппозиции», поддержанный тогда и бернштейнианцами «Товарища» и народниками «Русского Богатства», писал:

> «Мы всецело за «объединение, за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции (NB. Г. Коган тогда уже написал свои статьи, о которых заговорил в 1910 году г. Мартов). Не нравится? (NB. Г-н Мартов тогда еще считал нужным молчать о статьях г. Когана). — Наши дороги разошлись. — Старый дооктябрьский лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано М-д-му из «Нашей Трибуны»!) не выкидываем его прочь («Учредительное Собрание»). Наша «программа-минимум», «программа нашего объединения» проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика». («Пролетарий» № 21, февраль 1908 г.).

Ответ на этот вопрос со стороны «Г. С.-Д.» заставил себя ждать. Промолчав целый год, «Г. С.-Д.» нашел, наконец, в себе мужество высказаться по поводу этой программы объединения».

Только в апрельском № за 1909 год, г. Мартов решился подойти к вопросу вплотную и дал ответ, который ценен *не* своим положительным содержанием (он бил в лицо всему практическому поведению и характеру решения всех конкретных вопросов со стороны «Г. С.-Д.» и ликвидаторов). Этот ответ ценен тем и только тем, что он признавал *правильность той постановки вопроса,* которая была дана в «Пролетарии» и от которой не

в силах оказались увернуться ни г. Мартов в 1909 г., ни г. Ларин в 1910 г.

«Голос С.-Д.» писал:

«Пока история не решила этого вопроса о будущем так, как его решила для Германии в 1871 г., до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи итти к неизбежному политическому кризису со своим революционным решением политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация поместного землевладения и полная свобода самоопределения)» (№ 13).

«Пролетарий» немедленно же по получении этого «ответа» писал:

«Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюции партийной конференции декабря 1908 г. Г-н Мартов ими вплотную подвинулся к позиции нашей партии» [1]).

Но отмечая это, «Пролетарий» тут же указывал на весьма характерную непоследовательность автора «ответа», сбивающую его все время с партийной позиции к «позиции Потресова-Череванина». Действительно, признание, что «социал-демократия должна пока итти к кризису с своим революционным решением» было только парадным словом, совершенно не соответствующим не только всему предыдущему и последующему в практике единомышленников «Г. С.-Д.», но и всему, что предшествовало и что следовало за этими словами в той же статье.

Во всяком случае эти слова г. Мартова важны для нас, как показатель того, что он вынужден был формально признать правильность такой постановки вопроса, которая была сделана «Пролетарием» и которая, как мы могли убедиться на примере споров Либкнехта и Швейцера, неизбежно оказывается в основе тактических делений в моменты, когда «история еще не решила» вопроса об окончательном торжестве революции сверху, как было в Германии до 71 года и в России в 1908 — 1911 годах.

Работа в роли крайней оппозиции на почве созданной контрреволюцией при отказе от стремления разбить самое эту «почву», — как Меринг характеризует позицию Швейцера, — или революционное разрушение самой этой почвы, отнюдь, конечно, не исключающее использование всяческих «возможностей», но ставящее это использование под контроль революционной тактики,—тактика, которую вместе с Либкнехтом разделял Энгельс (см. его анонимную полемику со Швейцером в последнем отделе

---

[1]) Кстати будет сказать, что только этого рода ответ, данный после годового размышления, только и сделал психологически возможными те кратковременные разговоры «об объединении», которые довольно широко велись заграницей в 1909 г. Кратковременность же объясняется тем, что очень быстро обнаружился чисто словесный, лицемерный характер этого ответа.

брошюры о «прусском военном вопросе и германской рабочей партии») и Маркс [1]).

Мы уже видели, что г-н Коган уже непосредственно после 3 июня, в 1907 году, примкнул к первой тактике, поторопившись уже заодно роль крайней оппозиции заменить ролью «вползающих».

Он уже в 1907 г. был не один. В том же году упомянутый уже в цитате из «Пролетария» *М—д—м* в «Нашей Трибуне» от имени группы бундистов писал, что «теперь вместо спора о том, *как* добывать народу то, что ему нужно, — пойдет спор о том, *что* нужно народу», и находил, что «такой спор ближе широким массам», чем вопросы о том, *как* добыть.

Это было уже недвусмысленным призывом считать покончен-ным вопрос *о добывании,* принявшись за выторговывание от созданного контр-революцией порядка того, *что* нужно, и что, конечно, на этой почве *может быть дано*, добавим мы.

А дальнейшее развитие той же мысли принесло нам—в статьях г. Дана — и открытую полемику против «голо-отрицательного положения» по отношению к попыткам контр-революции взять в свои руки процесс социального преобразования (закон 9 ноября), при чем в лице своих противников г. Дан имел отнюдь не анархическое отрицание «отзовистов». Ведь и Либкнехт не был анархистом, ни даже отзовистом... вопреки историческим изысканиям впередовцев.

Эти робкие вначале намеки на теорию вползания получают, затем, в статьях гг. Мартова, Дана, Мартынова, а с другой стороны Ларина с его «очень ясным языком» полное развитие. Эта теория исходит из мысли, что абсолютистские формы, дворянская диктатура и прочие остатки до-капиталистической эпохи, далеко

---

[1]) Чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить факт отказа Маркса и Энгельса от сотрудничества в Швейцеровском «Социал-Демократе», последовавший именно в связи с отношением последнего к бисмарковщине. Ср. критику тактики лассальянства в марксовском письме к Швейцеру от 13 октября 1868 г., где Маркс говорит о «мнимой практичности» лассалевской тактики, неизбежно выдвигающей «прусское государство» и приводящей к «уступкам прусской королевской власти, прусской реакции»... Смысл этих упреков великолепно выяснен Марксом же в его «критике готской программы», зло издевающейся над «увертками», подменяющими борьбу за демократическую республику «требованием вещей, возможных только в демократической республике, от государства, которое есть не что иное, как подбитый парламентскими формами, с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически-канцелярский, полицейски-охраняемый военный деспотизм». А тут же находящиеся слова Маркса о «демократизме в границах полицейски дозволенного и логически недозволительного», так и кажутся направленными против наших сторонников открытой партии.

Во всех этих выступлениях Маркса и Энгельса против Швейцера и «наследников Лассаля» речь идет именно о различном отношении к «почве», создаваемой контр-революцией.

еще не сваленные первой волной российской революции и под ее напором лишь внешне «обновленные», далеко не соответствуют интересам развивающейся, обуржуазивающейся России. Мысль, правильности которой не может, конечно, подорвать ни то, что в 1908 году она могла праздновать 25-летие своего рождения в русской революционной среде, ни то, что в качестве иллюстраций к ней могут быть приведены ... прусская борьба за всеобщее избирательное право, английская борьба с палатой лордов, испанская борьба с клерикальной монархией и т. д. и т. д., целый ряд фактов, *характерных для начала XX века в Западной Европе.*

Ее не делает менее верной и то, конечно, что в контр-революционной России ее усиленно разрабатывает и кн. Е. Трубецкой, побужденный к этому заявлением г. Столыпина: «я — сам помещик», и г. Струве, «Великая Россия» которого наткнулась на бездарность бюрократии, и его степенство, г. Гучков, наткнувшийся на барчука Пуришкевича, и «Голос Москвы», наткнувшийся на «национальный союз».

Бесчисленное количество раз повторяя, пережевывая, «углубляя», размазывая, разрисовывая эту святую истину о противоречии между абсолютистскими формами и неостанавливающимся капиталистическим развитием, как о достаточном базисе с.-д. тактики, г-н Мартов забыл, из чьих рук получил ее, и потому был более чем приятно поражен, когда нашел ее у г. Струве. В 1910 году г. Струве в органе князя Трубецкого писал:

> «Я твердо убежден, что для народного самовоспитания и именно для государственного и культурного дисциплинирования народа ничего не нужно в такой мере, как *полная ликвидация старого порядка* ... В жизни народа есть свои исторические необходимости и только тот, кто их сознает и будет осуществлять, уйдет от власти стихий».

Процитировав эти слова, г-н Мартов торжественно провозгласил:

> «Г-н Струве, кажется, возвращается «в первобытное состояние» — к *языку марксиста»!* [1]).

И тут, действительно, одно из двух: либо г. Струве заговорил языком марксиста, либо г. Мартов разучился различать язык марксиста от языка либерала.

Остается либералом и говорит либеральным языком тот, кто по поводу российского «текущего момента» ограничивается *только* констатацией факта противоречия политических форм и развивающейся социальной среды, тот, кто, как гг. Струве и Мартов, полагают эту констатацию достаточной базой для определения своей тактики.

---

[1]) «Возрождение», 1910, № 6.

«Ликвидация старого режима» была исторической необходимостью во Франции *и* 89 *и* в 30 *и* в 48 гг., в Германии и в Австрии *и* в 48 *и* в 60-х гг. Вопрос в России состоит не в том, что «ликвидация старого режима» есть историческая необходимость, объективная задача и неизбежный этап ее социального развития. Вопрос даже и не в том, в какой форме [1]) будет исторически совершаться эта неизбежная ликвидация. Г-ну Струве не надо было языка марксиста (достаточно было языка идеолога капиталистической буржуазии), чтобы в той же статье, цитируемой г. Мартовым, сказать: «И эта ликвидация будет благом *во всяком случае, каким бы путем она ни произошла*». Это значит, что г-н Струве не делает принципиального различия между путем, скажем, Франции 30 г. и Германии 60 гг.

Действительный вопрос — и тут только начинает сказываться пропасть между либеральным и марксистским языком — заключается в *социальном содержании* этой ликвидации, в том, будет ли эта ликвидация старого режима моментом пролетарски-крестьянской революции или моментом взаимоприспособления романовской монархии и капиталистической буржуазии.

Когда либерал вроде г. Струве, готов благословить ликвидацию, «каким бы путем она ни произошла», он — явное дело — допускает возможность, что в процессе взаимоприспособления монархии и буржуазии могут случиться моменты крайнего обострения.

Но когда яко бы марксист Мартов считает, что, говоря это, г-н Струве говорит по-марксистски, — он столь же явно отрекается от пути пролетарски-крестьянской революции, явно ограничивает свой горизонт *только* теми возможностями, которые разрешает истории либеральная ограниченность какого-нибудь Струве и даже Громобоя и «Голоса Москвы».

Возможна, — говорит либерал, — ликвидация по германскому типу, путем приспособлением юнкерской монархии к буржуазии, возможна ликвидация и по типу буржуазного переворота 30-го года во Франции. По крайности я приемлю и этот второй путь ликвидации. Ведь и для г. Мартова характерность революции 30-го года в том, что она была «подлинной» буржуазной революцией, «революцией наредкость «закругленной» в своей буржуазной ограниченности»[2]). Но что я решительно отвергаю, это — путь 1789 года во Франции и путь 1905 г. в России.

Так говорит либерал, под «марксистские» апплодисменты г. Мартова и всех единомышленников «Г. С.-Д.».

«Г. С.-Д.», как и «Наша Заря» и «Возрождение», как и весь либерализм стоят *на точке зрения признания относительной про-*

---

[1]) В узком смысле слова.

[2]) Л. Мартов в «Возрождении», за 1909 г., № 1 — 2, стр. 29.

грессивности прусского типа 60-х г.г. или французского типа «закругленной», «подлинной» буржуазной ликвидации 30-го года перед «безумно-стихийным», «утопичным» путем 1905 — 1906 г.г.

Сейчас написанные слова надо понимать буквально, т.-е. не в том смысле, что ликвидаторы пришли к убеждению, что всякий другой путь, кроме прусского пути или пути 30-го года, нам уже заказан историей, а в том именно, что всякий другой путь будет менее соответствовать интересам дальнейшего развития России. Таким-то образом позиция «Голоса» определилась не как противопоставление либеральному пути другого, пролетарски-крестьянского пути, не как отстаивание этого второго пути, а как поддержка либералов на ими, либералами, выбранном пути.

Об этой позиции «Голоса» свидетельствует не только характер той критики, которую он и его единомышленники обрушили на первые же шаги народных масс по крестьянско-пролетарскому пути ликвидации старого режима, не только их идейка о противоречии этого пути «хозяйственному развитию России» (см. «Общ. Движение», кн. Череванина), не только их словечки об архаическо-утопическом характере крестьянского восстания (см. ст. Мартынова), не только их приписывание того обстоятельства, что на этот путь встал пролетариат, — «стихийно-революционному, а не политически-сознательному классовому характеру» его движения (см. «Нашу Зарю». 10. 7). Либеральным характером этой критики нашей революции мы здесь не можем заняться.

«Не надо переть туда, где были раз разбиты», воскликнул г-н Дан на общепартийной конференции, протестуя против тех задач, которые последняя намечала для партии.

«Нет большей нелепости, как мысль, будто новый подъем будет ничем иным, как расширенным и дополненным изданием 1905 года», писал он в «Голосе С.-Д.» (№ 13).

«Необходимо прежде всего отрешиться от мысли, что... Россия обязалась решить свою политическую проблему непременно в той обстановке, в какой она пыталась ее решить в 1905 и 1906 г.г.», пояснял г. Дана г. Мартынов в «Возрождении» (1909. № 5—6).

Что обстановка нового подъема будет иная, — это тоже святая истина, на которые такие мастера гг. Мартов с Мартыновым. Но вопрос идет не об «обстановке», а о тенденциях и задачах движения, спор не в том, изменилась или не изменилась «обстановка», а в том, должны ли мы и в *изменившейся* обстановке отстаивать «непременно» «старые» методы «решения политической проблемы».

Мы нарочито говорим не только о старых целях, но и о старых *методах,* ибо, очень много толкуя о новой обстановке, гг. ликвидаторы умудрились ни разу не сказать конкретно, какие же из старых методов и почему отвергает новая обстановка. Метод ли

всеобщих стачек? Метод ли связывания экономической и политической борьбы пролетариата? Или «метод» вооруженных восстаний, солдатских «бунтов», Советов Депутатов, борьбы с либерализмом, и т. д. и т. д.? Гг. ликвидаторы довольствуются пропагандой одного: новая обстановка отвергает гегемонию пролетариата, передавая ее в руки буржуазии.

В этом именно — смысл всех вышеприведенных сентенций об «изменившейся обстановке». Это тот единственный и дорогой гг. ликвидаторам вывод, который они делают из «изменения обстановки».

Под прикрытием слов (правильных слов) об изменении «обстановки» в лагере ликвидаторов как раз и происходит отрицание старых задач движения, отрицание, отказ от путей 1905 года во имя «чистоты» буржуазного переворота, во имя «подлинной», «закругленной» буржуазной революции в ее противопоставлении «не-подлинной», не-«закругленной в своей буржуазной ограниченности» революции 1905 года, революции, специфическую черту которой К. Каутский видел в том, что она уже стоит, благодаря роли в ней пролетариата, на границе буржуазных и социалистических революций.

Защищая октябристскую аграрную программу в III Думе, г-н Львов обрушился на крестьянское движение 1905 — 1906 г.г. Он сказал:

> «Земля каждому нуждающемуся — вот был доминирующий голос . . ., прямо выхваченный из суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе . . . К чему привели бы эти представления? Они привели бы не к созданию социализма; это была только личина социализма, это была только личина национализации земли, они бы сдвинули все наше государство на край того первобытного общинного быта, того полукочевого состояния, когда еще не создались и не окрепли правовые понятия в народной массе . . . На таком фундаменте построить капиталистическое государство невозможно».

Г-ну Мартынову должно было, конечно, понравиться подтверждение его собственных взглядов на крестьянское движение из уст помещика-октябриста. Он дважды цитировал эти слова: «Г. Львов прав», писал он в «Возрождении», «г. Львов весьма проницателен», «г. Львов очень удачно» характеризовал крестьянское движение, — писал он в «Голосе». Однако, что же утверждал г. Львов? Он утверждал одно,—что на основе крестьянского восстания и конфискации земель нельзя построить капиталистическую Россию. Чему же так обрадовался в этом заявлении г-н Мартынов? Обрадовался он потому, что и сам считает крестьянское движение 1905 и 1906 г.г. «архаическим», «изжитой формой крестьянского движения», потому что сам он полон октябристских опасений насчет «полукочевого быта».

Но отказ строить капиталистическую Россию на почве крестьянского восстания, столь естественный в устах г. Львова, — и есть отказ от задач и тенденций 1905 г. во имя прусского пути или пути 30 года.

«На смену старых изжитых (больно быстро вы изживаете, г. Мартынов!) форм крестьянского движения появятся новые, более согласованные с нашим экономическим развитием, . . . чисто батрацкое параллельно с движением мелких собственников и арендаторов». Что же такое эти «новые формы»? В разъяснение и г. Мартов («Г. С.-Д.» № 13) и г. Мартынов («Возрождение», 1909 г., № 5—6) «тамбовско-саратовской» форме крестьянского движения противопоставляют характер крестьянского движения в Прибалтийском крае. В чем же видят они преимущество последнего? Это объясняет откровенный Ларин и живописует то же откровенный Череванин. «В Прибалтийском крае с его массами сельско-хозяйственных рабочих требование раздела помещичьих земель не выставлялось даже в 1905 г.», пишет Ларин («Возрождение», 1910 № 9—10, стр. 21). Не менее определены и причины предпочтения «новых форм» — «архаическим» г-на Череванина. «В своих перспективах насчет радикальной ломки *аграрных* и политических отношений *революционные и оппозиционные* (даже оппозиционные! Ю. К.) *партии зашли слишком далеко*». Уверенный в том, что у нас есть уже достаточная почва для того, чтоб «крестьянское движение утратило разрушительный и приобрело более *мирный,* забастовочный характер», г. Череванин дает ясное представление о своих симпатиях, когда журит правительство, что и эту *мирную* борьбу оно стесняет. Ведь, «если крестьянство не будет иметь возможности вести борьбу путем союзов и стачек . . ., то крестьянское движение будет периодически принимать стихийно-разрушительный характер, проявляясь в массовых разгромах, грабежах и поджогах». О, либеральные угрозы, о, кадетствующие ренегаты! [1]).

Смысл замены «архаического» движения 1905 г. «новыми формами, более согласованными с нашим экономическим развитием», теперь должен быть нам совершенно ясен. Это есть замена революционного движения крестьянства под флагом экспроприации помещичьих земель «мирным» движением на почве признания ненарушимости помещичьего землевладения».

Для этого «нового» движения, предварительным условием которого должен явиться отказ от революционной борьбы за землю, встанет и «новая цель», которую — вполне естественно — и пропа-

---

[1]) «Современное положение и возможное будущее», стр. 138. Между прочим, книгу эту, проникнутую сплошь тем же ренегатским духом, постигла интересная судьба. В руках «Гоолоса С.-Д.» именно она призвана была свидетельствовать за революционный марксизм г. Череванина. Характерно!

гандируют гг. Мартынов с Череваниным: — «завоевание совокупности экономических и политических условий, необходимых для ведения капиталистического хозяйства на началах мелкой собственности или денежной аренды» (см. «Возрождение», 1909 г. № 5—6, стр. 46 и «*Г. С.-Д.», где эта программа повторена буквально,* № 10—11, стр. 13).

Так осторожненько — и вполне *по-октябристски,* ибо это действительно *октябристская* формулировка программы крестьянского движения, — формулирует г. Мартынов «новые цели» крестьянского движения. Не трудно, однако, заметить, что эти «новые цели», эти «новые формы» могут развиться лишь на почве *новой* России, для которой «архаические» вопросы современной России будут *уже* решены.

Покуда же признание этих «новых целей» и «новых форм» крестьянского движения «*более согласованными с нашим экономическим развитием*» — есть отказ от борьбы за полное уничтожение помещичьего землевладения во имя прусского типа капиталистического развития, есть совершенное и полное подчинение основной, конституционной октябристской мысли о том, что крестьянское восстание по типу 1905 г. *не согласовано* с нашим экономическим развитием, есть отказ от марксистской мысли, что *единственно согласованным* с нашим «архаическим» аграрным вопросом является «архаическое» крестьянское движение, «разрушительное» крестьянское восстание.

Быть может, прусский путь у нас возобладает, тогда мы будем иметь и «новые цели» и «новые формы» крестьянского движения, но «пока, — по признанию г. Мартова, — история этого вопроса не решила», отстаивать эти «новые формы» и эти «новые цели» перед «архаическими» «целями» и «формами» крестьянских восстаний 1905 — 1906 г.г. — значит работать на помещика, на либерала, помогать в этом направлении, чтобы история пошла по-прусски, но, отнюдь, не во имя революции.

Г-н Мартынов считает «более согласованным с нашим экономическим развитием» прусский путь или путь 30-го года (их объединяет, несмотря на различие форм «ликвидации старого режима», то, что ни тут, ни там ни крестьянское восстание, ни борьба за республику не определяла хода «ликвидации»).

В области политических вопросов тот же путь считают «более согласованным с нашим экономическим развитием» гг. Мартов и Дан.

Не понявши, что отличие с.-д. политики от либеральной политики заключается не в повторении того, что существует противоречие между абсолютистскими формами и общими требованиями капиталистического развития, а в другом понимании самих этих требований, в отстаивании, в этом смысле, *другого* пути самого капиталистического развития, г. Мартов должен был неизбежно

прийти к чисто либеральному же представлению о том, что это противоречие должно уничтожаться в процессе *конституционного* кризиса.

> «Кризис, — писал г. Мартов, — к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным в том смысле, что в нем на очередь будет поставлен вопрос о заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских норм и учреждений современного режима». («Голос С.-Д.» № 13).

Но сказать так, значит, сказать, правда, немного более того, что говорят «Вехи», но уж не более, а *как раз то,* что говорит г. Милюков и «Речь».

«Заполнение конституционным содержанием полуабсолютистских форм», или — по другому выражению г. Мартова — разрешение нынешнего двусмысленного лжеконституционализма в конституционализм более или менее европейского характера», — да это и есть то своекорыстное представление о характере грядущего «кризиса», которым русский либерализм обманывает и себя и народ, и в разрушении, а не в повторении и распространении которого задача социал-демократии.

Это понимал еще Лассаль, который в разгар «прусского конституционного конфликта» открыл свою блестящую кампанию как раз против «веры» прусского прогрессизма в то, что «лжеконституционализм» может «разрешиться в конституционализм». Вся тактика «прогрессизма» была основана на этой вере. Вся тактика Лассаля была основана на убеждении в том, что *единственное действительное средство борьбы против лжеконституционализма заключается в разоблачении того, что без ножа государственного переворота никакого конституционализма лжеконституционализм родить не может.* Мы полагаем, что эта справка будет очень поучительна для поклонников г-на Мартова: она покажет им, что их тактический вождь стоит не на точке зрения Лассаля, а занимает буквально позицию его злейших противников, прусских либералов. Он твердит по либеральному о «заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских форм» как раз в тот момент, для которого Лассаль рекомендовал разоблачение народным массам заключающегося в этом представлении обмана. Лассаль прекрасно видел, что подобное представление есть только яркий симптом окончательного политического банкротства либерализма и ничего более.

«Кризис» или будет жалкой игрой, пустышкой, эпизодом в истории обуржуазивающейся монархии, или он будет заполнен *революционным* содержанием и тогда он не будет «конституционным.»

Сказать, что Россия идет к «конституционному кризису», в котором «на очередь будет поставлен вопрос о заполнении и т. д.»,

это значит, — совсем на манер либералов всех стран и времен, — не понимать, что никакой «конституционный кризис» не может в России привести к этому «заполнению», что это «заполнение» может быть результатом революционного кризиса, но что тогда оно не будет «заполнением» ранее данных, чуждых «форм».

Умудриться в определении общей линии развития подменить революционный кризис—«конституционным», а низвержение полуабсолютистских форм — их «заполнением» содержанием октябристского либерализма — это уже много.

Нигде еще «конституционный» кризис не приводил при господстве контр-революции к «заполнению полуабсолютистских форм конституционным содержанием»: для познания этого г. Мартову не надо было ждать русского «кризиса» 1911 года, достаточно было знать прусский кризис 62 — 63 годов и его оценку германской с.-д. И там буржуазное «содержание» возобладало не благодаря «кризису» 63-го года, а благодаря «революции», хотя бы и «революции сверху» 66—71 гг.

Достаточно перелистать знаменитую речь Лассаля: «Что же теперь?», произнесенную им в самый разгар прусского конституционного конфликта в ноябре 62 г., в которой он по существу рекомендовал палатам и избирателям не что иное, как *государственный переворот, как выход из конституционного конфликта,* чтоб убедиться в этом. Если «конституционный конфликт» стал на деле лишь ареной «политического банкротства буржуазии», то именно потому, что, — вопреки агитации Лассаля, — прусская буржуазия решительно отказалась искать выхода по намеченному им пути. Она осталась на почве конституции; но этим она не предупредила государственного переворота, а лишь отдала его в руки Бисмарка.

Как в 62 г. в Германии, так и в 911 г. в России из революционного положения нет *конституционного* выхода, чтобы ни говорила по этому поводу либеральная ограниченность г-на Мартова. При таком положении государственный переворот — сверху ли, снизу ли — единственный выход. «Имманентное право верховной власти на государственный переворот», провозглашенное у нас в соответствующий момент Меньшиковым, как и подобное же «право» народа — при этом положении гораздо более реальны, — как бы ни старалась закрыть на это глаза либеральная трусость,— чем «разрешение лжеконституционализма в конституционализм» в духе либеральной веры гг. Милюкова и Мартова и . . . «прогрессивных» противников Лассаля в 62 году.

Поддерживать, как это делают гг. ликвидаторы в бесчисленных статьях о «буржуазии и современном режиме», об «исторической необходимости», о «левении буржуазии», чисто либеральное представление о том, что «разрешение двусмысленного лжеконституционализма в европейский конституционализм» (хотя бы

«более или менее» европейский), — значит покрывать перед лицом рабочих либеральную ложь и самим становиться ее проводниками.

Либеральное представление о «конституционном кризисе», как о способе «разрешения современной двусмысленности», обязывает, конечно, к известному представлению и о его движущих силах и о его арене.

Г. Мартов не скрывает, например, от себя, что

> «все это (точнее было бы сказать: не все это, а точка зрения либеральной ограниченности г. Мартова) ведет к тому, чтобы вдвинуть процесс наростания элементов будущего политического кризиса в значительной мере в рамки норм и учреждений, оставленных России незаконченной революцией».

Вот уж, поистине, «заставь... либерала богу молиться, он лоб разобьет», заставь г-на Мартова доказывать важную роль Думы и всяческих легальных возможностей, он непременно и «процесс наростания элементов кризиса» «вдвинет» в «рамки норм»... 3-го июня и «учреждения»... Государственной Думы. И, конечно, это так с точки зрения «конституционного кризиса», но не с точки зрения развития кризиса революционного.

Кризис конституционный есть кризис на почве данной конституции. Этим определяется, что главным действующим лицом *такого* кризиса может явиться в России буржуазия, а не кто-либо другой.

Перспектива конституционного кризиса или ряда конституционных кризисов есть перспектива гегемонии буржуазии над всеми остальными слоями в деле постройки новой России, так же как перспектива кризиса революционного предполагает гегемонию пролетариата.

Эта, связанная с перспективой конституционного кризиса и с отрицанием кризиса революционного, гегемония либерализма ни мало не теряет от того, что всякий кризис будет свидетельствовать лишь о бессилии либерализма, его трусости и отказе от решительной борьбы с защитниками абсолютизма.

Роль буржуазии, как движущей силы всего процесса, как застрельщика и гегемона борьбы, настолько связана с перспективами гг. Мартова, Дана, Мартынова и их единомышленников, что обоснование этой роли составляет, поистине, основное содержание всей работы этих публицистов.

Это, между прочим, интереснейшая сторона их деятельности. Поскольку «Голос С.-Д.» не отвлекался в сторону «критическими» выпадами против Р. С.-Д. Р. П., против «архаизма» 1905 года, вся остальная, «положительная» часть его работы может быть охарактеризована в четырех словах: «апология грядущей роли буржуазии».

«Буржуазия должна полеветь», «буржуазия полевеет», «буржуазия левеет», «буржуазия полевела», — судорожные поиски за

буржуазией, вот что определяло политическую физиономию «марксистов» из «Голоса», «Нашей Зари», «Возрождения» и вот та печка, от которой только и умеют танцовать эти претенденты на руководительство рабочим движением [1]).

Это совершенно естественно и, как мы сказали, совершенно неизбежно связано с основной позицией ликвидаторов. Скинувши со счетов пролетарско-крестьянское движение, ликвидаторская мысль должна была потянуться к буржуазии, к «левеющей» торгово-промышленной буржуазии, как к естественному центру грядущего кризиса, как к его определяющей силе. Судорожные поиски «левеющей» буржуазии были признаком и последствием отказа от перспектив революционного развития «кризиса». Пролетарски-крестьянский путь построения новой России «утопичен», «архаичен», «не соответствует условиям нашего хозяйственного развития», Россия идет к «конституционному кризису», «на очереди стоит вопрос о заполнении полуабсолютистских форм конситуционным содержанием», — из этого мог быть только один логический вывод: буржуазия будет движущей силой всего дальнейшего процесса.

> «Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее «движущей силой»,

заявил г. Мартов в январе 1909 г. («Возрождение», № 1).

Это значило: пролетариат и крестьянство должны погодить «дальнейшего развития буржуазии» и ей предоставить роль «движущей силы». Это значило еще: «завершать» общественный переворот будет буржуазия и никто иной.

---

[1]) В связи с этим не лишне отметить «роман» голосовцев с «Вехами». Конечно, они поняли свою задачу по отношению к «веховству» так, что они должны очистить русский либерализм от той скверной тени, которую набросили на него «Вехи». Русский либерализм лучше «Вех», вот тема, на которой опять сошлись г. Мартов с г. Милюковым и г. Дан с г. Гредескулом. Вместо того, чтобы познакомить русских рабочих с тем образчиком самопознания, с тем самоголением либерализма, которое дано в «Вехах», вместо того, чтобы на этом компрометирующем материале показать русским рабочим истинную природу либерализма, г.г. Мартовы и Даны — в целях высшей политики! — попытались отмыть от русского либерализма проступившие на его теле «веховские» пятна. «Вехи размахнулись слишком широко», «Вехи сказали слишком много, слишком спешили додумать до конца выводы из классового антагонизма буржуазии с пролетариатом... Откровенно-реакционная идеология может лишь стеснить русскую буржуазию»... писал г. Мартов. Когда г. Милюков объяснял г. Струве, что он размахивается «слишком широко», что он «слишком» откровенен — это было понятно. Но и тогда, когда это втолковывает вехистам г-н Мартов, объективная тенденция его трудов не может не быть ясной. Приписывая буржуазии роль руководителя, он не может желать, чтобы оная буржуазия выступила перед пролетариатом окончательно скомпрометированной. Приходится ее подчищать... И это не раз и не два...

Ошибочно ли, утопично ли, «новое тяготение мелкобуржуазных элементов общества сплотиться *вокруг буржуазии, как носительницы освободительных тенденций капиталистического развития?*» [1]) — спрашивал, развивая свою тему, г. Мартов.

Нет, не ошибочно, не утопично, отвечал он. Представление о буржуазии, как о носительнице освободительных тенденций, — законное представление. Почему?

Потому что:

> «Пролетариат и крестьянство не оказались той комбинацией, которая в данных условиях могла разрешить поставленную историей задачу... Действительность нам показала, что пока большая часть буржуазии роли «движущей силы» не играет, пока социальное развитие не привело ее к необходимости играть такую роль, могло быть движение к перевороту, но не мог успешно осуществиться самый переворот».

Вот она либеральная философия истории русской революции. Почему поставленная историей задача не могла быть разрешена в 1905 г.? — Потому, — отвечает г. Мартов, — что роль движущей силы играли пролетариат и крестьянство, а не буржуазия. Тот, кто хочет учиться у «действительности», должен понять, что только переход роли «движущей силы» от пролетариата и крестьянства к буржуазии обеспечит осуществление переворота; буржуазия, а не пролетариат является в современной России «носительницей освободительных тенденций капиталистического развития».

Не менее ясно формулирует это г. Левицкий в «Нашей Заре»:

> «Неудача движения 1905—1906 г.г. была обусловлена не «крайностями» левых (спасибо! Ю. К.)..., не «предательством» буржуазии, которая повсюду на Западе «предавала» (язвительные кавычки, видимо, по адресу «левых» — г. Левицкого. Ю. К.), а *отсутствием оформленной буржуазной партии,* которая могла бы стать на место бюрократии... Отсутствие такой партии привело к тому, что победа, достигнутая натиском пролетариата... не могла быть закреплена и реализована в виде определенного политического строительства»... (1911 № 3, стр. 62) [2]).

---

[1]) Курсив наш, слова г. Мартова. Перенося титул «носителя освободительных тенденций» с пролетариата на буржуазию в современной России, г. Мартов — явное дело — отказывается выделять себя из тех «мелко-буржуазных элементов», «новое тяготение» которых правильно констатируется в цитате. Самопознание — прекрасная вещь! И я, признаться, с трудом понимаю, в чем разница между этим открытием г. Мартова и тем предложением о передаче либералам «политических функций» рабочего движения, которым раз навсегда заклеймили себя авторы «Credo»!

[2]) Рекомендую читателю г. Левицкого подумать над следующим рядом положений. Неудача движения 1905 — 1906 годов была обусловлена отсутствием буржуазной партии, готовой стать у власти и тем «закрепить» победы

Хорош?

Вот чему научила г-на Мартова революция. Ну что же? Объяснять ли г. Мартову, что эти его слова есть полный переход на позицию либерала; говорить ли ему о том, что пути капиталистического развития бывают разные; что *всякий* путь этого развития *в большей или меньшей мере* несет освобождение от до-капиталистических форм; что переход роли «движущей силы» в руки буржуазии из рук пролетариата и крестьянства есть путь *наименьшего* освобождения; что переносить с пролетариата на буржуазию роль «носительницы освободительных тенденций» значит перестать быть революционным социалистом и стать вульгарнейшим из меднолобейших либералов? ...

Пояснять ли читателю, что перед нами законченный ренегат революции? Полагаю, что он сам это видит.

Буржуазия должна заместить пролетариат и крестьянство в роли авангарда, гегемона, «движущей силы», — и тогда «переворот успешно осуществится», а «победы пролетариата будут закреплены и реализованы». Тогда-то и осуществится старинная мечта о «настоящей» «подлинной», «закругленной» (слова г. Мартова) буржуазной революции, прекрасно разрисованная меньшевиками, планы которой так некстати испортил в 1905 г. пролетариат своими «безумными выступлениями» и крестьянство своими «архаическими восстаниями». Все станет на свое место, успех движения будет гарантирован тем, что гегемония перейдет от пролетариата к буржуазии и все пойдет — наконец-то! — по тому расписанию, которое меньшевики тщено предлагали в 1905 г. вниманию и пролетариата и либерализма.

Теперь, когда я знаю позицию г. Мартова, я начинаю понимать страстные поиски ликвидаторов за «левеющей буржуазией». Теперь я знаю, что «левеющая» буржуазия для него не только неизбежный факт столыпинского режима, не только одно из условий, облегчающих борьбу пролетариата. В политическом мировоззрении ликвидатора «левение» буржуазии далеко не только это. Когда он пишет: «буржуазия должна полеветь» это значит: — «буржуазия должна заместить пролетариат в роли движущей

пролетариата. Но не всякая буржуазная партия способна это проделать. По разъяснению г. Левицкого, она должна для этого «иметь за собой поддержку народа» (ib.). Но раз удача движения зависит от поддержки «народом» «буржуазной партии», то не должны ли люди, сочувствующие удаче движения, к каковым несомненно принадлежит и г. Левицкий, свои первые же усилия направить на то, чтобы этой именно партии обеспечить необходимую народную поддержку. Кажется, это было бы единственно логичным. Но, как же, скажет читатель, ведь г. Левицкий является ярым сторонником самостоятельной рабочей, хотя бы и открытой, партии. Как же он примиряет непримиримое? Ответ прост: его «самостоятельная» открытая рабочая партия не предполагает самостоятельности от вышеупомянутой буржуазной партии.

силы»; когда он продолжает: «буржуазия полевеет», это значит: «буржуазия заместит; «левеет», возвещает г. Дан, и не трудно догадаться, что ему кажется, что надежда на «замещение» начинает исполняться; и — наконец — «полевела!» — значит — «заместила!»

Но нисколько не желая оспаривать того, что «заяц, ежели его бить, спички зажигает», и что буржуазия, ежели ее теснить, — левеет, я все же решительно протестую против того, чтоб заяц, хотя бы и битый, мог заместить «царя природы», а буржуазия, хотя бы и левеющая, могла заменить пролетариат в качестве «носительницы освободительных тенденций» и естественного «центра тяготения» освобождающегося народа.

Роль, которую г.г. либералы из бывших марксистов приписывают новообъявленному «центру тяготения», особенно рельефно вскрывается в том, как они рисуют себе желательные отношения между пролетариатом, буржуазией и *крестьянством*. Если, как мы знаем, «комбинация: пролетариат и крестьянство» — «архаична», «не соответствует ходу нашего хозяйственного развития» и «неспособна осуществить и завершить переворот», — то всяческих благ надо ждать от «комбинации», в которой крестьянство будет итти за торгово-промышленной буржуазией. С одной стороны «историческая необходимость» ведет к «возрождению» (а не к дальнейшему банкротству? Ю. К.) русского либерализма на новой, более откровенно-буржуазной основе» (Л. Мартов, «Возрождение», 1910, № 6), с другой стороны «будет уничтожен тот барьер, который до сих пор отделял бессильный буржуазный либерализм от первобытного утопического крестьянского революционизма» (Мартынов, «Голос С.-Д.», № 10-12), или, иначе и откровеннее, «городская буржуазная демократия должна стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства» («Наша Заря», 1911, № 3, стр. 62).

Это значит и не может значить ничего другого, как: долой пролетарски-крестьянскую программу аграрного переворота и да здравствует аграрная программа торгово-промышленного либерализма! Долой «наивный утопизм» крестьянской революции и да здравствует «трезвый реализм» помещичье-кадетского либерализма!

Таково, действительно, реально-политическое значение замещения в роли «носителя освободительных тенденций» пролетариата — торгово-промышленной буржуазией. Однако, это замещение есть лишь логический вывод из замещения кризиса революционного кризисом «конституционным», которое в свою очередь есть лишь другими словами выраженное мнение о несоответствии победы крестьянски-пролетарского восстания интересам хозяйственного развития России, что, в свою очередь, неизбежно связано с отказом от «архаической» революции 1905—1906 г.г.

Цепь тут неразрывная: ликвидаторская, как и либеральная критика Великой Революции ведется и может вестись только во имя интересов буржуазии. Либералы показывают дорогу нашим ликвидаторам, ликвидаторы расчищают дорогу либералам. Как мы видели, они делают это отнюдь не бессознательно, а по твердому убеждению, что ключ от положения не у пролетариата, а у либералов.

Поэтому, когда явился человек, который захотел дать политический итог всей цепи рассуждений, в течение трех лет развивавшихся г.г. Мартовыми, Данами, Мартыновыми на стр. «Голоса», «Возрождения», «Н. З.» и т. д., — задача его была, как нельзя более, проста: ему оставалось зарегистрировать то, что уже было дано ликвидаторской мыслью.

> «Октябрь 1905 г. не стоит на очереди», — писал Ларин в качестве этого регистратора. Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет «без всякой революции, *просто в силу интересов* перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части *господствующих классов*». «Предстоит *конституционное* обновление». «Буржуазия предъявит свои притязания на новую организацию государственной власти», «феодализм принужден будет уступить, *самоисчерпав* [1]) себя». Затем «борьба разных слоев господствующих классов между собой после того, как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного закона». Конечно это не будет автоматическое «вростание». «Ничего у нас не «вростет» само собой в будущем, а все явится в результате серьезной и упорной общественной борьбы». Но «*очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не «для революции»*, не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих *особых* интересов» [2])...

Как видите, здесь нет, поскольку дело касается политической проблемы, ни одного нового слова сравнительно с тем, что пропагандировали г.г. Мартов, Дан, Мартынов и т. д. Правда, г.г. Мар-

---

[1]) «Самоисчерпание реакции» это лишь другое выражение той же мысли о «разрешении лжеконституционализма в конституционализм». И то и другое в равной степени утешительно и в равной степени служит переходом к утешительному выводу о том, что обойдется-де и без революции.

[2]) Ю. Ларин. «Возрождение», 1910, №№ 9—10, 11; «Наше Дело», 1911, № 2. Заметьте: не только рабочие, но и «широкие круги» должны усвоить ту «руководящую идею», что рабочий класс организуется не для революции. При чем тут «широкие круги»? Вероятно затем, чтобы, проникнувшись соответствующей идеей, эти круги сменили гнев на милость по отношению к рабочим. Предусмотрительно, г. Ларин.

тов, Дан, Миров (из «Возрождения») склонны — по временам — допустить, что буржуазия — в процессе «конституционного обновления» России — будет не только ползти, извиваясь (к чему больше склоняется г. Ларин), но иногда и извиваться, прыгая, — но это не меняет общности их тенденции. Что же могли возразить г.г. Мартовы, Даны Ларину? Естественно — ничего. Мартов лишь попросил Ларина — «не топить вопросов тактики в вопросе о текущем моменте». А этот ответ означал, что, не имея ничего возразить против Ларина и обязанный — рука руку моет! и ворон ворону глаз не выклюет! — подчеркивать отсутствие у последнего «реформистских тенденций» [1]), г. Мартов считает лишь более «политичным» иногда помолчать там, где Ларину грозит бедой его «ясный язык».

Для того, чтобы предпочитать свою собственную увертливость ларинской ясности, у г.г. Мартова с Даном есть достаточные основания. Главное из них: под прикрытием этих увертливых формулировок легче вести борьбу с партией революционного пролетариата, оставаясь внутри ее, легче пользоваться старым флагом для своей либеральной контрабанды.

Ибо ясная формулировка рассмотренных нами тенденций Мартова, Дана, Ларина, Мартынова, Левицкого и т. д. неизбежно приводит к вопросу: что общего у этих людей с Р. С.-Д. Р. П.? Ибо ясная формулировка этих тенденций вопиет, можно сказать, к небу: господа, в нашей партии удобно расположились типичные либералы!

Люди принимают в программе республику, а на практике пропагандируют отрицание нелегальной партии при столыпинщине; люди принимают в программе конфискацию, а на практике видят прогресс в присоединении крестьянства к аграрной программе торгово-промышленной буржуазии. Что это, политическое тупоумие или крайняя степень комедиантства? Конечно, тупоумие, поскольку они не предлагают *изменения программы,* конечно, рассчитанное комедиантство, поскольку формальное признание программы для них метод борьбы с революционной работой партии извнутри нее.

Их практическая же программа ясна: Россия *конституционно* обновляется, буржуазия *вползает* в эту новую Россию, а за нею *ползет* пролетариат, отнюдь не запугивая свою руководительницу-буржуазию . . . «носительницу освободительных тенденций».

И это пропагандируется под флагом Р. С.-Д. Р. П.

Как тут не сказать, либералы и предатели революции расположились в Р. С.-Д. Р. П. *слишком удобно!*

---

[1]) «Жизнь» № 1, стр. 7. «Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется, не подозреваю».

4. «Не гегемония, а классовая партия».

«Чтобы общественный переворот мог завершиться, буржуазия должна стать его «движущей силой», «центром тяготения», «гегемоном», — таков урок, вынесенный ликвидаторством из опыта революции.

Но ликвидаторы знают и другое: они знают, «политическим выразителем решительной демократической революции в России— являлся левый блок» [1]).

Так было, говорит ликвидатор, гегемоном в революции явился пролетариат; и оттого революция не победила, — вставляют г.г. Череванины, Мартовы, Даны, Ан'ы; в дальнейшем так не должно быть, пролетариат должен очистить место во главе освобождающегося народа — для буржуазии, продолжают они.

Критика теории гегемонии, как она сложилась в истории российской социал-демократии, и критика практики гегемонии, как она сложилась в эпоху революционного кризиса,—становилась при этих условиях неизбежным моментом в пропаганде ликвидаторов, одной из главнейших исходных точек всего их политического построения.

Можно, поэтому, судить, много ли политического понимания проявили те люди, которые, как, например, В. Базаров, по виду выступая против ликвидаторства, объявили «пустяками» спор о гегемонии.

Ликвидаторы поняли очень хорошо, что то или другое отношение к гегемонии есть *решающий* момент в политической тактике и даже в построении программы русских марксистов.

Поэтому то они ополчились против этой идеи всеми теми силами, которые находились у них в распоряжении.

Череванин, Потресов, Мартынов, Кольцов, Мартов, Дан, Левицкий, Ан, — все, кому пришлось сталкиваться с темой: про-

---

[1]) Череванин. «Современное положение и возможное будущее», стр. 242. К этому месту г. Череванин делает следующее примечание: «говоря о левом блоке я имею в виду не сплоченную организацию с внутренней дисциплиной, к которой стремились, повидимому, большевики, а *фактический* союз революционных элементов пролетариата, крестьянства и городской демократии».

Я понимаю, что г-ну Череванину трудно признать то, что всегда говорили большевики, а именно, что решительная демократическая революция — «левый блок» и что победа решительной демократической революции — диктатура пролетариата и крестьянства. Но трудность этого признания не обязывала, казалось, г. Череванина говорить заведомую глупость о какой-то «сплоченной организации с внутренней дисциплиной». Внутренняя дисциплина сплоченной организации двух разных классов!.. Это представление, «повидимому», способно возникнуть в голове лишь безнадежных тупиц.

Кстати, упоминая в связи с решительной демократической революцией о «городской демократии», г. Череванин, надо полагать, толкует не о кадетской «демократии», а о той, — другой, — которая оказалась способной стать в Москве на баррикады рядом с рабочими.

летариат в революции, — единогласно в форме ли осуждения его «революционных иллюзий», в форме ли осуждения «переоценки сил», в форме ли осуждения его «утопизма» осудили поведение пролетариата.

Ликвидаторам не понравилась та роль, которую играл в русской революции пролетариат; она и не могла им понравиться, как не могла она понравиться, скажем, кадетам или радикалам или «товарищенцам». Мы говорим именно о *роли,* об общей позиции, которую занял пролетариат среди борющихся со старым порядком сил общества и народа, а не о том или другом его тактическом шаге.

Но нет никакого сомнения, что эта роль была ролью гегемона.

Таким образом, выступая против той роли, которую сыграл в русской революции пролетариат, ликвидаторы должны были тем самым выступить против идеи гегемонии, — и наоборот, их выступления против идеи гегемонии подсказаны ничем иным, как их отрицательным отношением к роли пролетариата в 1904 — 1907 г.г.

Таково единственное, — и достаточное, — основание для той борьбы против гегемонии, которую начали, вели — и должны будут вести — ликвидаторы.

Известно, что на этом пути критического и отрицательного отношения к идее гегемонии г.г. ликвидаторы имели предшественников. «Экономисты», авторы «Credo», затем либералы «освобожденцы» относились тоже отрицательно к этой идее; в ходе революции кадеты, бернштейнианцы, «беззаглавцы», — либералы, прогрессисты и оппортунисты всех видов и всех толков, — совершенно так же объявили виной поражения русской революции все ту же позицию, занятую пролетариатом в революции.

Почему? Чем объясняется это отношение разумных врагов и неумных «друзей» рабочего класса к его «гегемонии»?

Оно объясняется тем, что либералы до революции предвидели, а в революции увидели, что гегемония пролетариата в революции не отвечает интересам буржуазии.

Именно поэтому все партии, кроме с.-д., приложили уже до революции все свои силы для того, чтобы оспорить, обессилить идею гегемонии, в революции — для того, чтобы побороть или, по крайней мере, охаять эту гегемонию, а после революции — для того, чтобы на нее свалить ответственность за поражение движения.

Таким образом, идея гегемонии неизбежна стала *уже в предреволюционную эпоху* тем оселком, о который испытывалась действительная преданность социализму и действительное понимание пролетарского дела в России. Этого испытания не выдержали и многие из тех, кто считал себя призванным представлять интересы рабочих. Именно на этом пункте *уже в предреволюционную*

эпоху разорвали с социал-демократией те, кто марксистской фразеологией облекал свою либеральную сущность.

И это было естественно, ибо вопрос о гегемонии был отнюдь не теоретическим, а самым практическим из практических вопросов русского революционного движения: ход и исход русской революции зависел от того, кому будет принадлежать гегемония.

Это не значит, чтобы гегемония пролетариата в борьбе со старым режимом непременно означала победу революции. Нет. *Даже* при гегемонии пролетариата сил для победы могло оказаться недостаточно. Но это положение ничего не изменяет в том, что ход и исход революции определялся тем, кто станет во главе ее, какой класс ее поведет, какой класс окажет большее влияние на промежуточные слои, — в первую очередь, — на крестьянство: революционный пролетариат или либеральная буржуазия.

Требования различных классов, предъявляемые ими к революции, столь же различны, как их интересы.

Отсюда и получилось то, что вопрос о гегемонии был самым *острым* вопросом в внутренней борьбе различных классов освобождающейся от старого порядка России.

А так как этот вопрос был самым острым вопросом революционной практики, то на отношении к нему и испытывались лучше всего классовые симпатии различных политических групп.

Не трудно теперь заметить: 1) что ликвидаторы не случайно уперлись в вопрос о гегемонии; 2) что их отрицательное отношение к гегемонии пролетариата в революции есть уже само по себе достаточное свидетельство их перехода с пролетарской на либеральную позицию; 3) что в этом отношении к гегемонии пролетариата они лишь продолжают традицию всех уходивших от марксизма к либерализму групп.

Какого же названия заслуживают те люди, которые, как г. Мартов или г. Маевский [1]), стараются представить вопросы о гегемонии не имеющими отношения к вопросу о ликвидаторстве? — Названия сознательных обманщиков! Чего заслуживают те люди, которые считают вопрос о гегемонии — «пустяками»? — Названия, по меньшей мере, невежд, невежество которых очень полезно ликвидаторам! Чего заслуживают те люди, которые — во имя нелюбви к полемике! — спокойно созерцают как под марксистской маской идет среди рабочих пропаганда либеральных идей? — Названия, по меньшей мере, предателей дела революционного социализма!

---

[1]) См.: Л. Мартов. Беглые заметки, «Наша Заря». 1911, № 1 и «Куда пришли», «Гол. С.-Д.», № 23. Е. Маевский. Что такое ликвидаторство? «Н. З.», 1910, № 11—12. Там-то и находится знаменитая фраза о том, что вопрос о гегемонии «припутан» к вопросу о ликвидаторстве «ни к селу, ни к городу».

Нет. Совсем не случайно то, что в том же 1908 году, когда ликвидаторы оформились как течение на практике, что в этом же году была г-ном Потресовым построена литературная пушка на предмет обстрела специально идеи гегемонии пролетариата.

Совсем не случайно то, что все оценки революции, которые выходили из под пера ликвидаторов (книги Череванина: «Пролетариат в революции» и «Современное положение и возможное будущее», их коллективный труд «Общ. Движение», статьи г-на Мартынова в «Г. С.-Д.»: «Движущая сила русской революции», Л. Мартова и др.) приходили единогласно к тому выводу, что беда русской революции в том, что в ней пролетариат занял «неподобающую» ему роль гегемона.

Не случайно то, что заключительным аккордом всей предварительной идейной работы ликвидаторов, их практическим лозунгом является формула: «не гегемония, а классовая партия».

Меньшевики вступили в революцию с лозунгом: «пролетариат не должен запугивать буржуазию». Пролетариат в качестве гегемона революции! — уж самый этот факт не мог не пугать буржуазию, хотя бы пролетариат разговаривал с ней на самом изысканном языке и, вступая в борьбу, не забывал надевать белые перчатки. Это было основное противоречие, и ликвидаторы его решили в том смысле, что отняли свои симпатии у пролетариата-гегемона. Роль пролетариата в революции была осуждена и гегемония на будущее время (—на бумаге только, конечно)—отнята.

Но отречься от гегемонии пролетариата значит воспеть буржуазию, как гегемона. За это говорит не только логика, но реальное соотношение классов в России. Этот вывод и сделали ликвидаторы.

Спор о гегемонии отнюдь не есть только спор о том, кто сохранил или ликвидировал идейное «наследство» русской с.-д-тии 80-х и 90-х г.г. Наоборот. Спор о том, кто сохранил и кто ликвидировал это идейное «наследство», есть лишь *отражение* спора о том, кто приемлет и кто отрицается наследства Великой Революции.

В этом смысле ликвидация идеи гегемонии (а заодно и тем самым, «исконной идеи русского революционного марксизма» по сознанию г. Потресова), предпринятая г.г. Потресовым и Мартовым под покровительством редакторов «Обществ. Движения» и «Голоса С.-Д.», г.г. Мартова, Маслова, П. Б. Аксельрода и Маслова — удовлетворяла прямой *практической* потребности. Отречение от революции требует и отречения от революционных идей [1]).

[1]) Г. В. Плеханов был совершенно прав, конечно, когда писал г. Дану, что «статья Потресова — есть lèse revolution», т.-е. оскорбление революции (см. «Мой секрет», стр. 22). Он только сильно ошибался, если предполагал, что этот аргумент может иметь значение для г-на Дана. «Ворон ворону глаз не выклюет».

Г-н Потресов поступил логично [1]), предприняв свою работу. Неисполнение этого требования логики мстит за себя, — и тому живой пример г-н Мартынов.

Сущность позиции г. Потресова заключается не в чем ином, как в ликвидировании наследства революционной идеологии и пролетарской борьбы во имя *либерального* «наследства», восходящего своими корнями к «легальному марксизму» г. Струве. Именно потому, что, обращаясь к либеральному наследству, он ликвидировал свою связь с революционным пролетариатом, выступления г-на Потресова встретили такой дружественный прием со стороны нашей либеральной прессы от «Речи» до «Русской Мысли» и вызвали апплодисменты и слезы умиления со стороны всех ренегатов марксизма, находящихся ныне на услужении у либералов, — из них же первый есть Изгоев. Еще бы: их полку прибыло.

Г-н Мартынов хотел избежать объятий Изгоева; он сделал, поэтому, попытку показать, что менее, чем кто-либо другой, ликвидаторы склонны ликвидировать «наследство». Но тут то с ним и случился казус. Взявшись за это дело, он должен был сказать, *что же* он понимает под «наследством» революционной социал-демократии. А тут и оказалось, что под этим «наследством» он понимает такие идеи, которые целиком укладываются в рамки буржуазной политики. По истине для иллюстрации того, как либеральное отношение к *фактам* русской революции заставляет—

---

[1]) Г. Потресов поступил *логично*, предприняв свою работу во имя ликвидации идеи гегемонии. Это не значит, что он поступил *честно*, когда попытался затушевать содержание и смысл своей работы. Действительно. Г-да Мартов, Дан, редакторы и сотрудники «Общественного Движения» и т. Плеханов, редактировавший статью Потресова и по ее поводу порвавший с этой редакцией, единогласно свидетельствуют, что г. Потресов неоднократно «подчищал» свою статью, чтобы сделать ее приемлемой для Г. В. Плеханова. Г-н Мартов прямо пишет, что отрицательное отношение к статье г. Потресова со стороны Плеханова заставило его побудить г. Потресова внести в свою статью «некоторые коррективы». Эти «коррективы» не могли быть направлены ни к чему другому, как к затушевыванию того, что действительно думал г. Потресов. Они не удовлетворили т. Плеханова и он вышел из редакции. Однако, г-н Потресов не только пустил свою статью в этом, затушевывающем его истинные взгляды, виде, но и после, ведя ожесточенную борьбу с своими критиками, *ни разу* не собрался восстановить свои мысли в их доподлинном виде. А к этому его должна была бы побудить, как будто бы, элементарная литературная и идейная честность. Но... «трусоват был Ваня бедный» и предпочел сослаться на то, что со своими критиками-большевиками, давшими подробный разбор его статьи, он «не имеет охоты разговаривать». То-то...

Кстати. В сейчас указанном разборе статьи Потресова, как она напечатана в I т. «Обществ. Движения», сказано: «Не отваживаясь покуда на этот теоретический подвиг, на прямую критику той концепции пролетариата-движущей силы, которая заключена уже в первых произведениях Плеханова (мы знаем теперь, что г-н Потресов не отважился на это под влиянием оппортунистических соображений, граничащих с идейной трусостью и недобросовестностью), Потресов (и Мартынов) с особым чувством удовлетво-

даже и бессознательно воспринимать либеральное «*наследство*» — следовало бы выдумать г. Мартынова с его статьей «Кто ликвидировал наследство?», если бы он живьем не оказался налицо. Человек хотел доказать, что он то и есть революционный социал-демократ и для доказательства этого сослался на то, что он строго придерживается взглядов... г. Тихомирова, и как раз в том их пункте, где они, расходясь со взглядами русских революционных марксистов, вполне совпадали со взглядами революционеров буржуазных. Г. В. Плеханов только подчеркнул этот либеральный характер позиции г. Мартынова,—оставивший свой след *не только* на последней статье его, но и на всех его оценках революции, как это неоднократно указывалось большевиками (то же, конечно, можно и должно сказать о г. Потресове и его писаниях: он был либералом *не* с 1908 г.), — Г. В. Плеханов только констатировал факт, когда сказал г-ну Мартынову: «Вы, приняв меня за г. Тихомирова, стали, указывая на этого последнего, защищать *его* (кур. П — а) «идейное наследство». (Дневник № 10, стр. 26). А тут слова Г. В. Плеханова, хотя бы в качестве свидетельских показаний, не могут не быть приняты во внимание [1]).

рения *противопоставляют Плеханову Аксельрода*» (см. «Пролетарий», № 47—48). По этому поводу г-да Мартов, Мартынов и пр. братия завопили о «возмутительном», «фальсификаторском», с недобросовестными целями нарочито конструированном автором фельетонов в «Пролетарии» «противопоставлении» Плеханова и Аксельрода.

Однако, ознакомившись с письмом Аксельрода, опубликованном на 27 стр. брошюры Плеханова, автор этих строк мог с удовольствием констатировать, что в статье г. Потресова, по словам самого Аксельрода, была даже прямая «фраза, которая могла быть истолкована, как указание на разногласие между мной (Аксельродом) и им (Плехановым»). Правда, фразу эту, — продолжает Аксельрод, — Потресов выбросил». Очень хорошо! Но выкинувши «фразу», г. Потресов не мог выкинуть того «противопоставления» Аксельрода и Плеханова, которое проникало все его построение и только ярче сказалось в выкинутой «фразе». Что же выходит? Выходит то, что для соблюдения «аппарансов» г. Потресов выкинул «фразу», а я, несмотря на то, что «фраза» была выкинута, рассмотрел в статье то «противопоставление», которое неудачно хотел спрятать г. Потресов. Кто же противопоставлял Плеханова Аксельроду? Кто оказывается «фальсификатором»? Или он думает, что раз «фраза» им спрятана, то он уже тем самым приобрел право объявить «фальсификатором» того, кто вскроет первоначальный смысл его статьи, над сокрытием которого так старательно работали, под кнутом критики Плеханова, г-да Мартов, Дан, Мартынов и пр.? Мы, по-человечеству, понимаем этих господ: разоблаченным литературным гешефтмахерам, обращающимся с идеями, как с краденым товаром, не оставалось ничего иного, как самыми крепкими словами обрушиться на разоблачителя. Этот прием, однако, не может скрыть от читателя их физиономии литературных «bravi».

[1]) Тем паче, кстати сказать, что другой член Гр. Осв. Труда, не менее осведомленный в этом вопросе, П. Б. Аксельрод, столь рьяно выступивший в защиту ликвидаторов, как раз именно в этом вопросе предпочел сохранить молчание, хотя это его молчание не может очень льстить ни г. Мартынову ни ред. «Голоса С.-Д.» и хотя Плеханов прямо рекомендовал г. Мартынову «справиться» у Аксельрода.

Спор о гегемонии и наследстве есть *проверка* прошлого, есть проверка опыта революции, есть проверка тех принципов, с которыми в революцию вступили и которые в революции проводили различные течения.

История лукава, как писал некогда П. Аксельрод, предрекая большевикам роль буржуазных демократов в революции. Действительно... лукава; только не всегда исполняет прорицания Аксельрода...

Людям, отказывающимся от революционных традиций с.-д., она подсовывает в качестве их действительного наследства то наследство «экономизма», как г. Егорову, то наследство либерализма, как г. Потресову, то наследство г. Тихомирова, как г. Мартынову. Это — фатум, господа! Отказался от идей гегемонии, отрекся от «пролетариата в революции» и попадешь прямехонько в объятия то г. Изгоева, то г. Тихомирова, то г-жи Кусковой!

Между всеми вышеуказанными наследствами то общее, что люди эти отчасти не хотели, отчасти не могли стать на такую точку зрения, которая заставляла рассматривать все политические и экономические проблемы революции под углом интересов рабочего класса, а рассматривать пролетариат — всего только — как один из необходимых элементов революции, как илота революции.

Это — две диаметрально противоположные точки зрения: одна призывает пролетариат использовать процесс буржуазной революции в своих интересах; другая точка зрения — есть точка зрения эксплоатирования пролетариата в интересах буржуазного переворота. В конечном счете эта точка зрения рассматривает пролетариат, как необходимое орудие буржуазного переворота, но орудие тем более целесообразное, чем более подчинено оно руководительству буржуазного либерализма, чем менее самостоятелен пролетариат в своей политической борьбе.

Отрицание гегемонии лежало в основе всей той оппортунистической тактики в революции, которая на деле вела к превращению рабочей партии в раба кадетизма. Именно оно, т.-е. именно отрицание гегемонии — молчаливое или нет — на деле, в революции определяло все лозунги и всю политику оппортунизма, именно оно на деле, в революции приводило к тому отрицанию самостоятельной политики рабочего класса, которое было провозглашено «либералами в марксизме» еще задолго до революции.

Теперь, после одобрения точки зрения г. Потресова ред. «Общественного Движения», а статей г. Мартынова редакцией «Голоса С.-Д.», ни для кого не может остаться тайной ни связь между известной тактикой в революции и отношением к идее гегемонии, ни то обстоятельство, что в основе различия «двух

тактик» с.-д-тии в революции лежало различное отношение к гегемонии пролетариата в революции [1]).

Но если связь между известным отношением к гегемонии и тактикой оппортунизма *в революции* не подлежит сомнению, то не менее ясна и связь между отрицанием гегемонии и тактическими и организационными построениями ликвидаторов в эпоху *контр-революции*.

Мы видели, что отрицание гегемонии логически-неизбежный вывод из всей политической позиции наших ликвидаторов. Мы видели, что этот вывод неизбежно навязывается ликвидаторам (хотя бы в виде подмены революционного с.-д. «наследства» «наследством» буржуазных либералов и радикалов) даже тогда, когда они от этого вывода стараются увильнуть. Посмотрим на тех, кто имеет смелость честно сделать этот вывод.

Конечно, этих честных людей невозможно искать в той литературной лавчонке, что торгует под фирмой Дан, Мартов и К°. У этой компании вы встретите только сознательно-недобросовестные попытки отвертеться от вопроса и сознательно-фальсификаторские попытки выдать весь «вопрос о гегемонии» за нарочитую выдумку врагов добродетельных ликвидаторов. Их, конечно, не смутит то, что враги ликвидаторов увидели себя вынужденными выступить в защиту идей гегемонии лишь тем, что гг. ликвидаторы, выполняя волю пославших их либералов, со всех крыш возвестили «смерть гегемонии».

В *том же 1908 г.,* когда г. Потресов налаживал пушку своего «исторического» исследования для «исторического» истребления идеи гегемонии, г. Ан., — виднейший м-к, — договаривал за г-на Потресова, возвещая, что «идея гегемонии отжила свой век».

> «Если она была верна *для прошлого,* то это не значит, что она верна для всех времен, *в настоящем* и будущем».

В завязавшейся по этому поводу полемике с большевиком т. К. Ст., совершенно правильно вскрывшим программные и тактические последствия этой ликвидации, г. Ан. писал:

> «Из всех обвинений в ликвидации, выдвинутых К. Ст. против автора статей (статей г. Ан.), только одно верно: — это ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего. (Бедняга не понимал, что этим признанием в ликвидации идеи гегемонии в движе-

---

[1]) Поэтому-то тов. меньшевики сделали бы очень хорошо, если бы обратили побольше внимания на то предисловие, которым Г. Плеханов снабдил книгу тов. Аркомеда о «рабочем движении и социал-демократии на Кавказе». В этом предисловии т. Плеханов сделал попытку еще раз показать ликвидатору Ану, как различное отношение к «гегемонии» необходимо ведет к различной оценке и кадетизма, и крестьянства и пр. и пр.

Общественно-политическое значение отказа от гегемонии может вскрыться в полной мере только тогда, когда с историко-литературной почвы спор переходит на почву оценки самого рабочего движения в революции.

нии «настоящего *и будущего*» (!!) предрешалась и правильность всех других обвинений т. К. Ст.! Ю. К.) Главный аргумент... изменение соотношения общественных сил, которое последовало за последние три года в связи с усилением экономической и вообще классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и диференциации классов. Автор (т.-е. Ан.) говорит, что во главе революции действительно стоял пролетариат, и если она не победила, это потому, что пролетариат не может стоять во главе буржуазной победоносной революции... пролетариат не может быть вождем победоносной буржуазной революции»...[1]).

Конечно, г. Ан. не хотел сказать, что пролетариат, не будучи в состоянии быть вождем «победоносной буржуазной революции» с успехом может выполнить роль вождя *не*победоносной буржуазной революции. Он только отстаивает ту новую (для марксистов; старую, очень старую для либералов) мысль, что для того, чтобы буржуазная революция была победоносной, место ее вождя должно быть уступлено (в его собственных же интересах!, уверяет г. Ан.) пролетариатом буржуазии[2]).

Г. Ан. сказал честно. Но не оскудели еще ликвидаторы «честными» врагами революционного пролетариата.

«Честным» оказался и г. Герасимов, меньшевик, специально тренированный во время оно гг. Мартовым и Даном на изобличении «якобинизма» и не-социал-демократизма большевиков[3]). Теперь, продолжая то, чему его учили, и по отсутствию «гибкости ума» рассказывая то, что его учат скрывать «Г. С.-Д.» и г. Мартов, он пишет:

«Да, если «ликвидаторство» в рядах марксистов может в настоящее время иметь какое-либо значение, то именно то, что оно не столько проповедует, сколько не боится констатировать, что в ближайшую эпоху развития русского освободительного движения гегемония отнюдь не останется за пролетариатом. Самый факт нарождения и каждодневной

---

[1]) См. «Диск. Листок» № 2, «Письмо с Кавказа» и «По поводу письма с Кавказа».

[2]) Как реагировала ред. «Гол. С.-Д.» на это «честное» заявление г. Ан'а о том, что идея гегемонии (так же, как идея нелегальной партии!) отжила свой век «для настоящего и будущего»? А так, что она ни словом не обмолвилась по поводу самих открытий г-на Ан'а, но зато напала на тов. Плеханова, поддержавшего критику Ан'а, данную тов. К. Ст. Впрочем, в своем нападении она выразила удивление по поводу того, как можно «всерьез» нападать на соображения г. Ан'а. См. ст. г. Мартова (увы! — все тот же г. Мартов, высылаемый его друзьями всякий раз, когда требуется неблаговонием собственных писаний осилить запах выгребных ям либерально-ликвидаторской мудрости г.г. Ан'ов, Потресовых, Левицких и пр.), № 23 «Голоса С.-Д.»).

[3]) См. его статьи в «Откликах» 1907 г.

консолидации буржуазно-демократических слоев и партий говорит о том, что «классическое положение русского марксизма» о гегемонии, выраженное в знаменитой формуле Плеханова, оставалось верным лишь до известного периода, лишь до того момента, покуда на арене общественной борьбы не было других сил [1]).

Видите, г-н Герасимов согласен был терпеть гегемонию пролетариата до тех пор, покуда «не было других сил», но раз эти «силы» появились, то «положение о гегемонии» перестало быть «верным». Пожалуй, иной вольнодумец скажет г-ну Герасимову и г. Ан'у, что «положение о гегемонии» в том и заключается, что призывает рабочий класс *бороться с другими силами* за влияние на ход и исход общественного движения, т.-е. за влияние на промежуточные слои, что, поэтому, «положение о гегемонии» становится тем более верным, тем более важным, раз эти «другие силы» оказываются налицо, раз они «консолидируются», раз они пытаются взять в свои руки руль событий. Но на г. Герасимова это не подействует; он скажет, как сказали и г. Ан., и г. Мартов, и г. Дан, и г. Потресов: — то то и хорошо, что этот руль переходит из рук пролетариата в руки других сил: «чтоб общественный переворот завершился, его движущей силой должна стать буржуазия», скажет г-н Мартов; «пролетариат не может быть вождем победоносной буржуазной революции», повторит то же другими словами г-н Ан.

А пролетариат? Ну, он, конечно, должен устраниться от какой бы то ни было борьбы за этот руль. «Его конкуренция с буржуазией за руль может лишь слабить силу натиска, лишь испугать буржуазию, вообще повредить делу, как уже повредила в 905 — 7 году», — скажут вам все эти господа в один голос. «Пролетариат должен заняться «*своим*» делом, предоставив буржуазии роль «центра тяготения освобождающейся нации», — продолжает он в один голос с г. Герасимовым:

> «Если ликвидаторы отказываются от «гегемонии в общенациональной борьбе», от «роли вождя в ней», то ясно, что делают они это во имя более ясной определенности своей собственной позиции, во имя укрепления своих действительных сил, имеющих свои собственные задачи и соответственно с этим свою «политическую линию» каждодневной и некаждодневной борьбы... Отказ от гегемонии во всяком случае обозначает собою отказ от ряда теоретических и организационных примесей и элементов, всецело чуждых практике марксизма, как таковой, и внесенных в нее, именно, во имя «общенациональной» борьбы [2]).

---

[1]) «Киевские Вести», № 327. Цитирую по «Звезде». Обзор печати, № 4.
[2]) Ibid.

Или, как говорит г. Левицкий в «Нашей Заре»:

«Если прежняя с.-д. была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет классовой партией вступивших в свое историческое движение масс». (1910, № 7, ст. 103).

Вот он «весь, как нарисован верный раб» либерализма, ученик Потресова и Мартынова, «наследник» экономистов.

Не «гегемония в общенациональной борьбе», **а** «свои собственные задачи»; **не** «роль вождя», **а** «свои собственные позиции»; **не** «гегемония, **а** собственная личина», **не** социал-демократия, **а** «чисто пролетарское учение»; «очищение» марксизма от того, что делает его орудием пролетариата-гегемона и превращение марксизма в «брентанизм», в идеологию узко-понятой профессиональной борьбы рабочих; **не** гегемония, **а** классовая партия; **не** общенациональная борьба, **а** собственные интересы; **не** революция, **а** чисторабочее движение, хочется нам продолжить, вспоминая «Рабочую Мысль».

Авторы цитированного уже нами credo, уходя к либералам, писали, думая, что они говорят на единственно правильном «марксистском» языке:

«Ортодоксальные русские марксисты забывают, что *целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада, и требуют от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях*» [1]).

В точном переводе это значило: в царской России, до ее буржуазной революции пролетариат должен отказаться от мысли о том, чтобы взять в свои руки руководство «общенациональной» борьбой, он должен ограничиться ведением экономической борьбы, отстаиванием «собственных», узко-корпоративных интересов [2]). Такой «марксизм», который оправдывал бы это самооскопление пролетариата, и казался либералам (не только авторам «credo», но и всем либералам и всегда) единственно «уместным и нужным в русских условиях». Такой, «иной» «марксизм», передающий руководящую роль в политическом движении буржуазии, а пролетариат замыкающий в узкую область цеховой борьбы, — они готовы были благословить и пропагандировать.

Но такой «марксизм», «нужный» — либералам, ничего общего не имел ни с ходом русского рабочего движения, ни с учением величайшего революционера всех веков, Карла Маркса. Это был

---

[1]) «Рабочее Дело», 1899, № 4—5, стр. 17.

[2]) Последовательный вывод из этого был сделан авторами «credo» в смысле отрицания необходимости особой *политической* партии пролетариата. Но этот вывод нас сейчас не интересует, хотя г. Левицкий недвусмысленно приближается к тому же выводу, заявляя, что «дело в том, что можно вести политическую борьбу и не имея оформленной и целостной политической организации» («Н. З.», 1910, № 7, стр. 101).

только либерализм, советовавший пролетариату отказаться от самостоятельной роли на политической арене, уйдя в *свою* область «чисто-рабочего» движения и предоставив эту арену в полное распоряжение либерализма.

Этот то «иной», «уместный—на взгляд либералов--и нужный марксизм» и получает свое полное выражение в наших ликвидаторах. Читаешь гг. Потресова, Череванина, Ан'а, Герасимова и думаешь: вот он «уместный и нужный» марксизм авторов credo; пролетариату — экономическая, цеховая борьба и борьба за «свои» «рабочие» требования, а гегемония в политической борьбе — либералам.

В чем дело в этом столкновении революционного марксизма, зовущего пролетариат к гегемонии, и «иного», «уместного марксизма» либералов, Потресовых, credo, отрицающего гегемонию? А вот в чем.

Уже до революции 1905—6 г.г., было ясно, что ход и исход ее определится в зависимости от того, за кем пойдут широкие народные, главным образом, крестьянские массы, за революционным пролетариатом или за либеральной буржуазией.

Пролетариату было выгодно, — а его «выгоды» и здесь, как и всегда, совпадали с интересами всего народа, — чтобы крестьянство стало на его сторону, пошло за ним, приняло его советы, им рекомендовавшуюся тактику. Буржуазии было выгодно, — и ее выгоды совпадали с интересами помещиков и Романова, — чтобы крестьянство шло за нею, прислушивалось к советам либерализма.

За влияние на крестьянство между революционным организованным пролетариатом и организованной либеральной буржуазией происходила борьба; это была борьба за гегемонию. Стоит развернуть отчеты первой и второй Дум [1]), чтобы убедиться, что *вся внутренняя борьба в них определялась ничем иным, как — борьбой с.-д. и к.-д. за то, за кем из них пойдут представители крестьян.* Крестьяне — колебались между теми и другими, и эти именно колебания определяли исход каждого этапа революции.

В этой борьбе за гегемонию, окрасившей всю русскую революцию, вскрылось яснее ясного то, почему либерализм уже заблаговременно рекомендовал пролетариату отказаться от идеи гегемонии и замкнуться в своих «собственных» «чисто-рабочих» интересах. Кажется, это не требует пояснения. «Уместным и нужным» казался либералам тот «марксизм», который устранил бы с поля борьбы за влияние на крестьянство его соперника, опасного соперника, — революционный пролетариат.

---

[1]) Мы берем Думы только как пример: та же борьба шла, конечно, и вне Думы, и по вопросу об отношении к самим Думам, и на выборах сказывалась на ходе всего движения в деревне и т. д.

Теперь не трудно сообразить, что кроется за спорами о гегемонии, не трудно сообразить, кому служит: пролетариату или буржуазии, революции или Столыпину человек, который пишет: борьба за гегемонию со стороны пролетариата была ошибкой, пролетариату надо отказаться от этой борьбы, надо бороться лишь за «собственные интересы», кто, наконец, приходит к выводу:

«Политическим центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия».

Вот они, выводы «нужного и уместного марксизма»!

Это пишет «Наша Заря» (1911 г. № 3, стр. 62) и тем окончательно вскрывает свою либеральную, анти-социал-демократическую и анти-революционную позицию.

Но тут встает перед нами охранитель выгребной ямы ликвидаторства и заявляет:

> «Не может теперь никакая группа социал-демократов выкинуть знамя чисто-рабочего движения... Нам не укажут таких «ликвидаторов», которые отвлекали бы интерес рабочих от Гос. Думы, или требовали, чтобы в Думе наши депутаты не старались занять самостоятельную с.-д. позицию во всех вопросах политики, чтоб рабочая пресса не касалась не рабочих интересов» [1]).

Милостивый государь, вы опять передергиваете карты, то-бишь... в интересах ликвидаторства жонглируете словами и понятиями.

Скажите: то, что английские трэд-юнионы очень интересовались парламентом, производили — с своей точки зрения — оценку выставляемых кандидатов, требовали от тех из них, за кого подавали свои голоса, отстаивания в парламенте нужд рабочих, — избавляло ли все это их от упреков в том, что их знаменем является знамя «чисто-рабочего» движения. Маркс и Энгельс очень зло разоблачали ту скверную политику вождей английских трэд-юнионов, которая делается под знаменем «чисто-рабочего» движения. Следуя их примеру, и русские революционные социал-демократы всегда указывали на то, что «чисто-рабочее» движение отнюдь не есть отрицание политики, но только отрицание *социал-демократической* политики во имя *либеральной* политики рабочего класса.

Указывая на людей, выступающих с лозунгом «не гегемония, а свои собственные задачи», мы говорим: эти люди со своим знаменем «чисто-рабочего движения» отрицают социал-демократическую политику рабочего класса во имя *политики же,* но либеральной. А г. Мартов кричит по этому поводу, надеясь, видимо, обезоружить противника: ликвидаторы не отрицают политики, они не отвлекают интересов рабочих от политики! Еще бы! Но, —

---

[1]) Г-н Мартов. № 23 «Гол. С.-Д.», стр. 12.

да будет это вам известно, г. Мартов, — этого смешного обвинения в отвлечении рабочих от политики, которое вы хотели бы вложить нам в уста, мы не предъявляем даже и либералам. И это по той простой причине, что лозунг «чисто-рабочего движения», которое одинаково пропагандируют в его противоположении «идее гегемонии» и либералы и ликвидаторы, даже у либералов [1]) не подразумевает «отвлечения рабочих» от политики.

Знамя чисто-рабочего движения, которое г-да либералы и ликвидаторы предлагают вниманию рабочего класса, есть *только* знамя либеральной политики рабочих, а она не исключает ни внимания к Г. Думе, ни статей по не рабочим вопросам в рабочей прессе, ни даже «самостоятельности» рабочих депутатов (на манер «самостоятельности» депутатов трэд-юнионов в английском парламенте).

Г-ну Мартову надо было по поводу кликов — «не гегемония, а свои собственные интересы», «не революционный марксизм, а социал-либерализм», сказать, как он относится к этому лозунгу. А он предпочел заявить: ликвидаторов, отрицающих политику, — нет!

Ловко, нечего сказать!

Поучитесь-ка, г. Мартов, у г-на Изгоева: он очень хорошо понимает, о чем идет дело в ликвидаторском лозунге: «не гегемония, а чисто-рабочая политика», и он имеет то преимущество перед вами, что ему незачем скрывать свои мысли. Поясняя своим читателям, почему ликвидаторство есть важное общественное явление, г. Изгоев пишет:

> «Успех русского рабочего движения для нас важен, как для конституционалистов. Именно в силу нашей «буржуазной», конституционно-демократической сущности мы не можем относиться враждебно к организации пролетариата, самого сильного демократического элемента больших городов. Я допускал и допускаю, что это (организовать русский пролетариат) может сделать социал-демократия, *если* поймет необходимость внутренней реформы и найдет для этого силы» [2]).

Что же, г-н Мартов, скажете ли вы, что г. Изгоев отрицает «политику» для рабочего класса, отвлекает их от интереса к Гос. Думе и пр.? Конечно, нет! Наоборот. Он допускает и «марксизм», тот «иной», «уместный» «марксизм», который отрицает гегемонию. Вы видите, он допускает даже, что для выполнения задачи организации рабочего класса нужна особая, специальная партия. Какая же?

---

[1]) Господа Г—ги и Ст. Новичи здесь не в счет.
[2]) «Русская Мысль», 1910 г., август,ст. «Вехист среди марксистов».

«Что в стране с развитой капиталистической промышленностью — продолжает г. Изгоев — рабочий класс рано или поздно найдет формы своей организации, — это, конечно, бесспорно. Но будет ли иметь эта форма «вид германской или австралийской партии, английских трэд-юнионов или французских синдикатов», — «непримиримого интернационала» или «бернштейновского ревизионизма, легиеновской профессиональной политики, хождения «ко двору», вотирования бюджета, бельгийских кооперативов» [1]), —

вот в чем вопрос для г-на Изгоева.

Вы видите, г. Изгоев совсем не отвлекает рабочий класс от политики, — так же, как и ликвидаторы, г. Мартов, — он считает рабочий класс очень важным «для конституции», — вроде того, как вы его считаете очень важным «для революции», г. Мартынов, — он только за то, чтобы этот класс усвоил себе тактику «не гегемона, а защиты собственных интересов», чтобы он сменил роль вождя революционной борьбы на политику «английских трэд-юнионов», бельгийских кооперативов и т. д., и т. п., он только за то, чтобы революционный марксизм был сменен «иным», «уместным и нужным марксизмом» гг. Потресова, Левицкого и Мартова, как это и проповедуют гг. Ан'ы, Герасимовы, Маевские, «Г. С.-Д.», «Наша Заря» и т. д., и т. д. То-то была бы радость для либералов! . . .

Очень рельефно вскрывается общее понимание либералами и ликвидаторами лозунга «не гегемония», а классовая партия» в том совете, который г. Изгоев считает нужным дать нашей партии:

«Самая настоятельная задача социал-демократов—выход из подполья» (стр. 72, «Русс. Мысль», 1910, август).

«Не гегемония, а классовая партия, а отстаивание собственных интересов», — говорят ликвидаторы.

Браво! — отвечает им г. Изгоев, — это значит политика ревизионизма, политика трэд-юнионов, отказ от 1905 г., открытая рабочая партия; такой — «иной, уместный» — «марксизм», — таких с.-д. мы, — либералы, — приветствуем, готовы им поручить и доверить организацию русского пролетариата: их борьбу против существующей Р. С.-Д. Р. П. всячески поддержим.

Почему же г-да либералы так обрадовались лозунгу: «не гегемония, а классовая партия»?

Потому, что это есть лозунг либеральной рабочей политики; потому, что этот лозунг есть лозунг либеральной рабочей политики вообще и всегда, а в России — эпохи неизжитой буржуазной революции — в частности и в *особенности*.

---

[1]) «Русская Мысль», 1910 г., I.

«Не гегемония» это — вообще, т.-е. и в странах переживших буржуазную революцию, — значит отказ от борьбы с либерализмом во имя влияния на промежуточные слои. Это в России значит отказ от борьбы с либерализмом за привлечение крестьянства к революционной борьбе.

«Не гегемония» это — вообще — значит отказ пролетариата от роли передового бойца в борьбе со старым режимом. «Не гегемония» это значит — в России — подчинение рабочего класса политическому руководству либералов.

При этих условиях «классовая борьба» — вообще — превращается из борьбы за социалистический переворот в борьбу за частичное улучшение положения рабочего класса. Социалистическая революция подменяется лозунгом: социальная реформа.

При этих условиях *противополагаемая* гегемонии «классовая борьба» превращается в России из борьбы за полный демократический переворот в борьбу за постепенное расширение прав рабочего класса под игом режима 3-го июня. При этих условиях «классовая борьба» — вообще — превращается из революционной борьбы пролетариата с буржуазией в постепенное выторговывание у буржуазии частичных реформ.

Но в Европе вы теперь не найдете ни одного кретина из самых закоренелых идиотов, заседающих в буржуазных парламентах и на профессорских кафедрах, который бы отрицал *такую* «классовую борьбу». А в России вы не найдете ни одного эксплоататора из октябристов, который всеми силами не распинался бы за *такую* «классовую борьбу».

Ибо люди, проповедующие *«не* гегемонию, *а* классовую борьбу» пролетариату, на самом деле проповедуют ему не классовую и не борьбу, а лишь мирный торг с хозяевами жизни за узкопрофессиональные или мещански-обывательские интересы.

К этому пришли ликвидаторы, — эти сторонники новой партии, приветствуемые всеми врагами революционной социал-демократии. А придя к этому пониманию роли и задач пролетариата в современной России, они должны были внять совету г-на Изгоева насчет *открытой* партии. В их попытках создания такой *открытой* партии их теперь уже не стесняла ни революционно-социалистическая программа, которую они выкинули (см. § 3 этой главы), ни, как мы видели в этом параграфе, социал-демократическая оценка роли пролетариата, которую они заменили оценкой либеральной.

Политика гегемонии пролетариата есть политика революции. Отказываясь от гегемонии, пролетариат в политической области становится на точку зрения либерализма, ограничивая свою самостоятельность областью допустимого для либералов. Встав на точку зрения либерализма, ликвидаторство должно было, — как и либерализм, — устремиться на легальную арену, к образованию

открытой партии. Ничего не могло быть логичнее этого. Для либерализма режим 3-го июня дает легальную арену; почему бы он не мог дать ее и ликвидаторам, как две капли воды похожим на либералов. И, хотя «легальность» 3-го июня не может — вопреки тому, что думают гг. ликвидаторы, — вмещая кадетов, вместить даже либеральной политики *рабочего класса,* и широкого развития экономической борьбы, для такой политики она, конечно, гораздо более приспособлена, чем для политики революционного пролетариата. Ликвидаторы, правда, обожглись и никакой открытой партии еще не получили. Столыпин не имеет основания доверять рабочим даже тогда, когда за них ручаются ликвидаторы. Но сами-то ликвидаторы должны были логически упереться в идею открытой рабочей партии при столыпинщине: ликвидатор потому и либерал, что он набит либеральными иллюзиями.

5. Легализм и борьба за легальность.

Политическая группа, которая пытается построить свою практическую политику на вышеразобранных представлениях о характере переживаемого Россией кризиса, о гегемонии и т. д., должна была прийти к попытке построить *новую,* иную, чем Р. С.-Д. Р. П., партию. Такая попытка — на-лицо перед нами. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в контр-революционной атмосфере уже вполне сложилась, оформилась, теоретически окопалась и исподволь ведет свою работу новая группа, организационно и идейно *разорвавшая* с Р. С.-Д. Р. П. и пытающаяся организовать рабочих на «чужой» (чужой по отношению к Р. С.-Д. Р. П. и по отношению к социализму) платформе, чуждыми ей методами. Эта группа — есть группа сторонников образования открытой, легальной, законной партии среди рабочих.

Но раньше чем перейти к ее окончательной характеристике, нам надо остановиться на одном очень важном пункте.

С.-д-ия никогда не отрицала и не отрицает использования легальных возможностей. Революционный пролетариат проявил бы слишком мало понимания своих интересов, если бы — вслед за анархистами — отвернулся от использования в своих классовых, т.-е. в своих революционных целях той «легальности», тех «прав», которые не может не предоставлять в его распоряжение современное общество.

Русская контр-революция, основанная на организации в национальном масштабе всех контр-революционных сил, не могла избежать общей участи, не могла не предоставить русскому пролетариату ряда, хотя бы очень мизерных, «возможностей». Русский пролетариат должен их использовать в своих революционных целях. Он должен их использовать планомерно, всесторонне, терпеливо и упорно, постоянно работая над усовершенствованием

методов этого использования, и ни пяди не уступая из того, что уже взято им с бою. Всякая политическая группа, которая бы попыталась удержаться в стороне от этого движения, в стороне от использования легальных возможностей, была бы очень быстро превращена ходом действительного движения в кучку сектантов и им же сметена с пути рабочего движения. Эта участь уже постигла группу «Вперед».

Но, — и в этом как раз суть дела, — иное дело использование столыпинских «легальных возможностей» нелегальной революционной партией рабочих масс, иное дело признание этих «возможностей», этой столыпинской легальности единственной ареной действительного движения.

Иное дело: нелегальная партия революционного социализма, использующая бессилие контр-революции (ибо всякая легальная возможность для рабочих есть лишь обратная сторона невозможности для контр-революции ее прикрыть); иное дело: открытая партия, использующая для своих целей некоторые технические методы подполья. Пример последнего — кадетская партия.

Это партия несомненно «открытая»: она действует лишь в пределах предоставленных ей возможностей, борясь (?) за их расширение всеми законными и только законными методами. Однако, это совсем не исключает того, что она пользуется подпольными методами в своей работе: она собирает свои конференции, собирает членские взносы несомненно путем «подпольным». Будучи, след., открытой партией, работающей в пределах отведенных ей законом «возможностей», она не отрицает и не может отрицать «подполья», как своего технического орудия.

Что следует из этого факта-примера? — То, что вопрос о характере партии и направлении ее деятельности решается не тем, признает ли она или не признает возможным и нужным обращаться к помощи подпольных методов, а лишь тем, какое *значение* придается этой партией подполью, где у нее, у этой партии, *центр тяжести* всей ее деятельности. Кто может сказать все *существенное* в пределах столыпинских «свобод», тому нечего делать в подполье: он должен весь центр тяжести своей работы перенести в пределы законности. С другой стороны, раз здесь видит он центр тяжести, — это значит, что ему нечего сказать в подполье.

Либеральная партия может остаться либеральной партией и тогда, когда она прибегает к конспиративному методу переписки. Социал-демократическая партия в столыпинской России не может остаться социал-демократической, раз для нее в центре работы оказывается работа в пределах столыпинской легальности.

Еще раз: иное дело — *использование* Р. С.-Д. Р. Партией столыпинских возможностей, другое дело — *ограничение* партийной работы этими возможностями.

Пропаганда подобного *ограничения* до того чудовищна на взгляд всякого пролетария, что может возникнуть сомнение: существуют ли в действительности подобные «социал-демократы?» Однако, это именно так.

Начинать следует сначала, след., с г. Мартова. Еще в № 13 «Г. С.-Д.» в статье, чрезвычайно ловко прикрывшей кучей революционных словечек легалистский характер его рассуждений, г. Мартов дал принципиальное обоснование легализма и первый выставил лозунг «борьбы за легальность», как руководящую идею для социал-демократов.

> «В свое время, лет 10 тому назад, — писал г. Мартов, — смешна была мысль о том, что, по мере роста массового рабочего движения, пролетариату удастся закреплять свои частичные победы над своими врагами в форме завоевания отдельных политических прав... Революционная социал-демократия обязана была бороться с этой утопией, которая при превращении в практику могла вести только к подмену революционных задач пролетариата частными реформистскими лозунгами... Направление всей работы революционной социал-демократии в целом определялось предстоящей перспективой постановки в определенный момент политического вопроса всего целиком в определенной форме: самодержавие или политическая свобода?».

Очень хорошо, хотя и не очень грамотно («утопия... при превращении в практику!)». 10 лет тому назад революционная социал-демократия была права, когда боролась с «подменом революционных задач частными реформистскими лозунгами» (—завоевание отдельных политических прав), и сознательно вела всю свою работу в направлении постановки «всего политического вопроса в целом».

Но это было десять лет тому назад. Теперь, на взгляд г. Мартова, совсем наоборот! Теперь совсем не то!

> «Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет... кризисом конституционным... Двигаясь навстречу этому кризису, рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от подымающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации» [1]).

Еще яснее эту мысль г. Мартов выразил ровно через год в «Возрождении:».

> «Классовый антагонизм «белой» и «черной» кости (дворянства и буржуазии. Ю. К.) использован может быть прежде всего в том направлении, что бесправные «низы» постараются реализовать *для себя* (кур. г. М.) те формальные и фактиче-

---

[1]) «Русская Мысль» 1910 г., I стр. 4.

ские уступки, которые имущая «белая» кость вынуждена будет делать имущей же «черной». Таков смысл формулы «борьба за легальность», которой пытались обобщить объективную тенденцию современного движения. . .» [1]). Эта идея должна стать *«регулирующей идеей,* проникающей собой все частные и частичные усилия. . .» [2]).

Дело, как видите, ясное до чрезвычайности.

10 лет тому назад руководящей, регулирующей идеей социал-демократии по праву была идея революционной борьбы за политическую свободу, иначе: за свободу ведения классовой борьбы и организации пролетариата. Теперь — руководящее, регулирующее значение должно перейти к идее «вырывания от поднимающейся к власти буржуазии частичных уступок» или, иначе, к идее распространения на пролетариат уступок, добываемых у дворянства буржуазией. Таков, говорит г. Мартов, смысл формулы «борьба за легальность».

И это как нельзя более ясно. Позвольте же спросить вас, читатель: что есть «борьба за легальность» в понимании г-на Мартова?

Точно повторяя его слова, Вы должны будете сказать: «борьба за легальность» по Мартову есть вырывание от поднимающейся к власти буржуазии частичных уступок для пролетариата, есть борьба за распространение на пролетариат 3-ье-июньских привилегий буржуазии.

Это аутентичное разъяснение смысла формулы «борьба за легальность» мы запомним, а покуда зададим себе вопрос: нужна ли такая борьба? нужны ли пролетариату частичные уступки, вырываемые у буржуазии? — Конечно, нужны! Нужна ли пролетариату стачечная борьба? — Конечно, нужна, очень нужна, очень важна.

Но имели ли бы люди, объявившие «стачечную борьбу» «регулирующей» идеей своей партии, что-либо общее с социал-демократией? — Нет, ничего бы общего не имели.

Имеют ли люди, объявившие «борьбу за легальность» в современной России «регулирующей идеей», которой должны проникнуться «все частные и частичные усилия по отстаиванию «низами» своего права на организованное существование», — что-либо общего с революционной социал-демократией, их задачи с задачами последней? — Нет, ничего общего не имеют.

«Вырывание частичных уступок у буржуазии», борьба за распространение 3-ье-июньских привилегий буржуазии на пролетариат, — ставши регулирующей идеей пролетарской политики, означала бы ее разрыв с революционными задачами пролетариата, означала бы превращение революционной социал-демократии в легалистскую партию социальных реформ. Образование подоб-

---

[1]) «Возрождение», 1910, апрель, № 6, стр. 16.
[2]) Ib., стр. 17. Курсив г. Мартова.

ной партии среди рабочих столыпинской России означало бы колоссальную победу духа контр-революции над революционным духом.

А между тем нет никакого сомнения в том, что идея «борьбы за легальность», идея *легальной борьбы за частичные уступки* — пропагандируется г.г. ликвидаторами именно как новый *принцип,* как руководящий и определяющий мотив их новой политики.

Мы видели заявления г. Мартова на этот счет в легальной печати, но не иначе рассуждает и «Голос С.-Д.», этот нелегальный орган русского легализма.

В руководящей статье г. Дана этот орган прямо рекомендует с.-д. деятелям *«написать на своем знамени «борьбу за легальность».* Г-н Дан продолжает:

> «Борьба за легальность, или, иначе, борьба за полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы, экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, *как одна из основных революционных задач борьбы рабочего класса в современной России».*

И несколькими строками выше:

> «Именно такая постановка (широкая постановка вопроса о борьбе за легальность) должна определять собой все частные шаги рабочего авангарда. . .» [1]).

И еще в последнем № «Голоса» в связи со «столыпинским кризисом», этим провозвестником краха всей системы, — перед лицом обострения всего положения, перед лицом нового государственного переворота, в момент, когда революционный характер задач движения вырисовывается в достаточно выпуклых формах и когда пропаганда этих задач, казалось бы, становится обязательной даже для всякого вульгарного демократа, редакция этого органа провозглашает «борьбу за легальность» *исходной точкой* борьбы пролетариата, «каковы бы ни были дальнейшие ее перспективы» (№ 25, стр. 4, ст. г. Мартынова).

Г-н Столыпин совершает государственный переворот; «Голос *С.-Д.*» в ответ заявляет: а мы будем *исходить* из легальности.

Может ли быть для г. Столыпина что-либо более приятного, а для Р. С.-Д. Р. П. что либо более позорного, когда в ответ на его новые попытки государственного переворота из рядов социалистов раздается — всего только — лозунг: борьба за легальность.

Имеем ли мы право после этого удивляться поведению октябристов и кадетов, которые издавна уже усвоили себе тактику: на всякий государственный переворот сверху отвечать кликами в честь законности и «борьбой за легальность».

---

[1]) «Голос С.-Д.», № 19 — 20, стр. 3.

Поистине только «столыпинские социал-демократы» могут отвечать на столыпинское издевательство над законом, над всякой легальностью провозглашением борьбы за легальность «исходной точкой движения».

Поистине, можно подумать, что «борьба за легальность» выдумана «Г. С.-Д.», для того, чтобы радовать взоры контр-революционных насильников. Поистине, столыпинские социал-демократы созданы для того, чтобы своей «борьбой за легальность» тешить г. Столыпина в трудные моменты его непрерывных coups d'état [1]).

Теперь ясно то центральное, руководящее значение реформистской формулы, которое ей придают ее авторы, тот подмен революционных задач, который ими совершается. Это вполне последовательно.

С одной стороны, — мы идем к *конституционному* кризису, с другой стороны, — мы отказываемся от роли гегемона во имя «классовых» задач; — из этого может быть только один вывод: формулой нашей политики может быть лишь борьба за частичные уступки от буржуазии, ползущей к власти.

С другой стороны, — нельзя было найти формулы, которая бы лучше выражала и отказ от революционных задач (от «постановки всего политического вопроса целиком») и отказ от гегемонии во имя «чисто-рабочей» политики, как эта формула: «борьба за легальность». Нельзя найти лучшей формулы реальной капитуляции перед столыпинщиной, более точной формулировки факта усвоения ликвидаторами всей той суммы либеральной трусости и ограниченности, которую либерализм демонстрировал во всю эпоху контр-революции.

Как видим, эта «формула» ничего общего не имеет с той борьбой за свободные условия классового движения пролетариата,

---

[1]) Заканчивая свою статью, «Г. С.-Д.» указывает именно на «петицию» о праве коалиций, как на конкретное применение той «борьбы за легальность», которая должна стать «исходной точкой» движения в ответе на политику контр-революции. Пропаганда социалистами «борьбы за легальность», «петиции» о свободе коалиций, как ответ на нарушение основных законов и законодательствование по 87 ст. — это, действительно, зрелище, достойное... улыбки Столыпиных и Курловых.

Сравнение с чартизмом, которым (сравнением) г. Мартов хотел бы подкрепить свою «кампанию», свидетельствует лишь о его невежестве или о расчете на невежество читателя. Да будет ведомо г. Мартову, что мы, отвергая ликвидаторскую тактику проповедывать «легальность» (и «петиции») перед лицом Столыпина, вполне «приемлемо» чартистское движение, шедшее путем ломки легальности (и не столыпинской, а английской), путем всеобщих стачек, рабочих мятежей, массовых (свободно собиравшихся) митингов на площадях Лондона. Да, это мы приемлем. А вот приемлет ли это г. Мартов? Приемлют ли наши сторонники петиций чартизм в той его части, которая *не* сливалась с мирной и законной агитацией буржуазных радикалов. — Нет, г. Мартов, лучше бы Вам и не поминать чартизма в связи с петиционной кампанией «Нашего Дела». Сравнение с чартистами бьет в лицо наших легалистов.

которую вела, ведет и будет вести революционная социал-демократия. Эта «формула» диаметрально-противоположна формуле революционной социал-демократии.

«Борьбу за легальность» — может, по рекомендации г-на Дана, «написать на своем знамени» легальная партия реформ, ее не может написать на своем знамени партия революционного пролетариата России.

Читатель видит теперь, как правы мы были, когда указывали, что из ликвидаторской оценки текущего момента вытекает лишь такая схема развития: буржуазия ползет, поднимается к власти, за ней по ее стопам ползет отказавшийся от гегемонии, расставшийся с идеей революции пролетариат, отторговывающий у своего гегемона, буржуазии, частичные уступки в виде откупного за свой отказ от революции, за свое самоограничение «истинно-рабочей» политикой [1]). Формулой *апологии* этого развития и является формула: «борьба за легальность».

Это — формула не социал-демократической, а трэд-юнионистской политики, политики «рабочей», в отличие от с.-д. партии, формула «открытого», патронируемого либерализмом движения.

И г. Мартов был совершенно последователен, когда, продолжая в «Жизни» свои «Заметки публициста», начатые в «Возрождении», указывал на то, что формула «борьбы за легальность» есть основа

> «тактики, ставящей в центре открытое рабочее движение, стремящейся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущей *внутри этого* открытого рабочего движения — и только там — элементов для возрождения партийного бытия» [2]).

Только там! . . , т.-е. только в том, что разрешено столыпинской легальностью.

Не в праве ли были мы сказать, что необходимая пропасть лежит между *использованием* столыпинской легальности в духе революционной социал-демократии и *ограничением* своих задач только тем, что эта легальность разрешает. . . в духе штемпелеванного либерализма.

И дело тут, конечно, не в различной степени нелюбви к сто-

---

[1]) Это можно выразить еще так: как раз тогда, когда либерализм открыто объявил себя лишь «оппозицией его величества», ликвидаторство стало проповедывать, что рабочий класс должен занять по отношению к буржуазному либерализму, такое же положение, которое либерализм занял по отношению к романовской монархии. Либерализм не хочет быть чем-нибудь большим, чем «оппозицией его величества», самодержца всероссийского, открытая партия ликвидаторов не хочет быть чем-либо иным, как «оппозицией ея величества», буржуазии всероссийской.

[2]) «Жизнь», № 1, стр. 9 — 10.

лыпинщине (можно надеяться, что степень этой нелюбви у г-на Мартова приблизительно одинакова с нашей); дело в тех политических перспективах, которые связываются с образованием открытой рабочей (?) партии при столыпинщине; дело в том *анти*-революционном духе, который должен проникать и проникает все тактические и организационные взгляды людей, пришедших к идее открытой партии.

Для того, чтобы показать это, нет даже необходимости в подробном разборе идей сторонников открытой партии. Нет необходимости в логической критике и пристальном изучении, чтобы понять их *тенденции*. Заранее можно сказать, что открытая партия, родившаяся в результате отказа от идей революции и идеи гегемонии, в корнях своих связанная с идеей частичных уступок, бросаемых пролетариату буржуазией, ползущей к власти, — что подобная партия явилась бы живым воплощением сокровеннейших мечтаний контр-революционного либерализма о желательном ему ходе рабочего движения. Подобная партия была бы точной или, точнее, ухудшенной копией с той партии, о которой не переставая мечтают г.г. Прокоповичи. Больше того. Этой партии, поелику она замещала бы в рабочих кругах Р. С.-Д. Р. П., не мог бы не сочувствовать Столыпин.

Партия, еще до своего формального конституирования, понесшая в рабочую среду такую кучу ругательств против революционного подполья, которой, конечно, не мог туда донести ни один прямой агент Столыпина, партия, действующая в пределах законности и написавшая на своем знамени: «борьба за легальность», партия, руководящей идеей которой является урывание частичных уступок у буржуазии, поднимающейся к власти, — это лучшее, чего мог бы ждать от русского рабочего класса г-н Столыпин, если бы он верил в то, что рабочий класс будет действительно следовать планам г.г. из «Возрождения», «Нашей Зари» и «Г. С.-Д.». Но, питая доверие к ликвидаторам, Столыпин не может доверять рабочим, точно так же, как доверяя г. Дану, г. Милюков (во время второй избирательной кампании) был полон недоверия к петербургским рабочим.

От эксперимента с открытой рабочей (?) партией г. Столыпина предохраняют воспоминания о 1905 г. Но отнюдь не исключена раз навсегда возможность того, что кто-либо из октябристов — столпов современной контр-революции, — почувствует родственную себе душу в современных «с.-д. октябристах», как почувствовал г. Изгоев родственную душу в г. Потресове.

Приручение рабочего класса, поскольку такая задача вообще станет перед «обновленным строем», не может итти иначе, как через открытую партию стиля г.г. Левицких и Данов. В этом заключается *реальное* значение тех идей, которые эти господа *несут* в рабочую среду.

Русский рабочий класс уже показал себя таким, что к нему нельзя, — хотя бы с мало-мальской надеждой на успех, — подойти иначе, чем набросив на себя плащ марксизма. Российская с.-д. должна приложить все усилия для того, чтобы показать ему, что под плащом марксизма в контр-революционную эпоху могут оказываться не только «веховцы», но и прямые пропагандисты октябристской политики.

И тут, повторяю, дело идет не о логическом доведении до абсурда идей этих пропагандистов, не о тех тенденциях, которые надо было уловлять путем сопоставлений, логического продолжения высказываемых ими идей и т. д. Нет. Они говорят достаточно определенно:

Взгляните, напр., чему учат рабочих два главных органа открытой рабочей (?) партии в России, — «Наша Заря» и «Возрождение».

> «Нет, — пишет «Возрождение», — никаких оснований утверждать, что легальная почва в наши дни слишком узка для того, чтобы рабочий класс избрал ее базой для своего организационного строительства и движения».

Этот, чреватый многими последствиями вывод о достаточности столыпинской легальности для организационного строительства рабочего класса «Возрождение» пытается внушить русским рабочим и другим путем.

> «Иной читатель, — предполагает «Возрождение» — скажет: итак, вас не напрасно называют «ликвидаторами»: вы несомненно «ставите крест над партией», ибо восстановление ее в старом виде считаете неосуществимым, а предлагаемое вами строительство — создание открытой рабочей партии — немыслимо при современных условиях. *Вывод этот был бы правильным, — возражает «Возрождение», — еслиб можно было безоговорочно согласиться с последним положением*».

Нельзя выразиться яснее. Именно по поводу подобной пропаганды, обманывающей рабочих уверениями в возможности для столыпинщины потерпеть ту меру демократизма, которая потребна для создания открытой рабочей партии, должно повторить слова Маркса о том, что «даже вульгарная демократия... стоит горою выше такого рода демократизма в границах полицейски-дозволенного и логически недозволительного» [1]). «Возрождение» рекомен-

---

[1]) А ведь Маркс писал это по поводу — всего только — готской программы, в которой, быть может, лишь неточные формулировки могли дать пищу для подозрений в недостаточной демократичности. В цитированных словах Маркс бичевал лишь те «уступки прусской реакции», которые он видел в некоторых сторонах лассальянства. Но даже и те ошибки «лассальянства», которые вызывали особенно резкую критику Маркса, никогда даже в самой отдаленной степени отнюдь, конечно, не давали почвы для тех обвинений, которые мы предъявляем нашим проповедникам открытой

дует русским рабочим создать открытую рабочую (?) партию на базе современной легальности и в пределах современной законности. Для этого оно должно убедить рабочих в том, что современная законность и легальность не «слишком узка», что создание подобной партии возможно при столыпинщине. Но мало этого. *Оно должно убедить рабочих еще в том, что сильно заблуждаются те «подпольщики», те революционеры, которые думают,*

«— и это, по мнению «Возрождения», характерно для «подпольной психики», — что с данным режимом можно бороться только всемерно и всецело отрицая его...».

Вот, наконец, откровенное слово, которое вскрывает то, что действительно лежит в основе идеи открытой партии при столыпинщине!

Социал-демократы всего мира полагают, что с современным режимом можно и должно бороться, только «всемерно и всецело отрицая его», что борьба с ним, которая основана не на всемерном и всецелом его отрицании, есть не революционная борьба, а «реформистское» «штопанье дыр».

Мешает ли это всемерное и всецелое отрицание существующего режима соц.-дем-там-революционерам превращать в орудие своей борьбы все те права и возможности, которые этот строй вынужден предоставить рабочему классу? — Конечно, нет.

Русские с.-д., Р. С.-Д. Р. П. полагают, что борьба со столыпинщиной должна базироваться на всемирном и всецелом отрицании современного режима. Значит ли это, что они должны отказаться от использования в своих целях всех «возможностей» этого режима? — Конечно, нет! Но это значит, что все эти «возможности» она рассматривает лишь как орудия борьбы, *отрицающей* современный режим *именно* всемерно и всецело.

Возможна ли рядом с этой борьбой, проникнутой всецелым и всемерным отрицанием современного режима, другая *тоже борьба,* не всемерно и не всецело отрицающая его? Конечно, возможна, и не только возможна, но и реально существует и ведется: это борьба либерализма, борьба кадетская. Либерализм борется с современным режимом; он только не кладет в основу своей борьбы всемерного и всецелого отрицания столыпинщины. И либерализм, — так же, как и «Возрождение», — полагает, что подоб-

рабочей (?) партии, обманывающим рабочих насчет существа столыпинщины. В этом случае нужно сказать, что, поскольку вообще допустима здесь аналогия (а она возможна только в узкой сфере отношения к «революции сверху»), наши легалисты взяли в лассальянстве как раз те его черты, которые вызвали ожесточенную и победоносную борьбу с ним со стороны марксистов. Безупречно-строгий к лассальянским «уступкам», чтобы сказал Маркс по поводу тех *действительных* уступок столыпинщине, которые проникают, окрашивают, не могут не окрашивать всей пропаганды наших легалистов?

ное отрицание и борьба, на подобном отрицании зиждущаяся, могут быть лишь «характерным» продуктом «подполья». Мы же оставляем за собой право думать, что подобное отрицание, определяющее и общий характер борьбы, есть лишь характерный признак — не «подполья», — а революционного отношения к действительности.

Что же выходит? В целях пропаганды открытой рабочей (?) партии г.г. легалисты должны внушить рабочим, что существующая легальная база «не слишком узка», что возможность создания подобной партии при современных условиях отнюдь не исключена и, наконец, высказать свою тайную мысль, что *существующая легальность не узка и возможность открытого партийного строительства не исключена лишь для такой партии, которая откажется от «всемерного и всецелого» отрицания столыпинщины.*

Что верно, то верно. А последнее несомненно верно. Но этого мало. Открытая рабочая (?) партия не есть только отрицание «всемерного и всецелого отрицания» столыпинщины. Она есть вместе с тем *«всемерное и всецелое отрицание» революции,* она есть — реально — пропаганда отказа от революционных традиций и лозунгов, она есть апология мирной *«классовой»* (в струвистском смысле) «борьбы» наших дней в *противовес* революционной пролетарской борьбе *вчерашнего дня.* Пропагандисты легализма и законности шага ступить не могут, чтобы не обрушиться на революционное прошлое русского пролетариата. Открытая партия ликвидаторов есть — реально, на деле — концентрированное выражение всей гнусности политического молчалинства, всей пошлости плоского либерального крохоборства, всей дряблости бывших революционеров, у которых контр-революция выела душу живу. Отвергнутая рабочим классом, идея открытой партии при Столыпине останется постоянным памятником гниения интеллигенции в эпоху контр-революции, ее бессилия противостоять разлагающим влияниям последней.

Как мы видим, открытая рабочая (?) партия исторически и логически связана в своих корнях с отрицанием революции, с отказом от идеи гегемонии, с трэд-юнионистским пониманием рабочей политики. Вне этих идей она лишена всякого конкретного содержания. Мало того. Эта идея, из каких бы источников она ни возникла, неизбежно должна стать в современной России своего рода концентрационным пунктом оппортюнизма и «веховства среди марксистов». Идеи, как и книги, имеют свою судьбу, предопределяемую не только их происхождением, но и той обстановкой, в которую они попадают. Непонимание этого обстоятельства может сделать смешными самых серьезных людей. Человек, который увлекся бы в данный момент идеей открытой рабочей (?) партии и пытался бы в то же время остаться на точке зрения революционного социал-демократа, показал бы лишь пример

жесточайшей, грубейшей непоследовательности. Пытаясь примирить легализм с рев. социал-демократией, он свидетельствовал бы лишь, что он *лучше* своих идей. Но идеи имеют свою логику, и логика открытой партии, как мы могли видеть, прямым путем ведет к полному разрыву с задачами революционного пролетариата России.

Молчалин Грибоедовской комедии особенно отвратителен не тогда, когда он, молча, сгибает спину, а тогда, когда он философствует, создавая теорию молчалинства.

Современный Молчалин в марксистской среде особенно отвратителен не тогда, когда он сгибает колена под ударами контрреволюции, а тогда, когда он свое коленопреклоненное положение старается поставить превыше всякого другого.

Ни до-революционная, ни революционная Россия не давала, видите ли, «достаточно повода для развертывания чисто классовой тактики и организационного творчества!».

> «Все это вместе взятое обусловило элементарность массового рабочего движения..., проявлявшегося преимущественно в стихийных формах, исключительно *в непосредственном* напоре на противника. Более сложная и гибкая классовая тактика... была неизвестна... Собственно говоря, только с 1905 г. в России стала возможна действительная политическая борьба рабочего класса, в западно-европейском, марксистском [1]), а не бланкистском смысле слова, как классовая самодеятельность сознательного передового слоя пролетариата... Рабочий класс был тараном, управляемым интеллигенцией, который прорывал бреши в крепости старого порядка. Теперь, когда эти бреши... сделаны, рабочему классу впору...» эмансипироваться от своего «героического» прошлого, ликвидировать «подполье» и «перейти к очередному историческому делу», к «созданию открытой рабочей партии», «хотя бы даже такой, какая возможна в современной России» [2]).

Разверните «Вехи», читатель. Читайте. Рабочее движение в России было «элементарным», «стихийным», вместо «гибкой» тактики вело «непосредственное» нападение на противника. Да— это «Вехи». Рабочее движение изменяло «чисто классовым» интересам. Оно стало на путь бланкизма. Было тараном в руках интеллигенции. Да «Вехи», «Вехи!» Теперь оно должно эмансипироваться от своего прошлого, познать свои «чисто-рабочие интересы», свергнуть «гегемонию» революционаризма, организоваться открыто для легального отстаивания своих профессиональ-

---

[1]) Читатель узнал уже в этом «марксизме» тот «уместный и нужный марксизм» либералов, о котором мы говорили выше.

[2]) «Наша Заря», 1910, № 7, стр. 94, 99, 100.

ных интересов... От слова до слова «Вехи», с веховским противопоставлением «чисто-классовых» интересов («которых мы не отрицаем!») интересам гегемонии в революции, с веховским противоположением «стихийной», «непосредственной», революционной борьбы — «гибкой» тактике; «действительной политической борьбы в западно-европейском смысле» — революционному движению 1905 г., зап.-европ. «марксизма» — «русскому бланкизму» (сколько слез пролили г.г. Струве и Изгоевы по тому поводу, что русские социал-демократы забыли «марксизм», бросившись в революцию!), с веховским противопоставлением «интеллигентского подполья» — «самодеятельности», злых стихий революции — доброй стихии легализованного профессионального движения...

Хороший переписчик веховских идей выработался из бывшего социал-демократа, нынешнего столпа «Нашей Зари» и «Возрождения», г-на Левицкого, глашатая открытой партии.

Борьба за легальность и открытая рабочая (?) партия, два неразрывно связанных друг с другом лозунга, — есть попытка контр-революционных, веховских сил организовать при помощи ренегатов социал-демократии рабочее движение по образу и подобию своему.

Как видит читатель, наше отношение к существующим легальным возможностям не имеет ничего общего с нашим отношением к пребывающему в головах легалистов плану создания открытой рабочей (?) партии. Призывая использовать легальные возможности, призывая к работе по превращению этих «возможностей» в опорные пункты с.-д. работы, мы настаиваем на том, чтоб их использовала революционная социал-демократия, а не организация легалистов.

Действительная «легализация» рабочего движения по западно-европейскому типу невозможна в России вне коренной ломки всего существующего строя. Этого могут не видеть разве только люди с либеральными шорами на глазах или своекорыстные защитники столыпинского режима. Только либеральная ограниченность в понимании характера современного рабочего движения или сознательное стремление к обману рабочего класса может подсказать пропаганду открытой рабочей (?) партии для данного момента.

Возможна ли открытая рабочая партия при Столыпине? — И да и нет. В контр-революционную эпоху возможно все контр-революционное; возможна и партия, реальный смысл которой в противопоставлении себя старой партии, ее традициям, ее духу, которую будут терпеть постольку, поскольку *она будет орудием борьбы с Р. С.-Д. Р. П. и ее духом.* Но она невозможна, как массовая рабочая организация, ибо подобная организация непримирима с «обновленным строем» даже тогда, когда она создана на почве контр-революционных идей и настроений, даже тогда,

когда она добровольно ограничивает себя границами «закона». Судьба профессиональных союзов наглядно это последнее иллюстрирует.

Мы убеждены, что «подполье», умевшее в свое время охватить десятки тысяч рабочих и поставившее под свое знамя миллионы их, есть для настоящего времени гораздо более *широкая* возможность, что оно открывает перспективы гораздо более *массовой* организации, чем столыпинские «возможности». Конечно, речь идет не о «заговорщическом подполье», по типу хотя бы организации Р. Р. S., осенью 1909 г. принявшей резолюцию по организационному вопросу, начинающуюся след. пунктом:

> «1. Вся организационная работа партии должна состоять в образовании кружков, составленных из отборных лиц» [1]). (Этот же тип организации несомненно лежал в основе организационных взглядов группы «Вперед»).

Повторяю, речь идет не о таком «подполье», а о подполье социал-демократическом, том самом «подполье», которое умело еще задолго до октябрьских дней на своих «биржах» (в Западном и Юго-Западном Крае) и «массовках» собирать действительно массы.

Современные средства воздействия, в значительной степени расширенные использованием легальных возможностей в области прессы, в области организации и — особенно — живого социал-демократического слова с думской трибуны, — дают достаточное основание предполагать, что *перевооружившееся* подполье при малейшем подъеме рабочего движения призвано будет стать действительным центром и руководителем движения.

Действительно-массовое рабочее движение в современной России может пойти лишь по пути революционному, по пути ломки столыпинской «легальности». Другого пути для него еще нет. По другому пути могут пойти лишь группки *легалистов-независимцев,* которые могут сколько угодно кричать об открытой *рабочей* партии, которые очень легко могут быть использованы г.г. Столыпинами, но которые неизбежно должны будут в конце концов на деле явить такой же пример оторванности от масс, который, подводя итоги прошлому, констатирует г. Левицкий.

> «Меньшевизм, в силу своей оторванности от масс, практически еще меньше мог руководить массовым движением,— пишет ныне г. Левицкий, — чем большевизм. Его безукоризненные в политическом и тактическом отношении лозунги

[1]) См. ст. Л. Пл — аго «Три года соц. движения в царстве польском» в № 1 «Социалиста-революционера», стр. 129. В этой же статье содержится следовательно пояснение цитированного в тексте пункта: «Массовые организации, поскольку они сохранились, являлись скорее *обузой*, нежели орудием борьбы», стр. 116.

большею частию оставались в виду своей сложности чуждыми и непонятными политически мало развитым русским рабочим массам... Вот почему, в до-революционный период, да, за немногими исключениями и после, большевики имели большее влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения. Организационные же построения меньшевиков в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством . . .» [1]).

Как мы видим, с меньшевиками, парадировавшими в до-революционную и революционную эпоху в качестве неизменных защитников «демократизма», «широких организаций», широкого рабочего движения, «самодеятельности» и прочих хороших, великолепных вещей, — произошла печальная история. Они остались без масс [2]). У них была очень хорошая программа действий, только... не для русского пролетариата. Вот они, именно они — де-леониты худшего вида, ибо, де-леониты — отъединились от массового рабочего движения на платформе узко, по-сектантски понятого *марксизма,* а наши де-леониты отъединились от революционного движения пролетариата на платформе... «не запугивания буржуазии» и «блоков с либерализмом».

Но это между прочим. Мы привели этот пример самопознания меньшевизма для того, чтобы иметь право сделать предсказание, что придет время, и всем станет ясным «надуманный», «доктринерский», интеллигентский, никакого отношения к массо-

---

[1]) «Наша Заря», 1910 г., № 7, стр. 93. Г-н Мартов любит посравнить большевиков с «де-леонитами», поговорить о сектанстве, оторванности большевиков от масс и т. д. и т. п. Памятуя вышецитированное признание врага мы можем спокойно посмеяться над усилиями г.г. Мартовых. Понимают ли они, что сказал г. Левицкий и что представляет неизгладимый уже факт истории русского рабочего движения и истории большевизма? Он сказал, что в самую славную, самую боевую, самую великую эпоху русского рабочего движения, в эпоху, когда его движение приобрело всемирно-историческое значение — его выразителями и руководителями явились большевики. С нас этого довольно... и пусть г. Мартов толкует в собственное утешение о де-леонитах, сектантах и «социалистах против рабочих»...

[2]) Это, конечно, не удивит никого из тех, кто мало-мальски знаком с историей оппортунистических шатаний в нашей партии. Никто и никогда не кричал, не «визжал», следовало бы сказать, столь сильно о «массах», о «массовом движении», как типичные интеллигенты-оппортунисты. Это характерная, родовая черта интеллигентского оппортунизма всех видов и всех толков. Со словом «масса» на устах воевал с Гр. Осв. Труда оппортунизм г-д Прокоповичей, к «массовому движению» взывало «Рабочее Дело» против «Искры», о массах болтал г. Левицкий, воюя с большевиками в 1904 — 1905 г.г Всякий оппортунист пытается спрятаться за «широкую спину» «массы». и на ея широкие плечи взвалить грехи собственной беспринципности А когда «масса» проходит своим путем, оппортунизму не остается ничего другого, как свои «безупречные лозунги», только что рекомендованные, как самое точное отражение потребностей массового движения, — *противопоставлять* «не-разумности» и «неразвитости» рабочих масс. Обычная история! Или «ручку пожалуйте», или в «рыло»!

вому рабочему движению не имеющий характер «открытой рабочей (?) партии» г.г. легалистов. Тогда эта партия войдет в историю размагниченной, по-революционной, мелко-буржуазной интеллигенции, пытавшейся успокоиться на контр-революции и нашедшей прибежище в рабочелюбии, а не в историю рабочего движения.

Конечно, нельзя отрицать наличности в русском рабочем классе трэд-юнионистских тенденций, нельзя отрицать и того, что промышленный подъем может эти тенденции на момент усилить. Нельзя отрицать также того, что давление политического крепостничества способно на время стушевывать в сознании тех или других групп пропасть между либеральной и с.-д. политикой и создать иллюзию единства цели, там, где его нет и в помине. Но это только подчеркивает ту позицию, которую Р. С.-Д. Р. П. должна занять перед лицом пропагандистов и организаторов открытой партии.

Это позиция непримиримого разоблачения либеральной подкладки подобной пропаганды, непримиримой борьбы со «столыпинскими с.-д.», неустанной организации рабочих в борьбе с буржуазными влияниями.

В современном обществе пролетариат страхуется от проникновения в его среду мелко-буржуазных влияний лишь растущим обострением противоречий современного общества. В столыпинской России гарантией против успеха легалистов-независимцев служит то, что для движения рабочих масс не может стать знаменем ни существующая легальность, ни «борьба за легальность».

Теперь как и 10 лет тому назад мы можем сказать: перед рабочим классом России стоят революционные задачи и, в то же время, революционные задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены лишь под руководством революционного пролетариата.

Опираясь на это положение, на объективные тенденции, толкающие русский рабочий класс на путь непримиримой борьбы с контр-революцией, Р. С.-Д. Р. П. должна сознать, что то дело, которое она призвана делать в рабочей среде диаметрально противоположно делу сторонников «открытой рабочей (?) партии». Первую с последней объединяет лишь то, что обе они хотят работать в одной и той же, рабочей, среде. Но нетрудно заметить, что именно это, как бы объединяющее их, обстоятельство должно только во много раз усилить их разделение.

Задача текущего момента для Р. С.-Д. Р. П. в том, чтобы недопустить возникновения в рабочей среде рядом с собой партии порвавших с революцией легалистов.

Выполняя эту задачу, она, идейно и организационно размежевавшись с последними, вновь соберет под свои боевые знамена массы, которых никакая контр-революция не сумеет отучить от верности этим славным знаменам.

6. Две партии.

Преступление, допускаемое Р. С.-Д. Р. П., заключается в том, что последняя до сих пор не собралась сказать прямо рабочему классу то, что есть, что всеми сознается, что определяет всю внутри-партийную жизнь, сознанием чего проникнуты все легальные и нелегальные органы русского марксизма, именно того, что сейчас в России *две партии* пользуются одним именем и, по внешности, одной программой. Этой ошибки не делают г.г. легалисты из «Нашей Зари» и «Возрождения»: они совершенно ясно говорят о создании своей, новой, открытой партии. После всего предыдущего достаточно нескольких цитат.

> «Нас обвиняют в том, что мы «ставим крест над партией». «О какой «партии» идет речь? — писало «Возрождение». Одно дело данная, конкретная, сложившаяся годами организация, над которой «ставят крест», видя, что она отжила свое, разрушилась и своими развалинами только мешает возведению нового здания. . . И те, кого именуют ликвидаторами, не отрицая (!) исторической необходимости тех форм, в которых до сих пор развивалась партия, . . . решаются сомневаться в целесообразности стремлений строить из сгнивших обломков новое здание, призванное служить новым, значительно изменившимся потребностям» [1].

Или, еще яснее.

> «. . .Жизненной его (рабочего класса?) задачей является создание открытой рабочей партии. Вне этой задачи и помимо нее всякое партийное строительство обречено на неудачу. . . Все приложится и приложится без особых затруднений, лишь только все активные соц.-дем. силы безоговорочно порвут с иллюзиями о возможности «восстановить» отжившее и направятся в легальное движение. Вред этих иллюзий. . . в том, что они отвлекают силы от единственно производительной и целесообразной при данных условиях работы». . . [2].

Далее.

> «Многие думают, что стоит только восстановить «иерархию» и все пойдет, как по маслу, что достаточно «сочетать» «элементы старого с новым или перевести «иерархию» через Вержболово, чтобы «музыка пошла уже не та», чтобы «заплясали лес и горы». Сторонники этого взгляда не понимают, что реставрация «иерархии», — если бы она даже и была воз-

[1]) «Возрождение», 1910, № 9 — 10, стр. 15.
[2]) Ib., № 11, стр. 32 — 33.

можной, — оказалась бы совершенно бесплодной: мертвое стало бы хватать живое»... [1]).

Еще.

«Задача эта (превращение в классовую партию) может теперь быть выполнена только самодеятельным пролетариатом, развивающимся на открытой арене политической деятельности, хотя бы даже такой, какая возможна в современной России» [2]).

Еще подробнее.

«На какой же почве может сложиться эта политическая рабочая партия будущего? . . Участие в выборах может стать исходным пунктом для возрождения или, вернее, рождения рабочей партии в России. Все частичные проявления политической деятельности лишь подготовляют элементы политической партии, но еще не создают ее. Все достигаемые в процессе различных частичных выступлений, результаты и накопляемые элементы найдут, себе применение, завершение и организационное закрепление в момент выборов» [3]).

Кажется все это в целом дает достаточно ясную картину. Но как бы для того, чтобы сделать ее еще рельефнее, «Наша Заря» еще раз поставила оба кардинальных вопроса: об отношении к старой партии и взаимоотношении легальной и нелегальной деятельности в новой организации, и дала на них недвусмысленный ответ.

«Нет спора,—писала «Наша Заря»,—было бы экономнее и, в интересах марксизма, целесообразнее, если бы переход от одной формы (от Р. С.-Д. Р. П. к открытой партии легалистов Ю. К.) был безболезненнее, происходил посредством постепенного внутреннего преобразования партии».

Но, как мы уже знаем, шансы этого безболезненного перехода старой партией совершенно утеряны, и г.г. ликвидаторам остается путь прямого разрыва. На этот именно путь и стали они. С другой стороны столь же «безоговорочный разрыв» проповедуется ими в отношении к нелегальному движению.

«Нам скажут, пишет «Наша Заря», что, *рекомендуя ограничиваться тем, что разрешает закон,* мы готовы преклониться перед законностью, как преклоняемся перед стихийностью». . .

Безоговорочно порвать с подпольем и всем уйти в легальное движение, проповедует «Возрождение», «только там» искать элементов будущей партии, приглашает «Жизнь» устами г. Мар-

---

[1]) «Наша Заря», 1910, № 7, стр. 97.
[2]) «Наша Заря», 1910, № 7, стр. 78.
[3]) «Наша Заря», 1910, № 11—12, стр. 68.

това, «ограничиваться тем, что разрешает закон», рекомендует «Наша Заря». . . Нельзя быть яснее [1]).

И нельзя яснее сказать, что рядом с Р. С.-Д. Р. П. и, покуда отчасти прикрываясь еще ее знаменем, создалась и создается новая, не социал-демократическая организация.

С своей стороны партия не успела еще в *организационной* области закрепить формально тот «безоговорочный разрыв», к которому призывают органы г.г. легалистов. Ее Ц. К. лишь полтора года тому назад в последний раз имел возможность высказаться по поводу новой организации. Но, не успев, как мы сказали, сделать организационного вывода из опыта последних лет, партия с самого начала зарождения нового течения пристально следила за ним и в ее постановлениях можно проследить постепенный рост ее решительного разрыва с партией легалистов.

Уже на декабрьской конференции (1908 г.) принимается, цитированная уже нами выше, резолюция, признающая необходимой «самую решительную идейную и организационную борьбу» с попытками «заменить Р. С.-Д. Р. П. бесформенным объединением в пределах легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии». . .

В мае следующего (1909) совещание большевиков (расширенная ред. «Пролетария)» следующим, исчерпывающим, можно ска-

---

[1]) Но как же, скажут нам, ведь вот издается сторонниками открытой рабочей (?) партии нелегальный орган, «Голос С.-Д.», более того, на страницах этого органа не раз и не два можно встретить признание необходимости нелегальной организации. — Велика человеческая наивность! Иной любитель мира, встретив в «Голосе С.-Д.» слово «нелегальная организация» без эпитетов, употребляющихся по этому поводу в «России», готов кричать всему миру об «исправлении», «повороте» и пр.

Обращаем внимание этих товарищей — 1) на то, что сказано нами выше о признании подпольных технических приемов даже кадетской партией, и — 2) на то, какую роль отводят нелегальной организации г.г. из «Голоса», «Зари» и т. д.

Ничего не может быть определеннее и характернее того, что сказал по этому поводу г. Дан.

«*Нелегальное* сплочение, как необходимое орудие в борьбе за *легальность*», писал этот публицист, повторяя формулу покойного «Освобождения», то же, как известно, боровшегося путем нелегального органа за «законность».

Эту точку зрения на роль нелегальной организации лишь развил г. Стива Нович, говорящий о «специалистах», «группах партийных инструкторов и саперов», обслуживающих открытое рабочее движение.

Этакого рода признание «подполья» есть, конечно, нечто иное, как платформа объединения с г-ом Прокоповичем, который, конечно, ничего не имеет против того, чтобы иметь в своем распоряжении «специалистов», тренированных на том, чтобы проникать туда, куда ему самому мешает проникать «законность». Чтобы отрицать «подполье» даже в этом виде, надо доработаться уже до октябристских взглядов.

зать, образом определяет характер и роль той новой организации, к которой стремились и которую строят г.г. независимцы:

«. . .Определились вполне те бывшие попутчики соц.-дем., которые, уходя от партии, перенесли свою деятельность целиком в различные легальные организации (кооперативы, профес. союзы, просв. общества, комиссии при думской фракции) и там не только не проводили партийной политики, но наоборот, боролись с партией, стремясь оторвать от нее и противопоставить ей эти организации. Возводя легальность в фетиш и узкие формы деятельности, навязанные временной приниженностью и раздробленностью рабочего движения, в принцип, эти элементы — откровенные ликвидаторы партии — с полной для всех очевидностью стали на почву теоретического и тактического ревизионизма. Теснейшая связь между ликвидаторством организационным — борьба с партийными учреждениями — и принципиальной борьбой против марксистской теории и основ программы Р. С.-Д. Р. П. с полной ясностью теперь показана и доказана всей историей навязывания оппортунистической линии нашей думской фракции ее интеллигентскими советчиками, всей борьбой между ликвидаторами и партийцами внутри легальных рабочих организаций и в рабочих группах 4-х съездов — народных университетов, кооперативного, женского, фабрично-зав. врачей».

А рядом с этим большевистское совещание констатирует, что

«в меньшевистском лагере партии, при полном пленении официального органа фракции, «Г. С.-Д.», меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности (письмо «выборгских» м-ков в С.-П.Б., раскол м-ков в Москве, раскол в ред. «Г. С.-Д.», соответственное разделение в Бунде и т. п.),»

и делает из этого тот, определяющий всю внутри-партийную политику большевиков вывод, что

«при таких обстоятельствах задачей большевиков, которые останутся сплоченным авангардом партии, является не только продолжение борьбы с ликвидарством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. Партии», т.-е. сближение с меньшевиками антиликвидаторами, партийцами.

Наконец в январе 1910 года Центральный Комитет партии дает точную характеристику деятельности независимцев-легалистов в единогласно принятой резолюции:

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как про-

явление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем. и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-соц.-дем. тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д. . . . . .

Неотъемлемым элементом с.-д. тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонений путем расширения и углубления соц.-дем. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонений».

Двум общественным группам, объявившим друг другу организационную и идейную борьбу, из которых одна признает другую проводником буржуазных влияний на пролетариат, а эта последняя отвечает на это призывом «безоговорочно порвать» с первой, кажется, нечего делать в одной организации.

Так на самом деле и есть. Мы утверждаем, что нет ни в России, на местах, ни заграницей ни одной организации, в которой были бы объединены в общей работе эти элементы, что ни одна организация — ни литературная, ни практическая — не имеет возможности сделать ни шагу вперед в работе, раз она построена на принципе объединения этих элементов [1]), что подобные организации до сих пор были *только* рассадниками склоки и грызни, а не работы. Мы утверждаем, что нам не назовут ни одной области работы — пропаганда, агитация, организация, думская деятельность, деятельность на открытой арене, — в которой мыслима, возможна была бы объединенная работа. И, наоборот, мы утверждаем, что жили, развивались, действительно работали лишь те организации, предприятия, группы, которые действовали на почве предварительного размежевания с врагами. Даже одной недостаточности этого размежевания или даже боязни в этом размежевании итти до конца было достаточно, чтобы в значительной степени обесплодить самое живое дело. Пример у всех на глазах.

Мы говорим о плачевной тактике *отмалчивания,* которую пыталась усвоить «Звезда» по поводу «петиционной кампании». Эта нерешительность в деле отмежевания от ликвидаторства, как и всегда, не только не смягчила действительного расхождения, на что, видимо, надеялась «Звезда», но привела как раз к обратным

---

[1]) Парижская «Рабочая Жизнь», конечно, не в счет. Ведь и сами ее редактора были, вероятно, смущены назойливыми лобзаниями Троцкого, объявившего это мертвенное (по организации, не по задачам) предприятие симптомом «европеизации» нашего движения... Чем не Тартюф?

результатам: к обострению полемики, и засорению принципиального вопроса склокой, в грязи которой так вольготно чувствуют себя полемисты «Дела Жизни» и «Нашей Зари». В вопросе о «петиции» эта несомненно марксистская газета, предпочитая одно время тактику «нейтральности», тактику отмалчивания, тактику, которую мы никогда не одобряли, допустила несомненный промах, тем более печальный, чем более серьезны ее несомненные уже заслуги перед русским марксизмом. Еще раз боязнь открытого размежевания привела к обострению склоки, хотя налицо было искреннее стремление *не* обострять вопроса.

Достаточно сравнить характер и плодотворность работы в самостоятельных коллегиях и органах той или другой партии с характером и плодотворностью работы в коллегиях и органах, построенных на принципе объединения, — в каких бы пропорциях ни брались сакраментальные цифры, — чтобы убедиться в этом.

Все это естественный результат сосуществования двух непримиримых *партий*. Только окончательная размежевка способна охранить *одну и другую* от засорения идейной борьбы посторонними элементами, только «безоговорочный разрыв» с.-д. с создателями новой *не*-с.-д. партии даст возможность каждому рабочему - социалисту разобраться в существе спора и произвести свой суд.

Фикция единства при таком положении, когда *ничего нигде ни в какой области совместными силами не делается, не может делаться,* может быть полезна только тем, кто свою измену партии находит еще выгодным покрывать знаменем партии, кому выгодно свою либеральную контрабанду нести в рабочую среду под флагом Р. С.-Д. Р. П.

Совершенно отмежевавшись от партии в своих легальных органах, не считаясь ни с чем, исходящим от партии, г.г. легалисты в полной мере пользуются фикцией единой Р. С.-Д. Р. П. тогда, когда это им нужно в каких-либо целях.

И Р. С.-Д. Р. П. совершает преступление, покрывая в той или другой форме, в меньшей или большей степени новую партию своим знаменем.

Р. С.-Д. Р. П. переживает такой момент, когда **отстранение ликвидаторов от работы партии есть первое условие плодотворности ее работ.** Совершается ли это отстранение «в строгих правилах искусства, по всем преданьям старины», «в перчатках или без оных», это не изменяет того, что отстранение всюду и везде является политически необходимым актом. Более того, это является простым требованием производительности работы.

Прямое доказательство правильности этого соображения в том, что более всего кричащие против «размежевания» сторонники новой организации, сами то построили свою работу всецело

на почве полного отделения своей работы от всех посторонних ей элементов.

Посмотрите, *как* работает новая организация и вы увидите, что она очень хорошо сознала, что «самостоятельность» от идейных противников, в данном случае от революционных марксистов, от Р. С.-Д. Р. П. есть первое условие производительности ее работы.

И когда построившая на подобном принципе свою работу организация требует, чтобы враждебная ей партия отказалась от принципа размежевания и терпела бы представителей своих врагов в качестве тормозов, — то, конечно, она знает, чего требует и к чему стремится: обессиление врага извнутри — прием вполне целесообразный.

Но было бы очень странно, еслибы Р. С.-Д. Р. П. исполняла эти требования. Она имеет право претендовать на такую же независимость своей работы от г.г. легалистов, какую они отвоевали для себя от Р. С.-Д. Р. П.

Рядом с Р. С.-Д. Р. П. и под ее, можно сказать, крылышком сложилась новая организация с своей программой (хотя бы еще и ненаписанной), с своей оценкой текущего момента (см. § «Обновленный строй, буржуазия и пролетариат»), с своей тактикой (см. § «Не гегемония, а классовая партия»), со своими методами и задачами работы (см. § «Легализм и борьба за легальность»), со своей психологией (см. гл. «Воинствующее ренегатство»), со своими органами, со своим собственным штабом работников всех видов оружия с явным, наконец, устремлением в сторону «безоговорочного разрыва» со старой организацией.

Для всего этого, для новой программы, для новых задач, для *нового* отношения к старой партии имеется достаточное основание в изменении психологии мелко-буржуазной интеллигенции в контр-революционную эпоху, в усиленных попытках буржуазии «приручить» пролетариат, в хотя бы мгновенном, но все же несомненном успехе «веховства» всех родов и оттенков... В затяжном характере контр-революции, в придавленности массового движения, в застойной политической атмосфере новая партия черпает свои силы и, — что не подлежит никакому сомнению, — к моменту выборов она попытается выступить, как оформленная сила.

С.-Д. фракция III Гос. Думы, как известно, обманула лучшие ожидания г.г. легалистов. Панегирический тон руководителей «Голоса» по отношению к фракции давно уже сменился тоном открытого недружелюбия, удерживаемого от перенесения и в эту область обычного тона г. Мартова, тона «Спасителей и упразднителей» лишь сознанием собственного бессилия, лишь опасением полного и немедленного краха. (Ср., напр., направленную против фракции ст. г. Мартова в № 4 «Нашей Зари» за 1911 г., на которую «Звезда» отвечала в № 24, или выходки против фракции в «Деле

Жизни», получившем отповедь в той же «Звезде». Обманутые ожидания ликвидаторов — вот что подсказывает эти выходки).

Причина в том, что в споре врагов Р. С.-Д. Р. П. с партией фракция, оставаясь меньшевистской по своим воззрениям, явно взяла сторону последней, сторону партии. Легалисты-независимцы, встречающие отпор в серьезнейшей, виднейшей и ответственнейшей группе, ведущей «легальную» работу, — это положение не может нравиться сторонникам «открытой партии». Оно сильно понимает их шансы. Оно оставляет их почти вовсе без шансов.

Естественно, что внимание их все больше должно направляться в сторону того, чтобы выборы в IV Думу и состав с.-д. фракции в ней не поставили их вновь перед подобным же положением. Естественно, что с выборами в IV Думу, «открытая партия» г.г. независимцев связывает очень много и по своему сильно готовится к ним.

Об этом свидетельствует и уже цитированная нами статья «Нашей Зари», обсуждающая вопрос о выборах именно в связи с «оформлением» и организационным закреплением ранее подготовленных элементов открытой рабочей (?) партии. Статья рассматривает грядущие выборы именно как «исходный пункт для рождения рабочей партии в России», как момент «завершения» строительства «новой» партии. Цитируемая статья не может рассматриваться просто как одно из многочисленных литературных упражнений г.г. легалистов. Нет! Это своего рода документ. Она ставит вопрос: «На какой же почве может сложиться политическая рабочая партия будущего?» — и отвечает недвусмысленно: мы постараемся ее «сложить» на почве разрыва со старой партией революционного марксизма путем *самостоятельного* участия легалистов в выборах в IV Думу, путем оформления в процессе выборов открытой легальной рабочей (?) партии. (Ср. «Наша Заря», 1910 г., № 11 — 12, ст. «На повороте»).

Не менее ясно говорят об организационных планах новой партии, связанных с грядущими выборами, и те, — немногие правда, — строки, имеющие *политическое* (а не только полицейское) значение, которые нашли себе место в брошюре г. Мартова.

Подписавший год тому назад постановления Ц. К. о борьбе с ликвидаторством, этот господин объясняет ныне, что подпись эта была вынуждена у него только тем, что тогда он не был уверен в сочувствии работников на местах плану создания новой организации против Р. С.-Д. Р. П. Редакция «Голос С.-Д.», — исповедуется ныне г. Мартов, — уже тогда, полтора года тому назад, пошла бы по пути «безоговорочного разрыва»,

> «еслиб мы могли быть уверены, что работники движения на местах сделают из факта разложения верховных органов пар-

тии вывод о *необходимости немедленно же приступить к образованию новой организации*» . . .[1]).

Теперь г. Мартов убедился в противоположном и, подгоняемый близостью выборов, апеллирует к «изменившемуся положению дел»: теперь он уверен, что

«в настоящее время на-лицо имеется уже достаточно элементов, способных сделать неизбежный вывод из той картины распада и разложения, которую мы даем ниже»[2]).

Как видим, теперь-то, с открытием избирательной кампании г. Мартов считает уже невозможным медлить, считает, что «время приспело» и настоятельно призывает к делу «новой организации» те элементы, неподготовленность которых к расколу с Р. С.-Д. Р. П. заставляла его еще недавно итти с последней на компромиссы. И г. Мартов — по собственному его выражению — «рисует картину», которая призвана помочь ему мобилизировать вокруг знамени «новой организации» работников на местах.

Брошюра г. Мартова несомненно открывает избирательную кампанию в IV Думу, — и не только тем, что заблаговременно собирает материал для борьбы с нашими кандидатами для наших буржуазных и реакционных противников, — но, и главным образом, *тем, что дает избирательную платформу г.г. легалистам-независимцам против кандидатов партии революционного марксизма на предстоящих в 1912 году выборах.*

Правда, эта платформа написана так, как пишутся избирательные платформы самых беспринципных парламентских пройдох, добивающихся победы в сваре буржуазных и реакционных клик. Но это отнюдь не изменяет того обстоятельства, что самое ее появление в самом начале избирательной кампании, заключающийся в ней призыв к «работникам на местах» к «решительной организационной инициативе» в сторону немедленного создания «новой организации», что все это делает ее побудителем и, одновременно, орудием самостоятельного выступления легалистов-независимцев в предстоящей кампании против официальных кандидатов Р. С.-Д. Р. П.[3]).

---

[1]) «Спасители» etc., стр. 16. К слову «новой организации» г-н Мартов прикрепляет фиговый листок словами: «могущей поддержать преемственность партийного развития». Но мы знаем уже, что — по авторитетному разъяснению «Н. З.» — «преемственность» сия заключается в «безболезненном» перерождении Р. С.-Д. Р. П. в ликвидаторскую партию.

[2]) «Спасители» etc., стр. 12.

[3]) Г-н Мартов знает силу влияния этих пяти букв среди русских рабочих; он, поэтому, отнюдь не против того, чтобы выступление г.г. независимцев состоялось под этим знаменем. Он предлагает им, поэтому, сделать попытку «вырвать знамя» из рук «партийцев». Маневр не новый!.. Удастся ли он г. Мартову? Удастся ли людям, свою политику построившим на оплевании Р. С.-Д. Р. П., выступить перед рабочими под этим знаменем? — Не думаем.

Р. С.-Д. Р. П. — слаба. В избирательной кампании она поставлена в неблагоприятные условия не только сравнительно с буржуазными партиями, но и с партией г.г. легалистов. Ее единственный шанс заключается в чистоте ее принципиальной линии и в преданности ей рабочих масс России. Ее настоятельнейшей задачей, условием ее победы является поэтому, — поставить уже теперь перед каждым рабочим вопрос во всей его широте, вопрос о *двух партиях,* сказать каждому рабочему, что Р. С.-Д. Р. П. не имеет ничего общего с партией столыпинской легальности, с «борцами за легальность», с проповедниками «вползания», с теми, кто зовет рабочих бросить думать о революции, о гегемонии.

Р. С.-Д. Р. П. должна сказать рабочим, что она попрежнему партия революции, партия безоговорочной борьбы с контр-революцией, партия «всемерного и всецелого» отрицания современного режима, партия революционного марксизма, отвергающего оппортунистический легализм и политику «частных уступок».

Партия должна выступить перед рабочими, лишь «вчистую» рассчитавшись с г.г. легалистами: только тогда она исполнит свой долг перед будущим рабочего движения и только тогда ей попрежнему будет обеспечено сочувствие революционного пролетариата России.

Между партией революционного пролетариата и партией легалистов — *нужно выбирать.* Всякий кружок, всякая группа Р. С.-Д. Р. П. должны сказать это рабочим и провести это в жизнь.

Мы знаем, что есть люди, которые, признавая необходимой борьбу с ликвидаторством, восстают против полного рамежевания и продолжают (даже теперь!) говорить о «примирении» или о «соглашении». И к таким людям принадлежат не только «верные слуги» Троцкого, которого уже немногие берут всерьез. Примиренцы и соглашатели делают глубокую ошибку: $1^1/_2$ года доказали *на деле,* что *никаких* обязательств легалисты *не выполняют.* Как же можно говорить о соглашениях с людьми, не выполняющими никаких обязательств? Не смешно ли говорить о соглашении, когда говорящий не может указать *ни* условий соглашений, *ни* средств обеспечить исполнение каких бы то ни было условий?

7. Ликвидаторство и ревизионизм.

Условия русского рабочего движения таковы, что хотя бы *словесная* преданность ортодоксальному марксизму до сих пор остается необходимым элементом всякой группы, апеллирующей к рабочим. Сознание этого обстоятельства накладывает специальный отпечаток и на физиономию нашей новой партии. Впрочем в пользу этого действуют еще два обстоятельства: во-первых, происхождение лидеров этой партии из рядов интеллигенции, в свое время отброшенной к *революционному* марксизму революционным

характером момента и сногсшибательной быстротой происшедшей у всех на глазах эволюции русских ревизионистов в либералов; во-вторых, пример полной изолированности от масс откровенных бернштейнианцев в России. Пример, который хоть у кого отобьет охоту щеголять в неприкрыто-ревизионистском виде.

Не даром, ведь, г-н Потресов до сих пор козыряет «непримиримым Интернационалом», ни кого уже, впрочем, не будучи в состоянии ввести в обман, на который рассчитана эта фальшивая карта [1]).

Но, в конце концов, логика положения всегда сильнее субъективных настроений и «уроков» истории. Долгое время лидеры нашего ликвидаторства представляли образчик типичного оппортунизма на русской почве, прикрытого внешним ортодоксализмом. Неизбежная при этом двойная бухгалтерия яснее всего сказывалась в том, что, будучи оппортунистами в русских делах, эти господа всеми силами стремились «родными счесться» с вождями революционного марксизма на Западе.

Но долго это положение продержаться не могло. Система прикрывания ортодоксальными словами и словечками своей оппортунистической сущности должна была прорваться, и сразу прорвалась по нескольким пунктам. Все явственнее и явственнее ликвидаторство отдает свои симпатии и на Западе «практицизму» и «умеренности» оппортунизма перед «догматичностью», «прямолинейностью» и «узостью» революционного марксизма. На Западе, в практике западного движения новая партия, естественно, должна искать подтверждения и оправдания *своего* образа действий; естественно, что она находит их в деятельности и в теориях реформистов, естественно, что она неизбежно при этом враждебно сталкивается с революционными, ортодоксальными марксистами.

Ликвидаторство, теперь уже и в области теории, и в области своего отношения к рабочему движению на Западе все яснее окрашивается в цвет беспримесного ревизионизма и реформизма. Двойная бухгалтерия, прикрывание российского оппортунизма ортодоксальными фразами и подчеркнутыми симпатиями к левому крылу Интернационала, оказалось, как и следовало ожидать, не под силу ликвидаторам. В области оценки различных тенденций западно-европейского рабочего движения это особенно ясно. И, так как мы не можем здесь входить в подробности, мы ограничимся покуда лишь несколькими примерами из этой области.

---

[1]) «И кого, г. Потресов, вы своею «непримиримостью» провести хотите? Ни Ленина, ни Плеханова вы не провели. Отлично знаю и я цену вашей «непримиримости». Не знаем, действительно ли знает «Русская Мысль», которой принадлежит эта оценка козыря г. Потресова, цену непримиримости последняго, но что козырь этот не способен уже никого «провести» это-то — факт.

а) Г-н Мартов и К. Каутский.

Корней современных идейных расхождений между русскими марксистами и их противниками, как мы уже неоднократно указывали, следует искать в русской революции, в различном отношении к последней со стороны различных групп и направлений. Так и здесь. Корней все более явственного разрыва с ортодоксальным западно-европейским марксизмом наших современных ликвидаторов надо искать в той позиции, которую по отношению к русской революции заняли такие виднейшие и авторитетнейшие в русских делах представители левого, ортодоксально-марксистского крыла Интернационала, как Карл Каутский и Роза Люксембург. Позиция этих деятелей резко разошлась с тактикой меньшевизма. Эта позиция всего больнее била, конечно, тех из представителей последнего, в которых давно уже лежали те «добрые задатки», которые привели их в скором времени в лоно ликвидаторства. Разрыв с ортодоксальным марксизмом, наметившийся уже в предшествовавшую эпоху, теперь — в эпоху ликвидаторства — вырисовался вполне определенно. И здесь роль первой скрипки пришлось сыграть г-ну Мартову. Еще в 1907 году своей статьей, направленной против оценки русской революции, данной Каутским, он показал, что его понимание марксизма сильно расходится с пониманием Каутского. Уже тогда только «международная вежливость» могла помешать г. Мартову приложить к Каутскому всю ту сумму более или менее одиозных эпитетов, которые на его языке свидетельствуют отступление большевиков (и Каутского) от марксизма.

С тех пор Каутский не изменился, но г. Мартов значительно подвинулся вперед, и теперь он уже не стесняется характеризовать *себя* тем, что считает воззрения Каутского *синдикалистскими*.

Это заявление г. Мартова тем более характерно, что оно базируется на расхождении Мартова с Каутским по некоторым основным вопросам марксистской политики.

Споря с Каутским, г. Мартов пишет:

> «Мы видим, что германская социал-демократия впервые после 40 лет получила известные основания рассчитывать на такое прогрессивное движение демократической буржуазии, которое позволяет ей пробить некоторые бреши в твердыне прусско-германского абсолютизма... Прямолинейное представление об «изоляции пролетариата» (которое-де развивает Каутский в «Neue Zeit». Ю. К.), должно было бы вести к *синдикалистским* выводам о конечном пункте рабочего движения, а не к тем, которые принимает Каутский и, вообще «ортодоксы». Нетрудно было бы в творениях синдикалистских теоретиков найти этому подтверждение [1]).

[1]) Сб. «Вершины», СПБ., 1909, стр. 306, курсив г. Мартова.

Читатель видит, что г. Мартов предъявляет к Каутскому то же обвинение в политике «изолирования пролетариата» в германских условиях, которое им неоднократно предъявлялось к русским революционным социал-демократам применительно к условиям русским. Приятно быть посаженным на скамью подсудимых по тому же пункту, по которому обвиняется Каутский. Особенно это приятно тогда, когда читая обвинительный акт видишь, что он представляет собой нечто иное, как рабское повторение общих мест оппортунизма.

Чем вызвано обвинение Каутского Мартовым в «прямолинейном представлении», которое «должно было бы вести к синдикалистским выводам»? Как видно из вышеприведенных слов г. Мартова, тем, что Каутский, на его взгляд, недооценивает «прогрессивного движения демократической буржуазии». Какой знакомый мотив! И давно знакомый не только нам, большевикам, но и всей революционной социал-демократии. Ибо, ведь, «реформистское» движение зародилось, шло и идет именно под знаменем протеста против недостаточной оценки революционными социал-демократами значения «прогрессивного движения демократической буржуазии», протеста против т. н. «изоляции пролетариата». Реформизм многообразен и захватывает целый ряд областей, но его *политическим* выражением всегда являлись попытки наладить с «демократической буржуазией» другие отношения, чем те, которых держится революционная социал-демократия, социал-демократическая «Гора». Доказательства этому приносит каждый день каждое выступление ревизионистов.

Г-н Мартов выступает против Каутского как раз в том пункте, который является постоянным центром обстрела для всего международного оппортунизма, размежевывается с Каутским как раз по той линии, которая на деле, на практике является основной линией размежевания революционной и оппортунистической политики. Он поддерживает ревизионистов против «ортодоксов» как раз в том основном пункте (отношение к «демократической буржуазии»), по отношению к которому вся дальнейшая оппортунистическая *тактика* является лишь неизбежным логическим выводом.

Г-н Мартов осторожен. Поэтому, выступая вполне в стиле оппортунистов против «синдикализма» и «прямолинейности» Каутского, г. Мартов ссылается на . . . «Коммунистический Манифест». Поэтому же, он лишь очень осторожненько следует за ревизионизмом в его конечных практических выводах. Но эта предусмотрительная осторожность в защите тактических выступлений ревизионистов отнюдь не спасет его от того, чтобы всякий удар марксистов по ревизионистам оставлял явственные следы на *его* боках.

Тому наглядный пример уже цитированная нами статья г. Мартова в «Вершинах». В своей большей части она посвящена обсу-

ждению дебатов на Нюренбергском партейтаге по поводу голосования бюджета. Все рассуждения г. Мартова по существу этого вопроса направлены к тому, чтобы показать, что голосование бюджета — есть тактический прием, что голосование с.-д. *за* бюджет допустимо раз есть налицо «*деловые* основания». Осторожно, но достаточно ясно дает здесь понять г. Мартов, что всякая попытка отвергнуть голосование за бюджет по *принципиальным* основаниям не может выдержать критики. Он считает, что «ортодоксы» не опровергли и не могли опровергнуть «серьезной критики» Нюренбергской резолюции, которая, как известно, подчеркивает, что по *принципиальным* соображениям с.-д. обязаны голосовать против бюджета, критики со стороны оппортуниста Кейля, настаивавшего на том, что систематическое голосование с.-д. *против* «напоминало бы поведение быка, попавшего в посудную лавку». Смысл его намеренно-путающих вопрос рассуждений, однако, недвусмыслен: он считает Нюренбергскую резолюцию слишком *суживающей* возможность голосования с.-д. за бюджет, а самое голосование *за* — приемом совершенно допустимым, раз для этого есть достаточные так-наз. «*деловые*» соображения. (Ib. стр. 292 passim.).

Этим г. Мартов предвосхитил всю аргументацию, которую через год развернули германские оппортунисты в защиту поведения баденцев. Революционные социал-демократы, во главе с Бебелем, оказались на другом полюсе; в повторных голосованиях за бюджет они увидели именно нарушение *принципа* и принципа настолько серьезного, что не остановились перед угрозой исключения из партии нарушителей его.

Товарищи, голосовавшие за бюджет, — говорил в Магдебурге Бебель в своей классической речи — «приводят в защиту своего поведения целый ряд соображений [1]). *Но если даже привести в десять раз больше соображений, которые все были бы столь же основательны,* сколь не основательными я считаю приводимые ими, то в этом случае поведение баденских товарищей все же было бы неправильно». Почему? Потому что голосование бюджета есть вопрос принципа, отвечал Бебель.

Вы видите, что Бебель придерживается в вопросе о «деловых» соображениях и принципах при голосовании бюджета взглядов, которые диаметрально противоположны взглядам «деловых» людей вроде г. Мартова. Но своей речью Бебель не только разрушил до основания все рассуждения г. Мартова, — конечно, Бебель имел дело не с ним, а лишь с его нынешними учителями, — насчет «деловых» оснований для одобрения бюджета соц.-демократами, насчет неопровержимости Фольмара и Кейля, насчет «быка

[1]) Дело идет как раз о тех так наз. «деловых» соображениях, которыми г. Мартов готов оправдать голосование за бюджет.

в посудной лавке»; своей речью и своей резолюцией Бебель еще более 'сузил «узкую» — на взгляд Франка, Кольба и Мартова Нюренбергскую резолюцию.

Что оставалось делать г. Мартову? — Промолчать! «Г. С.-Д., ни слова не проронил о Магдебургском партейтаге и о речи Бебеля, предоставив «Делу Жизни» по ближайшему же поводу реабилитировать Мартова заявлением о том, что Бебель — «стар», а ревизионизм — представляет «здоровые чувства» масс. К этому мы сейчас вернемся, а покуда перейдем из Германии во Францию, от «синдикалиста» Каутского и «неделового», «прямолинейного» Бебеля к «эрвеисту» и «анархисту» Гэду.

б) «Голос С.-Д.» и Ж. Гэд.

Ни на минуту не затихающая борьба марксистов и оппортунистов во французской секции Интернационала за последнее время особенно широко развернулась в связи с вопросом об отношении к правительственному законопроекту о «рабочих пенсиях» (страхование от старости). В то время, как марксисты (вместе со Всеобщею Конфедерацией Труда) видели в этой «реформе» образчик буржуазного обмана рабочих и типичный продукт плутократического мошенничества за счет рабочих, Жорес прозрел в ней — «величайшую реформу века». Различная оценка вела к различной тактике социалистов: жоресисты настаивали на голосовании социалистов в парламенте за свою «величайшую реформу», гэдисты, — с которыми в данном случае сошлись представители профес. организаций, — настаивали на том, чтобы парламентская фракция решительно отказалась приложить свою руку к этому «мошенничеству». «Голос С.-Д.» занялся этим вопросом для того, чтобы... поддержать жоресистов.

В специальной статье (№ 19 - 20) «Голос» русского оппортунизма напал на гэдистов: гэдисты-де «не нашли правильной линии поведения», «объективно голосование против законопроекта (что отстаивали гэдисты) направляется против социализма», «гэдисты склонились к ошибочной тактике», гэдисты «солидаризировались с анархистами», пошли за «эрвеизмом». «Приходится голосовать за законопроект», поучал гэдистов «Голос», на деле принимая тактику Жореса.

Г-н Мартов, этот специалист по прикрыванию оппортунизма, набивший себе руку на маскировании оппортунизма на практике якобы-ортодоксальным глубоко... словием, немедленно же создавал, конечно, специальную теорию, долженствовавшую прикрыть следование жоресистской тактике расшаркиванием перед гэдизмом. Единым духом он дал формулу, оправдывающую весь «оппортунизм на практике».

«Будучи безусловно правы в принципиальном освещении вопроса, гэдисты не могли столь же безупречно-марксистски обосновать защищавшуюся ими тактику». (Голос С.-Д. № 21).

Иначе говоря: будучи безусловно правы в критике жоресизма, гэдисты на практике должны были бы принять тактику Жореса.

Мы знаем уже, что это отнюдь не единичный случай, не случайная нелепая формула, не ошибка *логики:* Нет, эта сама логика... практического оппортунизма. Конечно *принципиально* прав Гэд, но на практике надо следовать тактике Жореса. Конечно, в критике бюджета *принципиально* правы революционные марксисты, но их тактика отвержения бюджета... отнюдь «не безупречна», слишком «прямолинейна». Конечно, *принципиально* прав Каутский, но тактика Бернштейна на практике предпочтительнее. Конечно, *принципиально* г. Мартов революционный марксист, но на практике он— оппортунист. Принципиально он старается быть с Каутским, Гэдом, Бебелем, практически он — с Бернштейном, Жоресом и Мауренбрехером.

в) «Дело Жизни» и А. Бебель.

Начиная избирательную кампанию в новый германский рейхстаг, Бебель произнес речь, в которой, как, конечно, и следовало ожидать, развил основные положения тактики революционной социал-демократии. В своей речи Бебель сказал: «4 миллиона голосов и 50 мандатов, по моему, лучше, чем 3 миллиона голосов и 100 мандатов». Это значит: мобилизация масс под знаменами соц-дем. и тогда, когда она не приводит непосредственно к росту мандатов, важнее для соц.-дем., чем рост мандатов помощью соглашений с буржуазными партиями. «Дело Жизни» сочло нужным выступить против этой речи. Передав ее содержание, оно писало:

«Эта классическая точка зрения немецк. с.-д. хорошо известна русским читателям. И никто, конечно, не станет спорить (с ней) . . . Но с другой стороны, и увеличение числа мандатов не безразлично... Бывают моменты, когда именно эта сторона дела естественно становится центром жизни партии. Как бы ни утешал Бебель указанием на прочные успехи партии в росте числа голосов, сейчас одна эта сторона дела уже не удовлетворяет, сейчас дело идет именно о мандатах... бой идет именно за мандаты».

Но, ведь, именно, эту точку зрения против Бебеля и развивают немецкие оппортунисты.

Ведь автор сейчас цитированных строк только повторил то, что в «Socialistische Monatshefte» по поводу той же речи Бебеля писал известный оппортунист Мауренбрехер. «Наша политическая мощь — писал последний — представляет ровно такую же величину, как наше влияние в парламенте. А наше влияние в пар-

ламенте основано не на количестве поданных за нас голосов, а единственно и исключительно на числе депутатских мест. Поэтому 3 миллиона голосов и 100 мандатов представляют собою большую активную силу, нежели 4 миллиона голосов с безнадежным меньшинством в 50 мандатов». Ведь именно, по поводу людей, рассуждающих подобным образом и у которых «Дело Жизни» заимствует свою тактическую мудрость, еще на Магдебургском партейтаге тот же Бебель говорил: «мы имеем в своих рядах много таких национал-либералов, которые ведут чисто национал-либеральную политику, которые хотят вести партию в национал-либеральный лагерь, к братскому союзу с той самой партией, с которой мы несколько десятилетий боремся на жизнь и смерть... Мы должны их выгнать, они не должны оставаться в партии!»

Эти слова Бебеля очень мало понравились нашим с.-д-тическим национал-либералам («октябристам», по русски) и они не преминули при первом же случае объявить Бебеля «устаревшим», а ревизионистов представителями «здорового чувства самой массы». Принимая сторону Мауренбрехера в его походе против взглядов Бебеля, «Дело Жизни» не считало нужным скрыть, что оно сознательно становится на сторону ревизионистов.

> «*Как бы ни относиться к ревизионизму вообще, — продолжает цитируемая статья,—нельзя не признать, что в основе этого устремления в сторону реализации* (непосредственных, материальных успехов) *лежит здоровое психологическое чувство самой массы избирателей*».

Это ничего, конечно, что в порыве своей войны с Бебелем «Дело Жизни» уступило ревизионистам право представительства германских пролетарских масс.

Суть в том, что перед нами опять типичный образчик оппортунистического выступления, живая иллюстрация родства душ наших ликвидаторов с реформизмом. Конечно, Бебель *принципиально* прав и «спорить с классической точкой зрения немецкой соц.-дем. никто не будет», но... с другой стороны, Бебель «стар», у «партии в целом, у ее молодых деятелей несколько иная психология», в ревизионизме есть «здоровое чувство».

Но раз так, то, конечно, тактика устаревшего Бебеля должна уступить место «здоровому чувству» «молодых» ревизионистов с их «деловыми» соображениями, с их практикой соглашений, с их «национал-либеральной» политикой...

Покуда этого достаточно. Вряд ли можно сомневаться в том, к каким элементам современного западно-европейского рабочего движения тянется наша новая партия. Туда ей, впрочем, и дорога. Пожелаем ей лишь побольше идейного мужества, столь выгодно, несмотря ни на что, отличающего автора статьи в «Деле Жизни» от претенциозного-фальсификатора, г. Мартова.

Борьба внутри Р. С.-Д. Р. П.

III. Идейное размежевание в Р. С.-Д. Р. П.

1. Идейное размежевание и организационные уступки на пленуме.

Нам остается остановиться на положении дел внутри Р. С.-Д. Р. П., положении, обусловленном необходимостью вести решительную борьбу с новой партией. Главнейшим этапом в жизни партии за последнее время явился пленум Ц. К., заседавший в январе 1910 г. На долю этого необычного заседания Ц. К. выпала трудная задача ориентировать партию в новых условиях ее существования.

Политически задача, стоявшая перед Ц. К., заключалась в том, чтобы определить методы работы революционной соц.-дем. в новых, своеобразных условиях, на новом этапе русской общественности и выделить из числа наличных групп, выработанных всей предшествующей историей соц.-дем. в России, элементы, готовые проводить в жизнь новые тактические задачи Р. С.-Д. Р. П.

Ответ на первый вопрос был дан Ц. К. совершенно определенный и именно этот ответ делает его решения важным и прогрессивным моментом в жизни соц.-дем. за последние годы. Вполне в духе решений большевистского совещания 1909 г. Ц. К. сказал: условия политической действительности требуют возрождения нелегальной Р. С.-Д. Р. П. с ее революционной программой и методами действия. Но те же условия требуют усиленного внимания к легальным «возможностям», работы по превращению этих возможностей в «опорные пункты» с.-д. работы. С.-д. работа, поэтому, равно далека и равно враждебна и «отрицанию нелегальной с.-д. партии, принижению ее роли и значения, попыткам укоротить программные и тактические лозунги революционной соц.-дем.» и «отрицанию думской работы с.-д., отрицанию использования легальных возможностей, непониманию важности того и другого». «Неотъемлемым элементом» с.-д. тактики является борьба против этих уклонений, против этих «проявлений буржуазного влияния

на пролетариат». Только на этой почве возможно и, след., нужно объединение всех партийных элементов.

Таков был принципиальный ответ Ц. К.

Выдвинутая еще большевистским совещанием и поддержанная выступлением т. Плеханова, принципиальная линия, нашедшая свое выражение в резолюциях пленума, указывала на то, что и большевики и меньшевики-партийцы правильно учли особые задачи современного положения, трезво сознали специфические особенности момента, требовавшие сближения сильно расходившихся в прошлом и расходящихся и в настоящем тактических направлений в русской соц.-дем.—большевизма и меньшевизма,—*поскольку и тот и другой сознавал необходимость борьбы за основы марксизма и соц.-дем. политики против отзовизма и ликвидаторства, поскольку оба эти течения хотят защищать принципы революции и гегемонии пролетариата в атмосфере веховщины и легализма.* В этом крылось действительное политическое основание сближения, только на этой почве могло оно осуществиться. С 1905—6 г. до «большевистского совещания» и пленума лозунг сближения б-ков и м-ков не выставлялся ни теми ни другими. Всегда до этого совещания лозунг сближения этих течений был или пустяковиннейшим благопожеланием, вызываемым непониманием политического положения, или заведомо-недобросовестным приемом дискредитирования обоих борющихся течений со стороны беспринципных карьеристов объединения, из объединения создавших себе профессию. Нужны были особые условия, чтобы лозунг объединения мог получить реальное политическое значение и действенную силу. Эти условия заключались в том, чтобы большевизм и меньшевизм отмежевались от не-социал-демократических тенденций в своей среде. *Действительным условием сближения меньшевизма и большевизма, действительным условием единства партии было и остается их предварительное размежевание с отзовизмом и ликвидаторством. К единству мы шли и идем через размежевание*; через размежевание между ликвидаторами и партийцами, большевиками и отзовистами. Чем яснее это размежевание, это *отодвигание от партии* не-социал-демократических групп, тем ближе мы к действительному сближению основных течений. Можно смело сказать, а теперь уж и показать на фактах, что всякий шаг в направлении к разрыву с ликвидаторством и отзовизмом есть шаг в направлении к реализации того единства, о котором профессиональные маклера объединения болтают уже много лет, но которое осуществлять стали только большевики своим разрывом с отзовизмом и т. Плеханов в меру своего расхождения с голосовцами. Объединение, осуществляемое через ясное принципиальное размежевание, — эта идея оказалась слишком «пространной», чтобы ее могли вместить многочисленные «примирительных» дел мастера с их «марксизмом на вес». Она била в лицо всему их

методу мышления, всему их способу действия, всей их тактике беспринципного якобы объединительного маклерства.

Глубина *их* понимания процесса, ведущего к единству Р. С.-Д. Р. П., вполне сказалась в том, что они свое объединительное красноречие упражняли как раз против принципа «генерального межевания» революционных социал-демократов с не-революционными не-социал-демократами, который лежал в основе принципиальных решений пленума. Протест против принципиального «межевания» был и на пленуме, остался и после пленума реальным знаменем, платформой *маклеров* объединения, от Троцкого до Ионова. Орган Троцкого, «Правда» еще до пленума вполне показала, что лозунг идейного «межевания» является главным объектом ее борьбы. Все то, что прошло в партии под этим лозунгом — разрыв большевиков с отзовизмом, разрыв т. Плеханова с ликвидаторством — со стороны «Правды» встречало самое недвусмысленное неодобрение. Никакого принципиального межевания! — достаточно — хотя бы и беспринципного соглашения на основе того или другого дележа «местечек», на основе равноправия в партии всех претендующих на это течений и групп! — вот идея, которую старались провести на пленуме и Троцкий и Ионов. Для них в пленуме было ценно не то, что генеральное межевание — как никак — легло в основу его принципиальных решений, а то, что генеральное межевание на самом пленуме не пошло достаточно далеко, то, что лицемерие голосовцев и впередовцев, голосовавших за резолюции, осуждающие по существу «Голос» и впередовство, позволило им не только оставаться яко бы в пределах партийных элементов, но и доставило им руководящие посты в партии. Было поэтому вполне естественно, что после пленума, когда идейная борьба, принципиальная размежевка пошла дальше и глубже, глухая борьба против всякой принципиально-ясной размежевки, ведшаяся уже на пленуме маклерами объединения приняла еще более точные очертания. Тогда-то и сказалось, что в пленуме они ценили не его принципиальные решения, не отделение им линии с.-д. от линии буржуазных шатаний, от линии легализма, а именно «дележ» влияния и «местечек».

Но если для Троцкого недопустимым казалось генеральное межевание, если для него оно всецело подменялось и заменялось рядом взаимных организационных уступок, то для *всех* большевиков, присутствовавших на пленуме, было ясно, что какие бы то ни было организационные уступки возможны лишь на почве единства политической линии, т.-е. лишь на почве предварительного отмежевания с.-д. от не-социал-демократических (ликвидаторских и отзовистских) элементов. Суть дела для большевиков заключалась не в том, чтобы найти такую растяжимую формулу решения принципиальных вопросов, которая бы не «обижала», не «оскорбляла», не «задевала» той или другой группы, того или дру-

гого кружка, а в том, чтобы дать точное определение соц.-дем. политики *среди и вопреки* куче группок и кружков, претендующих на звание социал-демократических и по существу враждебных, чуждых социал-демократии. Сравнительно частным и неважным, вполне простым и естественным делом являлись организационные уступки *на почве, на основе* определенной политической линии, после принципиального принятия ее.

Но то, что все большевики стояли на почве признания необходимости принципиальной размежевки и как простое интриганство, как беспринципное маклерство отвергали организационное соглашение, которое не зиждилось бы на общей политической линии, не избавляло еще большевиков от споров о том, *где эту «межу» провести*. Разногласия среди большевиков по этому вопросу сводились к тому, что часть их отстаивала, как основу дальнейшей деятельности, союз двух фракций (большевиков и меньшевиков-партийцев), идейная солидарность которых успела уже сказаться до пленума, в то время, как другая часть, к которой принадлежал и автор этих строк и которая составляла большинство б-ков, присутствовавших на пленуме, значительно расширяла рамки соглашения введением в него и «Голоса» и Троцкого. Этим самым ставился вопрос: союз двух идейно-солидарных фракций или распущение всех фракций?

Мы (т.-е. группа большевиков, стоявшая за политику распущения фракций) сильно разошлись с товарищами по этому вопросу, и получили возможность воспользоваться собственным опытом для оценки сделанных пленумом уступок.

Объяснение для прошлого всегда легко почерпнуть в прошлой обстановке: однако, такие ретроспективные объяснения вряд ли могли бы кому-либо принести какую-либо пользу. Гораздо важнее подобных **объ**яснений те **разъ**яснения наших прошлых споров, которые предоставила в наше распоряжение последующая история полторагодичной борьбы в Р. С.-Д. Р. П. Этими полутора годами тогдашний спор уже решен. То, как он решился, не зависело от воли того или другого лица, той или другой группы. Вся совокупность политических условий действовала в сторону его решения в определенном смысле: он решался выступлениями Ц. Органа, но он решался также и выступлениями Троцкого в «Правде», Мартова и Дана в «Голосе», Потресова в «Нашей Заре», впередовцев во «Вперед», Плеханова в «Дневнике», решался М.-ом, Ю.-м и Р.-м, решался всей совокупностью литературных и политических выступлений различных групп, кружков и ячеек партии, которые за протекшие полтора года могли высказаться вполне и целиком. Весь этот материал теперь в нашем распоряжении и только на основе этих новых данных, выступивших после пленума, можно и должно решить вопрос о том, какая линия нашла себе воплощение в жизни, какая линия оказалась ближе к действительному

ходу борьбы Р. С.-Д. Р. П. против разлагающих влияний контрреволюционной эпохи.

Принципиальные решения пленума были вынесены в атмосфере решительных организационных уступок со стороны большевиков. Попытки «голосовцев» отвильнуть от принципиальных вопросов при помощи сплетен, клевет и всяческих намеков по поводу большевистской части пленума, их попытки создать атмосферу недоверия к принципиальным решениям партийных коллегий были пресечены с самого начала передачей большевиками на рассмотрение Ц. К. всех дел, эксплоатировавшихся голосовцами в своих целях.

Голосовцы после этого потеряли, казалось, возможность отвиливать от принципиальных вопросов, пугая публику призраком разных «дел». Они должны были отвечать прямо на прямо поставленные им вопросы. *И они голосовали за все решения пленума. Ц. К. включил их на этом основании в число тех элементов партии, которым может быть поручено проведение его решений в жизнь. Больше того. Ц. К. счел голосовцев, голосовавших за необходимость борьбы с отзовизмом и ликвидаторством, достаточными представителями партийного меньшевизма и ограничился введением их в центральные учреждения партии, оставив за пределами этих учреждений, воевавших с «Голосом» «плехановцев».* Это была основная ошибка пленума и тех большевиков, которые пошли на это. Пленум в своем большинстве доверился словам . . . и поплатился за это полуторагодичной склокой, тем, что превратил центральные учреждения в арену неисходной внутренней борьбы, обессилил их, сделал из них оружие торможения всякой с.-д. работы голосовцами, сторонниками и ставленниками враждебной с.-д. открытой партии легалистов-независимцев.

До поры до времени можно было строить различные предположения о мотивах подобного поведения голосовцев на пленуме. И я и ряд других товарищей-большевиков склонны были усматривать мотивы этого поведения в «примирительных» тенденциях ме-ков. Мы конечно, учитывали здесь давление плехановцев, но, казалось, что в поведении голосовцев, кроме вынужденного момента, можно было усматривать и «добрую волю», пробудившуюся «тягу к партии», искреннее желание ответить положительно на призыв большевиков к совместной работе. Увы, теперь нет сомнения в том, что все эти предположения были продиктованы не тем, что было в действительности; теперь то ясно, что все эти предположения были ошибочны.

Как и всегда, поведение ме-ков на пленуме было вызвано ничем иным, как политической необходимостью. Но эта политическая необходимость воплощалась для них только в недостаточности их сил для осуществления задуманного плана раскола и образования новой организации. Теперь об этом свидетельствует г. Мартов и мы не можем ему здесь не верить.

«Перед меньшевиками, явившимися на пленум, были два пути, — пишет г. Мартов «Спасители или упразднители», стр. 16), — и они ясно отдавали себе в этом отчет. Первый путь вел к политическому уничтожению группы лиц, стоявших официально во главе партии с 1907 г. Ряд тяжких преступлений, совершенных ими против партии, был вне сомнения... Еслиб дружественное Ленину и К° большинство пленума захотело просто пройти мимо этих фактов и отказаться сделать из них неизбежные выводы — устранить всю эту компанию из партийных центров и предать ее партийному суду — то меньшевикам — членам Ц. К. оставалось только огласить этот факт..., чтобы изолировать такой Ц. К. от всех социал-демократических элементов в России и сделать невозможной для него какую бы то ни было деятельность.

Мы бы и пошли по этому пути еслиб состояние с.-д. сил в России в тот момент позволяло рассчитывать на то, что крутой разрыв с Лениным и К° на ближайшее время обещает партии не только новую «склоку»..., еслиб мы могли быть уверены, что работники движения на местах сделают из факта разложения верховных органов партии вывод о необходимости немедленно же приступить к образованию новой организации... Но такой уверенности у нас не могло быть, поскольку русские практики... были слишком еще раздроблены для решительной организационной инициативы... При вышеуказанном отсутствии организованной поддержки в России и считаясь с явно-«примирительными» тенденциями той части м-ков, которые сочувственно отнеслись к выступлениям Плеханова, мы не считали себя вправе отвергнуть путь, предлагавшийся Бундом и т. Троцким» [1]).

Вот этого-то факта, что голосовцы шли на соглашение только в виду не полной готовности своей к расколу того, что это соглашение было для них лишь прикрытием для подготовки раскола, того, что они заключали соглашение только для того, чтоб его сорвать при первых же признаках оформления открытой партии легалистов-независимцев, — этого то не учитывала в достаточной мере наша политика, политика «распущения всех фракций».

Голосовцы решили «отсидеться» за стенами «соглашения» в ожидании «решительной организационной инициативы» легалистов-независимцев в России, в ожидании того момента, когда последние решат «взять на себя миссию образовать новую партийную организацию» [2]).

---

[1]) Л. Мартов. Спасители или упразднители? Стр. 16—17.

[2]) Ibid., стр. 10. И самая быстрота, с которой голосовцы пошли на срыв, объясняется тем, что выход «Нашей Зари» (сейчас после пленума) и решительность позиции М., Ю. и Р. показали голосовцам, что на пленуме

Вот это-то реальное политическое положение игнорировала политика «распущения всех фракций». Нас несомненно «обходили с тылу».

Перед лицом этого «ловкого» обходного движения голосовцев, подписывавших соглашение с надеждой его сорвать силами русских легалистов, «распущение всех фракций», т.-е. сближение с голосовцами было лишь ослаблением сил фракций готовых на борьбу.

Заслуга пленума заключалась в том, что он вслед за декабрьской конференцией оформил в качестве партийного решения новые методы работы Р. С.-Д. Р. П. (сочетание нелегальной организации с использованием легальных возможностей) и подчеркнул, что *единство партии есть единство партийных течений в борьбе с ликвидаторством и отзовизмом.*

Исторически роль пленума заключалась в том, что он дал возможность произвести *опыт:* опыт сотрудничества всех наличных фракций, всех, кто согласился подписаться под его принципиальными резолюциями.

Ошибка пленума — и наша, большевиков *примиренцев на пленуме* — заключалась в том, что на этот опыт он пошел без достаточных гарантий, что он поверил словам защитников ликвидаторства и отзовизма, что он расширил рамки соглашения и на людей, которые не скрывали своей вражды к партии ни накануне, ни сейчас же после пленума, но на самом пленуме проявили достаточно... гибкости, чтобы подписаться под направленными против них решениями. Ошибка была в том, что пленум поставил опыт соглашения так, что измена голосовцев, пошедших за М., Ю., Р. и Потресовым, оказалась способной затормозить почти всю работу партии.

Политика группы большевиков, к которой принадлежал и я, группы, проводившей идею «распущения всех фракций» в противовес политике «союза 2-х фракций», зиждилась на *неодооценке* ликвидаторства, как общественного течения, как силы руководящей гг. Мартовыми, а не руководимой тт. Мартовыми. Мы поверили словам присутствовавших на пленуме голосовцев [1]), не учтя того, что логика новой, складывавшейся в России партии должна была осилить компромиссы гг. Мартовых. Это показала вся дальнейшая борьба внутри партии. Она была обусловлена именно тем,

---

они руководствовались слишком «пессимистическим» представлением о готовности русских независимцев к расколу. Когда это для них выяснилось, отпал тот единственный аргумент, который вообще по словам г. Мартова заставил их итти на соглашение.

[1]) Очень большое значение имело в судьбах пленума то, что на нем совершенно отсутствовали т.т. меньшевики-партийцы. Тов. Х., присутствовавший на пленуме и фигурировавший на нем, хотя бы и отчасти, как «плехановец», на деле поддерживал голосовцев и после пленума и совсем ушел к ним. Суть была в том, что до пленума степень размежевания «плехановцев» и голосовцев далеко еще не определилась. Она выяснилась лишь *после* пленума.

что Мартовы и Троцкие капитулировали перед гг. Потресовыми и Левицкими.

Движимые желанием как можно шире раскрыть двери для всех желающих работать над восстановлением партии, готовые ради этого итти на целый ряд уступок (закрытие «Пролетария», распущение фракции, передача денег, отчасти уступки в резолюциях), мы рассчитывали без хозяина, не принимая в расчет того, что никакими уступками нельзя уже остановить идейного и организационного отделения независимцев-ликвидаторов от Р. С.-Д. Р. П. [1]).

А раз это было так, — а было и есть именно так — то летела в тартарары вся политика «распущения всех фракций». Перед лицом роста независимой от партии легалистской группы, перед фактом подчинения «Голоса» *ее* гегемонии, пропаганда «распущения всех фракций» становилась пустой фразой, на деле сводившейся лишь к ослаблению *партийных* фракций в их борьбе с фракциями и группами *антипартийными*. На своем собственном примере большевики, выступавшие как примиренцы на пленуме, должны были познать, что всякая недооценка ликвидаторства в нашу эпоху непосредственно оказывается полезной только ликвидаторству, только ослабляет партийные группы в их борьбе с ликвидаторством.

В этом смысле сама — теперь уж несомненная — неудача организационных попыток пленума и фиаско политики «распущения всех фракций», — иначе говоря, фиаско всего опыта наладить совместную работу партийных элементов с голосовцами и Троцким может сыграть добрую роль для тех, кто хочет чему-нибудь научиться. Нельзя придумать условий более подходящих, более благоприятных. чем условия для «объединения всех фракций», созданные пленумом. Никогда раньше таких условий не было: большевистская фракция распускалась, ее обособленное существование прекращалось, ее средства отдавались Ц. К., она закрывала свой литературный орган, внутри нее максимально-примирительное настроение возобладало. И несмотря на все это «объединение» неудалось, «распущения всех фракций» не вышло, фракции, *кроме большевистской,* не распустились, своих отдельных касс не уничтожили, своих фракционных органов не закрыли. «Опыт» не удался. Совместной работы на *анти-ликвидаторской и анти-отзовистской платформе* не вышло. А вышло лишь дальнейшее самоопределение и обособление ликвидаторской и анти-ликвидаторской платформ, дальнейшее оформление голосовской и впередовской *фракций.*

Почему? Потому что принципиальные разногласия были сильнее всех тех внешних условий, в которых, казалось, лежали при-

[1]) Все это относится, конечно, mutatis mutandis и ко впередовцам.

чины разделения и уничтожая которые надеялись уничтожить последнее. Сторонники «распущения всех фракций» на пленуме, мы надеялись, что устранив все внешнее, все детали, все склоки, все недоразумения, разрешив все претензии, мы даем возможность совместной работы для всех, кто готов был действительно работать на почве принципиальной линии партии. Увы, мы не знали тогда мотивов г. Мартова, того, что подписывая соглашение, он лишь ждал сигнала от Потресова, чтобы перейти к расколу, к созданию новой организации. Что же получилось? Когда все внешнее было устранено, все мелочи, все детали, вся склока отодвинуты, все претензии удовлетворены, тогда и стало ясно, что суть была не в этом; тогда то и выяснилось, что все это ни на каплю не пододвигает нас вперед, *ибо у нас нет единства в принципиальных вопросах,* ибо гг. Мартов и Дан нашли к тому времени в лице М., Ю. и Р., в лице «16», в лице Потресова «русских практиков, *готовых взять на себя миссию образовать новую партийную организацию*», готовых к «решительной организационной (читай: раскольной) инициативе», которой они только и ждали. А раз так, то уже только от времени и от идейной честности врагов зависело, когда все вырешенные уже, казалось, вопросы склоки будут опять выдвинуты на сцену.

За опыт наладить совместную работу с голосовцами и Троцким, расплата была жестока, и единственный положительный плод, который этот опыт может принести — в том, что пленум и его последствия окончательно разоблачили перед партией действительную позицию «Голоса» и действительную роль Троцкого, что они могли бы научить партию тому, что организационные уступки, то или другое распределение мест и т. д. и т. п. не могут ни на каплю задержать откола от партии ликвидаторов-голосовцев, раз для него есть достаточные принципиальные основы. Но чтобы извлечь этот урок надо было не бояться взглянуть прямо в глаза тому, что развернулось после пленума. А к этому то и оказались неспособны те, для кого ошибка пленума — казалась его заслугой. Маклеры объединения, вроде Троцкого и троцкистов, должны были сознательно закрыть глаза на весь процесс развернувшейся после пленума принципиальной борьбы между социал-демократией и партией «Голоса», Потресова, «Нашей Зари».

2. Разрыв соглашения после пленума. Совместная работа революционных марксистов или «сотрудничество данных лиц в данных учреждениях?» Н. Троцкий.

> «Человек, убежденный в том, что наша партия должна существовать в интересах дальнейшего развития пролетариата, не может, если он не лицемер, мирно ужиться с людьми, поднимающими на нее руку. Мне сдается, что это легко понять даже не очень умным публицистам».
> *Г. Плеханов. «Дн. С.-Д.» № 12.*

Ошибка, допущенная большевиками, сторонниками «распущения всех фракций», была скоро сознана. Жизнь, — г. Дан в «Голосе» [1]), г. Потресов *в появившейся уже после пленума* «Нашей Заре», М., Ю. и Р. позаботились о том, чтобы эта ошибка была исправлена... по крайней мере в сознании некоторых из нас.

Одновременно (в апреле 1910 г.) автор этих строк в Вене — отправившись туда, дабы реализовать совместную работу с Троцким — и тов. Иннокентиев — призванный реализовать совместную работу с голосовцами в практических центрах — высказываются за необходимость реформы центров. Я настаиваю перед редакцией «Правды» на необходимости открыто выступить против обманувших партию голосовцев — ликвидаторов и в защиту замены в центральных учреждениях агентов враждебных социал-демократии групп меньшевиками-партийцами. А тов. Иннокентиев выступает с решительным заявлением о недопущении к работе в центральных учреждениях партии людей, не решающихся решительно порвать с «Голосом», как органом ликвидаторов. Троцкий выступил решительно против «реформ». Представители Ц. К. в ред. «Правды» он обвинял именно за отстаивание «реформы» в попытке превратить «Правду» в «орган узко-фракционной борьбы в интересах больше-

---

[1]) О первой же статье последнего в первом же № «Гол. С.-Д.» после пленума меньшевики-партийцы писали: «Последний № «Голоса» (19 — 20), вышедший, так сказать, по случаю благополучного объединения, выражает «легалистские» тенденции журнала с такой яркостью, как ни один из №№ ранее объединения» (Д. Л. № 2, ст. т. Авдеева). По поводу того же *первого после пленума* № «Голос С.-Д.» меньшевики-партийцы из парижской группы в своей резолюции писали: «В № 19 — 20 этого органа бесспорно обозначается новый курс, между прочим в статье Дана: «Борьба за легальность», заменяющий с.-д. лозунги специфическим лозунгом, по меньшей мере двусмысленным, напоминающим, как две капли воды, лозунг «экономического периода». Ниццкие партийцы меньшевики по этому же поводу: — «в № 19—20 этого органа ликвидаторство нашло себе уже откровенное выражение в ряде статей» и т. д. (цитирую по сб. резолюций, изданному З. Б. Ц. К. в *апреле же* 1910 г.).

вистской фракции» [1]). На заседаниях редакции, в присутствии т. Иннокентиева — активно выступавшего на пленуме в пользу «распущения всех фракций» и столь же активно отстаивавшего теперь «реформу», т.-е. замену голосовцев плехановцами — Троцкий самым решительным образом отвергал необходимость открытого выступления против ликвидаторства, против «Голоса», против М., Ю. и Р., решительно выступал против реформы за данное распределение «мест», т.-е. за соглашение с ликвидаторством, несмотря ни на что. На этих заседаниях редакции уже стало ясно и мне и другому члену Ц. К., что наши пути, сближаясь с путями «непримиримых» большевиков, совершенно расходятся с путем Троцкого, явственно раскрывшим свои карты своей защитой соглашения «во что бы то ни стало» с ликвидаторами. Довольный большевиками-примиренцами в январе 10 г., он решительно высказывается против их политики в апреле 10 г. Почему? Потому что большевики решительно отказались поддерживать тактику организационных уступок голосовцам и впередовцам, раз выяснилось, что ни те, ни другие, не желают принимать всерьез той антиликвидаторской и анти-отзовистской принципиальной линии, на основе признания которой мы только и допускали организационное соглашение.

На собрании Венского Парт. клуба в апреле 1910 г., немедленно же после выступлений г.г. Потресова, М., Ю. и Р. я имел случай отстаивать следующие положения. Ценно и важно, — говорил я, — неизменно и останется несмотря ни на что непоколебленным в решениях Центрального Комитета его принципиальная линия, его определение пути с.-д. политики. Случайно, подлежит исправлениям, поправкам и пересмотрам то, правильно ли оценил Ц. К-т различные элементы, входящие в партию, правильно ли оказал он доверие некоторым из них. Правильна линия Ц. К., ошибочным явилось то, — и после выступления М., Ю. и Р. это не подлежит сомнению, — что он доверил провéдение этой линии голосовцам. Голосовцы должны быть заменены меньшевиками партийцами. Ликвидаторство же в партии должно быть выжжено каленым железом, добавил я, вызвав, конечно, со стороны Троцкого возвышенную, преисполненную «благородным» негодованием тираду о моей «фракционной ослепленности».

Но чем ответил Троцкий по существу дела? — Резолюцией, им предложенной, им отстаивавшейся, им проведенной, которая апеллировала к тому, что проведение принятых Ц. К. резолюций должно происходить «*в данных условиях, в сотрудничестве с данными лицами, группами и учреждениями*» (подчеркнуто в резолюции), и которая заявляла, что

---

[1]) Это за отстаивание-то замены Дана т. Плехановым в ред. Ц. О. «Пуганая ворона и куста боится»!

«всякую попытку, исходя из этих конфликтов (конфликт в ред. Ц. О., восстановление «Голоса», выступление М., Ю. и Р. и отповедь, данная им Ц. О. Ю. К.), свести на нет тактические или *организационные* результаты объединительных работ пленума, надлежит рассматривать как нарушение нравственно-политических обязательств, принятых на себя ответственными представителями фракций» (курсив наш) [1]).

Дело было ясное: аппелируя к нравственно-политическим обязательствам», Троцкий на деле отстаивал «сотрудничество данных лиц», несмотря на выяснившееся уже полное отсутствие принципиальной почвы для этого сотрудничества. Примиренчество явно превращалось в безыдейное маклерство, в беспринципное интриганство.

Интриганство и маклерство пытались теперь превратить недостаточность принципиального размежевания на пленуме в орудие торможения дальнейшей идейной борьбы социал-демократии с анти-социал-демократическими течениями. «Нравственно политические обязательства, принятые на себя представителями фракций», оно толковало в смысле «сотрудничества с данными *лицами*», а не в смысле «сотрудничества» с данными *идеями, несмотря на лица*. Беспринципность, руководившая Троцким на пленуме, теперь именно получила полное свое выражение и должна была повести к полному разрыву с ним со стороны всех сторонников принципиальной отмежевки с.-д-тии от ликвидаторства, от «проводников буржуазного влияния на пролетариат».

Пленум рассуждал в целом так: надо сделать все организационные уступки, чтобы облегчить сотрудничество всех элементов, готовых признать основную — анти-ликвидаторскую и анти-отзовистскую — политическую линию партии.

Беспринципные маклера рассуждали наоборот: надо организационными мерами связать так различные элементы, чтобы они сидели вместе, несмотря на то, что это лишь давало вывеску партии для анти-партийной работы.

Ради подтверждения нашей принципиальной линии мы готовы были на организационные уступки. Троцкий и его адепты ради внешнего единства готовы были смазать политическую линию, приготовились молчать (и так-таки и промолчали!) о разрыве ликвидаторов с партией, о их принципиальном разрыве с революционной социал-демократией.

Поэтому, когда все яснее и яснее стало становиться, что организационные нормы, созданные на пленуме, рвутся под напором принципиальных разногласий, большевики — сторонники распущения всех фракций — отказались ради внешнего организационного «благополучия» жертвовать принципиальной стороной дела. Мы

[1]) См. резолюцию Венского партийного клуба от 17 апреля 1910 г.

целиком примкнули к требованию ряда организационных реформ, общий смысл которых заключался в замене во всех руководящих органах партии голосовцев-ликвидаторов меньшевиками-партийцами, как представителями тех работников, которые действительно хотели вести принципиальную линию пленума.

А примиренцы-троцкисты сделали обратный вывод: организационные нормы должны быть сохранены во что бы то ни стало. Принципиальные вопросы должны быть отодвинуты в сторону, раз их рассмотрение и разъяснение способно в чем-либо нарушить организационное «благополучие», которое при этих условиях могло на самом деле выразиться лишь в перманентной склоке, тормозящей всякую работу.

Отсюда вытекло, что между нами и Троцким или людьми, шедшими за Троцким, *именно после пленума* создалась *непроходимая пропасть*. Мы говорили: попытки пленума постигла неудача, ибо он не принял во внимание (а отчасти и не мог обладать для этого в то время всеми необходимыми данными) всей глубины расхождения между Р. С.-Д. Р. П. и открытой партией Потресовых, Левицких, Мартовых и Данов. Троцкизм должен был говорить и говорил (и так и поступал): не трогайте принципиальных вопросов, ибо это грозит нарушить распределение мест, созданное пленумом. Партия требовала внимания к принципам, Троцкий отстаивал «местечки», данное их распределение, сотрудничество «данных лиц».

К этому надо добавить тот важный факт, что лишь после пленума в январе 1910 г. *начала* выходить «Наша Заря», что именно в 1910 г. «Возрождение» превращается из довольно-безличного сборника хроникерских заметок о рабочем движении в определенно-окрашенный боевой журнал[1]). Заявлением М., Ю. и Р., появлением «Нашей Зари», переходом «Возрождения» к определенной, боевой позиции, появлением ст. Дана «Борьба за легальность» в «Г. С.-Д.» (в первом же №, вышедшем *после* пленума), появление там же «Письма 16», направленного против возрождения Р. С.-Д. Р. П., явно-непримиримого по отношению ко всяким соглашениями с антиликвидаторами,—вот в чем ответила открытая рабочая (?) партия на предложения пленума. Этими выступлениями вопрос о пленуме, о реализации его решений вновь ставился во весь свой первоначальный рост: вопросы формы должны были уступить вопросам существа дела. Становилось яснее ясного, что распределение «местечек», организационные соглашения, заключен-

---

[1]) Просим читателя обратить особое внимание на то, что *громадное большинство* цитат из легальной прессы, приведенных нами для характеристики открытой партии, относятся именно к *эпохе после пленума*, к 1910 и 1911 г.г. Эволюция «Голоса» после пленума отмечена нами уже выше словами меньшевиков-партийцев. Именно, *после* пленума ликвидаторство оформилось и создало свою теорию. Этого нельзя забывать при оценке пленума.

ные на пленум, и пр. не решили вопроса, что ими не только принципиальный вопрос не решен, но, наоборот, обострен. Исполнялась надежда Мартова и Дана на «решительное» раскольное «выступление» русских «независимцев» и этим изменялся весь смысл заключенного соглашения. Глупее глупого, постыднее постыдного, бессмысленнее бессмысленного становилась защита *организационных* норм пленума, раз налицо было заявление деятелей легалистов-независимцев (М., Ю., Р., Потресова, «Голоса»), что они, отнюдь, не изменили своего отрицательного отношения к принципиальным основам соглашения, на почве общего признания которых только и приобретал какое-либо значение организационный сговор насчет «данных лиц».

Была ли сумма этих выступлений — новым фактом? — Да! Была ли сумма этих выступлений фактом, сводившим на нет то, что «данные лица», напр., г. Мартов подписались под резолюцией пленума? — Да! Сумма этих выступлений ставила ли вновь вопрос о политическом смысле соглашения, заключенного на пленуме? — Конечно! Ибо это соглашение было же не соглашением личностей, не соглашением с большевиками г. Мартова или г-на И., а соглашением представителей крупных течений. Дезавуировала ли сумма этих выступлений тех голосовцев, которые подписали соглашение? — Конечно! Г-н Мартов мог выступить против статей «Возрождения», против статьи Потресова, против поведения и аргументации М., Ю. и Р., против статьи Дана, — и тогда соглашение, подписанное Мартовым, продолжало бы действовать как соглашение лично с Мартовым, но оно, во всяком случае, потеряло всякое значение, как соглашение с идейно-политической группой. Но г. Мартов не только не выступил в этом духе, он выступил в защиту всех этих шагов и выступлений, он объяснил теперь, как мы видели, что вообще-то его голосование на пленуме было простой лицемерной уловкой, вызванной тем, что пленум захватил голосовцев в момент их бессилия итти прямо на раскол.

При всех этих условиях, что значило выступить в защиту организационных норм пленума, в защиту того, чтобы скажем г. П. оставался в редакции российского органа, чтобы единомышленники «Нашей Зари» и «Возрождения» вошли в Ц. К., чтобы г. Дан, автор «борьбы за легальность» идейно — в качестве редактора Ц. О. — руководил партией? Это значило расписаться в собственной беспринципности: это значило сказать во всеуслышание: данное распределение мест в редакции дороже принципов; держитесь за эти «места», хотя против этого кричит и протестует весь ход идейной борьбы. Это значило в данных конкретных условиях, когда одна сторона по принципиальным соображениям, в силу выяснившейся враждебности другой стороны к нелегальной партии, требовала отодвинуть последнюю от руководства партией, — поддерживать, защищать, служить другой стороне. Мы утверждаем, что весь

политический эквивалент внутри партийной позиции «Правды» сводился именно к этому, к защите ликвидаторства. Отказываясь выступить против ликвидаторов, «Правда» любит ссылаться на то, что пленум-де говорит о «преодолении ликвидаторства». Она толковала это «преодоление» в смысле отказа от непосредственной борьбы (отказа от непосредственной борьбы ни с кем иным, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат). Допустим на момент это явно-лицемерное толкование. Но этой почтенной редакции ни разу не пришло в голову сменить «преодолением» непосредственную борьбу с Ц. О., с «партийцами». Тут она нападала *прямо,* тут она не жалела красок. С барабанным боем в белоснежных одеждах нефракционности выступали рыцари примирения (. . . с ликвидаторами) против статей Ц. О., которым можно было вменить в грех, что угодно, только не отсутствие принципиальной основы, но они молчали, когда выступили явные шантажисты [1]). Они не стеснялись нападать на Ц. О., ведущий борьбу с ликвидаторством, но они ни единым словом критики не обмолвились по поводу «Нашей Зари» и «Возрождения», ведущих борьбу с партией. Перед лицом подобной позиции, что оставалось делать партийцам? Продолжать покрывать именем Ц. К. и партии политику, явно направленную против духа принципиальных решений пленума? Разрыв представителя Ц. К. с Троцким стал неизбежен после его вышеразобранной резолюции, выступавшей в защиту «данных лиц», т.-е. Потресова, М. Ю. и Р., в такой же мере, в которой стал неизбежен разрыв в редакции Ц. О. с г.г. Мартовым и Даном после выступления М., Ю. и Р. . . Указанная выше резолюция была проведена Троцким по выходе 12 № «Правды», а через №, на № 14, я, как представитель Ц. К. в редакции, окон-

---

[1]) Вот вышла, напр., брошюра г. Мартова. Ау! т. Троцкий! где ваши красивые фразы о «партийном праве», «партийной морали»? Т-щи венские клубисты, почему вы не напомнили г-ну Троцкому, что здесь как раз перед ним достойный повод для его обличительного красноречия. Или, когда г-н Троцкий демосфенствует по поводу редакции Ц. О. за то, что она обвиняет М., Ю., Р., Потресова, в том, что они не социал-демократы — он служит партии, а выступление против г. Мартова было бы служением кружку? Не наоборот ли?

Эх, «моральная чистота», возмущенная принципиальными статьями и безмолствующая по поводу брошюры г. Мартова — не внушает доверия, господа!

Не верьте защитникам «партийного права», которые рыдают над упадком нравов по поводу полемики Ц. О. с либералами и оппортунистами и неожиданно замолкают, когда под девизом партии выходит «доклад» г. Мартова.

Не верьте звонкогласным Балалайкиным, не сохранившим в своих поступках даже того «оттенка благородства», который бы им дал почувствовать необходимость дополнить свои выступления против «фракционной разнузданности» Ц. О. выступлением против полицейских изделий г. Мартова.

чательно разошелся с последней, т.-е. с Троцким. Но как ни неизбежен казался разрыв, моей задачей было предоставить «Правде» всю возможность дать себе полный отчет в положении дел и отчетливо обозначить свою линию (стремление к *отчетливости* политической линии не принадлежит к добродетелям Троцкого!). Именно, для того, чтобы дать «Правде» эту возможность, ни я, ни т. Иннокентиев еще в апреле не включали в список требуемых нами немедленно «реформ» центров реформы в отношениях с «Правдой». Троцкий попытался использовать *против* меня мои письма к нему той эпохи, когда я стремился еще подвинуть «Правду» на путь исполнения решений пленума. Сделано это Троцким со всей той мерой трусливости, которая подсказана ему была сознанием, что все этого рода мои попытки (и письма) говорят именно против него. Ничего не было бы полезнее для дела, для обрисовки роли Троцкого во всем кризисе последних лет, для выяснения широким кругам партии *его* разрыва с духом решений пленума и моих попыток удержать «Правду» от пути служения ликвидаторству, как открытое выступление Троцкого в печати с этими моими письмами. Пожалуйте, т. Троцкий!

Действительно. Смысл всех моих речей на редакционных заседаниях, и не только речей, но и писем, и не только писем, но и записок заключался в том, что я рисовал «Правде» — единственной тогда популярной рабочей газете в партии—перспективу стать средоточием всех партийных элементов, собрать вокруг себя все — и *большевистские* — элементы, проникнутые стремлением немедленно начать так называемую положительную работу и отнюдь без особого удовольствия взиравшие на разгорающуюся полемику. Бедняга Троцкий, пытающийся ныне сыграть на моих письмах того периода, не понимает, *что* они доказывают. Чем глубже верил я в эти перспективы для «Правды», тем труднее было мне рвать с нею, тем труднее мне было убеждаться в том, что мои предположения ошибочны, тем более должен был потрудиться *он,* Троцкий, чтобы разубедить меня в способности «Правды» вести линию пленума. Я указывал, что, быть может, «Правде» сыграть эту роль легче, чем какой-либо другой группе, но при том единственном условии, — не уставал я твердить редакции, — что «Правда» выступит решительно против ликвидаторства. Я требовал немногого: следования по отношению к анти-социал-демократическим течениям и группам духу принципиальных решений пленума, подписанных Троцким; но это немногое я рассматривал, как необходимый минимум, при несоблюдении которого «Правда» не только теряла возможность сыграть вышеуказанную роль, но и явно становилась в ряды союзников этих течений.

Не только в частных письмах, не только в разговорах и со сторонниками Троцкого и с большевиками, но и в официальных документах, обращенных к «Правде» и Ц. К., я настаивал все

на том же: правда будет очень полезна русскому рабочему движению, *если* она отмежуется от ликвидаторства.

В своем письме в редакцию «Правды», впоследствии приложенном мною к моему отчету Ц. К., я писал: «Я убежден, что единственно-действительной борьбой за возрождение партии и за ее единство будет только та борьба, которая ведется на почве беспощадного отношения к ликвидаторству и которая в этом вопросе не допускает никаких двусмысленностей. Всякая другая политика неизбежно окажется игрушкой в руках ликвидаторства и — сколько бы ни стремилась она к единству партии — будет объективно содействовать расколу». Смею надеяться, это было достаточно выразительно и для редакции «Правды» не было сомнения, о ком здесь идет речь! Суть дела именно в том и заключалась, что я делал все требовавшиеся уступки, готов был проявить максимум терпимости и терпеливости [1]), но только для того и только во имя того, чтобы «Правда» стала на путь решительного разрыва с ликвидаторством, а редакция «Правды» — несмотря на это — все явственнее склонялась к защите последнего. Никто не докажет, — ибо этого нельзя доказать, — чтобы я требовал от «Правды» чего-либо, что хотя бы в малейшей, минимальнейшей степени выходило за пределы решений пленума, что выходило бы за те пределы борьбы с ликвидаторством, которые установил, но которые и считал «неотъемлемым элементом с.-д. тактики» пленум.

Кая я уже указывал в своем письме в Центральный Орган, и самый конфликт мой с «Правдой» был вызван именно тем, что ее редакция отказалась выполнять этот минимум, проявила определенное нежелание внести в формулировку лозунгов своего «манифеста» даже те выражения, в которых Ц. К. охарактеризовано ликвидаторство и признана необходимой борьба с ним.

Я говорил: вам не нравится полемика Ц. О. и Плеханова с ликвидаторами, с М., Ю. и Р., — скажите это, но скажите так же, что вы осуждаете ликвидаторство, пусть *популярная* газета «Правда» *популярно* объяснить рабочим вред ликвидаторства, растолкует рабочим анти-социал-демократический смысл проповеди «Нашей Зари», «Возрождения» и т. д., пусть она сделает это в той спокойной, неполемичной форме, как это сделал Ц. К. в своих резолюциях. «Правда» отказалась это сделать. Троцкий очень много толковал о «фракционности», о фракционном характере борьбы с ликвидаторством, но решительно отказался дать пример не-фракционного выступления против последнего. Я сделал последний опыт. Когда «Правда» решила выпустить свой «манифест» (напечатанный в № 14) — я высказался против его печатания.

[1]) Не только моим ближайшим товарищам известно, что я делал все возможное, дабы предупредить разрыв с «Правдой».

Когда этот вопрос был решен — против меня — положительно, я предложил целый ряд поправок. Когда они были отвергнуты, я предложил одну единственную поправку: ввести в лозунги, заканчивающие «манифест», пункт о ликвидаторстве, который бы только воспроизводил точно то, что сказано о последнем в резолюции пленума. Это было отклонено. Линия «Правды» была выбрана, Троцкий разорвал с принципиальными постановлениями Ц. К. и с его представителем, и дальнейшие его шаги могли лишь выяснить для более широких кругов партии выбранный Троцким путь — путь блока с ликвидаторами.

Опыт совместной работы с Троцким — смею сказать, опыт искренно мной проделанный, о чем только и свидетельствуют эксплоатируемые ныне Троцким мои письма и частные разговоры — показал, что примиренчество неудержимо скатывается к защите ликвидаторства, решительно становится на сторону последнего против Р. С.-Д. Р. П.

3. За революционную социал-демократию во что бы то ни стало!

Так реагировало на первые же после пленума проявления принципиальной борьбы партийных элементов и ликвидаторства — безыдейное маклерство Троцкого и «Правды». Как же реагировал на эти события большевизм? Говоря кратко: — дальнейшим развитием идейной борьбы против врагов социал-демократии, окончательным разрывом с ликвидаторством и его защитниками и развитием совместной работы с *партийцами*-меньшевиками. Для тех, кто хотел остаться революционным социал-демократом, другого пути не было.

Во имя своей основной задачи, во имя основной задачи партии, неоднократно формулированной ею в ее принципиальных решениях (декабрьская конференция 1908 г. и пленум 1910 г.): — добиться возрождения партии и сплочения с.-д. рабочих на почве ясной принципиальной размежевки с открытой рабочей (?) партией — большевики должны были итти вперед, а не топтаться вокруг уже сорванного жизнью соглашения с «Голосом» и Троцким.

Уже в § о «двух партиях» мы указывали на то, что Р. С.-Д. Р. П. переживает такой момент, когда отстранение ликвидаторов от работы партии является условием производительности ее работ. Нам нетрудно показать теперь на фактах, что на деле полуторагодичная борьба в партии обусловлена была усилиями партийных элементов обеспечить партийную работу от торможения ее анти-социал-демократическими группами. Действительно. Какое положение создалось после пленума? При полном идейном разрыве между партийными элементами (б-ками, а также партийцами-меньшевиками) и открытой рабочей (?) партией — ряд партийных учреждений, созданных на принципе соглашения и в неко-

торых из которых большинство принадлежало антипартийным элементам. Выход был только в том, чтобы налаживать работу независимо от ликвидаторов (как они налаживали свою работу независимо от партии) и опираясь на все те элементы, которые не желали мирволить открытой рабочей (?) партии (как опиралась последняя на фактическую поддержку троцкистов и впередовцев).

Путь большевиков лежал через сотрудничество в Ц. Органе большевиков и партийных меньшевиков, через создание «Рабочей Газеты» и легальных органов на основе того же сотрудничества, через формальный разрыв соглашения с фракциями «Голоса» и «Вперед» [1]), через разрыв с ликвидаторским З. Б. Ц. К. к созданию органов революционной с.-д. работы, очищенной от торможения ее ликвидаторами, к восстановлению практической с.-д. работы на основе принципиальных решений партии. В чем был смысл этой цепи шагов? В том, что они заключали в себе осуществление принципиальных решений пленума помощью совместной работы (и призыва к ней всех партийных элементов) и против ликвидаторов.

Все эти шаги вызывали самый громозвучный вой со стороны ликвидаторов-голосовцев, не без основания видевших в них этапы мобилизации сил партии против них. Все эти шаги вызывали яростный протест Троцкого, опять-таки не без основания видевшего в них нарушение его принципа «сотрудничества данных лиц» во имя принципа сотрудничества революционных марксистов, желающих вести борьбу с буржуазными влияниями на пролетариат. Все эти шаги вызывали колебания и среди большевиков-примиренцев, которые всегда приходили к поддержке создаваемых на этом пути органов, учреждений, коллегий лишь после долгого колебания, долгих печальных покачиваний головой.

Товарищи-примиренцы среди большевиков никак не могли усмотреть того, что разрыв ликвидаторов с Р. С.-Д. Р. П. вынуждал последнюю осуществлять свои задачи — и в области легальной и нелегальной прессы и в области практической организации— не через те учреждения, планы которых строились на пленуме при *участии ликвидаторов-голосовцев,* а помимо этих учреждений, органов и т. д. и часто вопреки им. Только вопреки Мартову и Дану можно было поставить Ц. Орган с недвусмысленной позицией против М., Ю. и Р., только вопреки Троцкому можно было поставить рабочую газету верную анти-ликвидаторским задачам партии, только вопреки г. Потресову можно было наладить печатную агитацию в России, только вопреки М., Ю. и Р., можно было

---

[1]) Как известно это соглашение было оформлено в известном договоре Ц. К. с большевиками, договоре предвидевшем возможность нарушения условий контрагентами и на этот случай предоставившем большевикам право получения обратно переданных ими денег. Это требование («заявка») и обозначало формальное признание соглашения разрушенным.

вести практическую работу в России, только вопреки З. Б. Ц. К. можно было приступить к восстановлению Ц. К. и к созыву конференции и т. д.

Всякий раз, когда мы делали шаг вперед, нам кричали: вы нарушаете легальность! Г. Мартов очень скоро сообразил, что защита «легальности» есть как раз та удочка, на которую легче всего клюют люди, не разобравшиеся в положении дел, и, поэтому, — несколько, правда, неожиданно и с большой дозой бесстыдства — он выкинул это знамя защиты легальности. Бедняга не рассчитал, что, взяв в *свои* руки это знамя, он тем испортил себе весь эффект выступления: увидав, что защита легальности вдруг стала знаменем г. Мартова, многие товарищи должны были призадуматься над этим фактом и над значением «легальности» в такой момент, какой переживает партия.

Люди, кричавшие сначала, что нарушает «легальность» полемика Ц. О., потом, что нарушает «легальность» «Рабочая Газета» забывали одно: что эту легальность уже разрушили голосовцы, не распустив своей фракции, М., Ю. и Р. своим отказом, Троцкий разрывом с представителем Ц. К., З. Б. Ц. К., тормозящий созыв Ц. К., и т. д. и т. д.

Легальность заключалась в существе дела (а не в сотрудничестве с «данными лицами»: М-ом, Ю-м, Р-м или Потресовым), и нарушение «легальности» было бы установлено лишь в том случае, если бы кто-либо доказал, что «Рабочая Газета» или легальные органы *не* проводили линии принципиальных решений пленума. Но если последнее ясно, как дважды два, относительно «Голоса» и «Правды», то это недоказуемо относительно «Рабочей Газеты» и других органов, созданных большевиками при их союзе с ме-ками-партийцами. Это недоказуемо и этого никто и не брался доказывать из наших врагов и колеблющихся друзей, говорящих о нарушении «легальности».

Уже не враги, а только не вполне разобравшиеся в деле друзья (часть поляков и большевики-примиренцы) пытались нас остановить на пути проведения принципиальной линии пленума вопреки «данным лицам» (вопреки между прочим Троцкому) указанием на то, что мы ведем «политику изолирования». В этом указании есть крошечная доля истины и большая доля непонимания. Доля истины основывается на наблюдении того, что есть на поверхности, что бросается в глаза, что отмечается поверхностным взглядом и способна произвести впечатление на нежелающих вдуматься людей. Большая ошибка этого указания основывается на непонимании общего положения революционной социал-демократии в России в контр-революционную эпоху, на непонимании объективных условий, при которых революционная социал-демократия принуждена сейчас в России вести *борьбу за собственное существование*.

Ну, давайте, начнем сначала. «Изолировались» ли мы, начав борьбу с отзовизмом? — И еще как! «Изолировались» от целого ряда старых товарищей, изолировались иногда от целых организаций, изолировались от целой кучи людей, колебавшихся, не отдававших себе отчета в серьезности начатой борьбы. Ну, а к чему пришли? К тому, что изолировали отзовистов от рабочих.

«Изолировали» ли мы себя, когда впервые выдвинули лозунг «борьба на два фронта», — против ликвидаторов «справа» и «слева»? — И как еще! Сколько мудрецов покачивали головами по поводу нашего «задора», «закоснелости», привычки к «межеваниям», сколько из этих мудрецов объясняли этот лозунг «заграничной атмосферой» и победоносно козыряли против нас «Россией» и «положительной работой». А к чему пришли? К тому, что этот лозунг стал общепартийной платформой всех действительно-партийных элементов, что протест против него стал монопольным владением Мартовых и Троцких, к тому, что теперь этот лозунг в *партийной* среде принимается, как нечто само-собой разумеющееся. Старая эта история: многие еще и в нашей среде оказываются способными воспринять тот или другой лозунг, осмыслить ту или другую задачу лишь после того, как вволю поворчат сначала и дадут данному лозунгу, данному призыву совершить *без них* добрую долю его задач.

Конечно, редакция Ц. О. «изолировалась», разоблачив М., Ю. и Р., однако, не признало ли «совещание цекистов» через год недопустимости участия этих господ в работах партии, и не встретило ли это решение полного признания со стороны всех партийных элементов?

Конечно, мы «изолировались», нападая на Троцкого. Сколько речей по поводу нашей «горячности» пришлось нам по этому поводу выслушать! Сколько товарищей разводило руками по поводу наших указаний на «тройственный союз» Троцкого, голосовцев и впередовцев против «двойственного»! Сколько из них видело в этом лишь продукт фантазии неисправимых полемистов! Сколько защитительных речей пришлось выслушать мне при докладах о моем разрыве с «Правдой»! Помнят ли их теперь товарищи примиренцы? Я полагаю, что они вспоминают о них без особого удовольствия и в этом своем убеждении опираюсь на несомненный факт изменения их отношения к Троцкому.

Мы «изолировались» с «Рабочей Газетой». Мало того, она была подвергнута бойкоту еще до своего появления. Против нее объявил «священную войну» Троцкий, сразу выведенный ее появлением из своего «нефракционного» равновесия. Но она осуществила — ждем ваших возражений, товарищи, объявившие ей бойкот! — задачу действительно партийной рабочей газеты, проводящей партийную линию, и без криков о «нефракционности» осуществляющей сотрудничество партийцев без различия фракций. Ее

не бойкотируют русские рабочие, и, признаться, мы колеблемся: не послужила ли ей «много к украшению» «изоляция» от колеблющихся (или колебавшихся?) между ней и «Правдой»...

Еще более «изолировались» мы своим формальным заявлением о срыве голосовцами соглашения, заключенного на пленуме («заявка»). А есть ли теперь в партии что-либо более точно установленного, как то, что «соглашение» действительно разрушено, что большевики имели полное право на «заявку», что было бы пустейшим и вреднейшим лицемерием сохранение «договора» о деньгах при политическом разрыве. И т. д. вплоть до разрыва с З. Б. Ц. К.

В атмосфере нерешительности, колебаний, невыясненности принципиальных точек зрения каждый шаг вперед кажется «изоляцией». И он дейтсвительно является «изоляцией» от колеблющихся, неготовых к борьбе, от недооценивающих принципиальной основы борьбы.

Но политически вопрос, ведь, не в этом, а в том только, изолировались ли мы всеми этими шагами от задач революционной социал-демократии в России, изолировались ли от потребностей русского рабочего движения? А этот вопрос решается не тем, как на тот или другой наш шаг реагировал тот или другой кружок на том или другом переходном этапе борьбы, а лишь *содержанием* всей борьбы, тем куда мы идем. Это содержание, эта общая связь всех наших шагов в том, что мы ставили с.-д. работу независимо от «независимых» от партии лиц, кружков и групп и даже тогда — horribile dictu! — когда формально они имели известные «права» на то, чтобы эту работу тормозить.

Пойдя на пленуме на соглашение, на уступки, мы ждали их результатов. Когда оно было сорвано М-ом, Ю-м, Р-м, Потресовым, Даном, Троцким, мы потребовали реформы центров. Ц. К. должен был собраться и решить этот вопрос: подвести этим итог пленумовскому соглашению. Мы ждали его решения. «Официально», от имени *всех* большевиков было заявлено: «либо в ближайшем будущем все руководящие учреждения будут формально перестроены... либо жизнь партии и развитие ее объединения пойдет на время помимо руководящих ее учреждений». Перестройки «формальной», «уставной» — по причинам от Ц. К. независящим (зависящим от Курлова) не последовало. Мы формально, как одна из согласившихся сторон, заявили, что соглашение сорвано нераспущением фракций «Голоса» и «Вперед», усилившимся походом ликвидаторов на Р. С.-Д. Р. П. Мы сделали «заявку» и мы приступили к выполнению задач, намеченных пленумом, независимо от нежелавших над ним работать «данных лиц».

Каждый шаг на этом пути был лишь реакцией, вынужденным ответом на нападение другой стороны на Р. С.-Д. Р. П. П. М., Ю., Р.

выступили против Ц. К., — мы сделали вывод: Центральный Комитет должен отказаться от чести видеть среди себя этих господ и их ставленников. Г. Потресов напал на партию, объявив ее трупом перед лицом Столыпина — мы сделали вывод: легальный орган должен обойтись без друзей Потресова. Г.г. Мартов и Дан напали на Ц. О. за его разоблачения г.г. М., Ю., Р., Потресова, — мы сделали вывод: товарищи меньшевики-партийцы будут уместнее в Ц.О., чем г. Дан. Троцкий разорвал с духом решений пленума и с представителем Ц. К.,—мы сделали вывод: популярный орган для русских рабочих может и должен быть создан, несмотря на Троцкого. З. Б. Ц. К. отказывался созвать пленум Ц. К. и помочь восстановлению нелегальной партийной организации против ликвидаторов, — мы сделали вывод: Ц. К. должен быть созван помимо него восстановление партийной организации должно вестись, несмотря на него.

Путь этот был неизбежен. Он был труден не потому, что не ясны были принципиальные мотивы, руководившие большевиками и партийцами, а потому что в данной обстановке легко было врагам засорять эти мотивы чисто формальными моментами. Слова о «легальности» и «изоляции» к этому именно и сводились. Большевики-примиренцы на каждом этапе этого пути именно и взывали от принципиальной постановки вопроса к формальной стороне его. Колеблясь, ворча, отстраняясь и опять приближаясь, шли они по этому же пути. Их поведение способно было лишь затормозить дело, а не остановить его. Больше того. Упираясь на каждом отдельном шаге, они должны были в общем и целом принять направление пути и его конечный этап, поскольку хотели оставаться защитниками Р. С.-Д. Р. П. Почему? Потому что путь-то этот выбирался не тем или другим «вождем», не той или другой группой «фракционеров», а определялся, как мы уже показали, *ходом борьбы с враждебной партией.*

Тем, кто хотел проводить в жизнь решения пленума, а не только слезоточить по поводу пошедшей вперед идейной размежевки, надо было итти вперед, несмотря на протест ликвидаторов и Троцкого, несмотря также и на колебания тех товарищей, которые понимали неизбежность разрыва с ликвидаторством, но печально покачивали головой по поводу резкости этого разрыва, резкости, обусловленной глубиной развернувшейся пропасти.

Наша цель ясна: — строить партию революционной социал-демократии вопреки агентам и пособникам открытой партии легалистов; определены и наши средства: — вести работу в союзе и совместно со всеми элементами, готовыми к решительной борьбе с ликвидаторством и духом «веховщины».

Мы ведем эту политику с того самого момента, как определился срыв решений пленума голосовцами, впередовцами и Троцким, утверждаем, что именно эта политика была политикой реши-

тельной борьбы за Р. С.-Д. Р. П., что никакой другой политики, вдохновляемой той же задачей, за все полтора года ни нам, ни российским рабочим ни в России, ни заграницей, ни в теории, ни на практике, не показали, и не видим причин ее изменять.

Лозунгу Троцкого и троцкистов «единство (. . . с ликвидаторами) во что бы то ни стало» мы противоставляем свой лозунг: «за революционную социал-демократию во что бы то ни стало»!

4. Еще о примиренчестве. Примиренцы-практики и примиренчество на практике.

Если современное ликвидаторство есть торжество принципов контр-революции среди бывших социал-демократов, если открытая партия легалистов есть воплощение духа контр-революции, — то проповедь «соглашательства» с последней, троцкизм есть воплощение всей дряблости, всей безыдейности переживаемой эпохи. Громкая фраза на устах и готовность поступиться всякой идеей в душе — вот формула троцкизма. Крики о «положительной работе», прикрывающие на самом деле лишь нежелание или неумение ответить на вопрос: как же оную положительную работу вести, на каких принципах ее базировать, — вот обычный прием «троцкизма». Звонкая фраза, все прикрывающая, все объединяющая, все смазывающая, все вмещающая — вот его метод действий. Он твердо знает; что бывают времена, когда вполне соответствует «веяниям времени» формула: *виляние — влияние*. И нужно смотреть опасности прямо в глаза: троцкизм самая широко-распространенная болезнь нашего времени. Спертая атмосфера контр-революции — самая подходящая среда для роста этой эпидемии. Нет ничего более верного, чем то, что малейшее оживление рабочего движения властно потребует внимания к принципам, властно потребует выбора между тактикой революционной социал-демократии и тактикой легализма, столкнет две тенденции лицом к лицу. И это будет смерть «троцкизму». Тогда мы увидим, что все «примиренчество», весь «троцкизм» выльется лишь в то, что его адепты будут перебегать от одного лагеря в другой. Бессильный выдвинуть собственную тактику, он будет свидетельствовать свое примиренчество тем, что повторит свою роль в 1905-6-7 годах: сегодня приват-звонарь меньшевизма (Наши политич. задачи), почти акимовец, завтра защитник диктатуры пролетариата; сегодня сотрудник меньшевистского «Начала» — завтра ищет приюта в большевистской «Волне»; сегодня защитник блоков с кадетами — завтра пытается найти опору в воззрениях Розы Люксембург; сегодня сотрудник «Пролетария» (1908 — 1909 г.) — завтра союзник «Голоса» и «Вперед». Так было, так будет, когда звонкая фраза

перестанет удовлетворять аудиторию, когда беспринципность перестанет цениться дороже принципов.

Так будет. Но не менее верно и то, что покуда беспринципность — самый ходкий товар. Троцкизм — несомненно «герой нашего времени», достойный герой нашего безвременья. Было бы историческим чудом, если бы давление контр-революционной обстановки, оказавшееся способным выкристаллизовать ликвидаторство, не создало кучи людей, махающих рукой на принципы и идейную борьбу, усталых от необходимости вдумываться в эту борьбу, готовых предать анафеме каждого, кто покусится на резкую, ясную формулировку разногласий, и каждую идею, которая потребует ясного определенного ответа. Троцкизм и вся его «теория» и вся его манера — есть только воплощение этого приципа: живи и не мешай мне жить. И так, как все враждебные социал-демократии элементы, все ренегаты социал-демократии только того и просят от партии, чтобы она не мешала им «жить», не мешала им делать их разрушительное дело, не слишком нападала бы, не слишком воевала бы, не слишком о них кричала бы, не слишком их прижимала бы, то идеология троцкизма есть лучшая их защитница в партии. О, если бы «троцкизм» победил, как настроение в партиии, — какое раздолье было бы для ликвадаторства, для отзовизма, для всех противоборствующих партии течений. Возьмите хоть отзовизм. Теперь нет в партии такой влиятельной группы, которая бы целиком защищала отзовистскую тактику. И сами отзовисты и их друзья — впередовцы — ничего более не хотят, как только того, чтоб их признали, «законным течением», или оттенком, что ли. Но, позвольте, мы считаем отзовизм не «законным», а вредным оттенком, проводником не-социал-демократических взглядов, течением, с которым социал-демократия должна бороться и которая должна побороть. Но не так думает троцкистское примиренчество: потому оно и примиренчество, что хочет примирить нас с отзовистской группой. Примиренчество хочет от партии по отношению к отзовизму того же, чего хочет сам отзовизм: терпимого, примирительного отношения к этому не-социал-демократическому течению. Мы знаем, что ликвидаторство требовательнее: оно хочет заменить партию, а не только быть терпимым ею. Но, конечно, добрая часть ликвидаторов сильно изменила бы свое непримиримое отношение к партии, ежели бы партия была более терпима к ликвидаторству. Чего требует примиренчество от партии по отношению к ликвидаторству: терпимости. Троцкизм — есть защитник интересов не социал-демократических течений, групп, кружков перед лицом партии. Он требует от партии по отношению к этим группам того, чего они сами хотят от партии. Но для этого нужно своих клиентов — обелять; он обеляет. Для этого нужно глубины принципиальных различий не замечать; он не замечает. Для этого нужно восста-

вать против принципиальной размежевки, взывая к интересам «положительной работы» — он взывает. Для этого нужно притвориться непонимающим, что никакая совместная «положительная работа» социал-демократов и «проводников буржуазного влияния» невозможна; он притворяется. Но если эти доводы не убеждают партии? Если она продолжает думать, что с «буржуазными влияниями» нужен не мир, а война. Тогда надо переходить в наступление; надо напасть на тех, кто борьбу эту ведет, надо объявить эту борьбу результатом «фракционности», кружковщины, нарушающей «партийную мораль», ниспровергающей «партийное право» и т. д. и т. д. Так это и делается. Все партийные святыни и все высокие слова (никто не говорит так возвышенно, красиво и благородно, как троцкисты!) приводятся в движение, чтоб защитить ликвидаторов от ударов партии. Демагогия становится единственным методом действия соглашательства.

Естестественно, что чем сильнее отклонения от социал-демократической тактики, чем разнообразнее эти уклонения, чем многочисленнее группки, кружки, лица, требующие от партии терпимости к своим не-социал-демократическим тенденциям, тем популярнее «примиренчество», тем более оно становится их общим знаменем. А чем, чем, а уклонениями, оттенками, течениями мы, ух, как богаты. И да не сочтут это «богатство» за признак силы, за признак роста. Не ростом, не разнообразием движения, а его упадком, контр-революцией, усталостью, усилением буржуазных влияний, эпидемий веховщины среди интеллигенции порождены эти группки, кружки, тенденции. Нас призывают мириться не с ростками нового, жизнеспособного, а с продуктами разложения, результатами гниения. Люди, которые думают, что подобное примирение стоит в какой-либо связи с потребностями «положительной работы», видимо понимают эту положительную работу как тот солдат, что в щи «для густоты» клал сверх прочего продукта еще и топор. Мы держимся того убеждения, что пролетарские «щи» не нуждаются ни в анархо - синдикалистском «топоре», ни в истоптанных еще «экономистами» ликвидаторских онучах.

Примиренчество в этой его форме, в форме троцкизма, есть ничто иное, как защита интересов не-социал-демократических течений; есть беспринципность, прикрытая криками о положительной работе, есть демагогический обман рабочих насчет существа разногласий, есть апология безыдейности.

Троцкизм исходит не из какой-либо определенной политической линии, а из простой наличности разных течений. Можно поручиться, что если завтра появится какая-нибудь новая группа, желающая прикрыться флагом социал-демократии, то первым ответом троцкизма на это будет: с этой группой надо объединиться. В устах Троцкого «объединение» пустая фраза, голый шаблон, все-

излечивающий рецепт, действующий всегда, везде и в любых условиях [1]).

Раз есть несколько групп, прикрывающих свою работу флагом с.-д., они должны объединиться, рассуждает примиренческая демагогия. Поэтому она должна высказаться решительно против всякого объединения, в основу которого положено только действительное совпадение политических идей. И действительно, факт перед нами на-лицо: троцкизм выступил решительно против того единственного «объединения», сближения, которое начало осуществляться на деле, против сближения большевиков и меньшевиков-партийцев. Это может удивить многих. Однако, это факт, и этот факт лучше всего вскрывает природу вульгарного примиренчества, зиждущегося на отрицании, на затушевывании принципиальной борьбы.

Большевики и меньшевики в контр-революции нащупали общие задачи и совместно начали работать над их решением. Это исторический факт, которого нельзя ни зачеркнуть, ни умалить, каковы бы ни были дальнейшие судьбы этого «блока». Их общей линией оказалась политическая, принципиальная линия пленума, т.-е. восстановление нелегальной партии в новых условиях с новыми методами работы в борьбе и с ликвидаторством и с отзовизмом.

Это — единственное действительное объединение, которое мы видели и до и после пленума, которое наложило свой отпечаток на ряд партийных предприятий, которое *на деле осуществило совместную работу.*

Но гром и молнии засверкали из «Правды» именно с того момента, как это сближение начало осуществляться. «Правда»

---

[1]) Побывал как-то Троцкий в Болгарии и естественное дело — тут же решил, что болгарским социал-демократам не хватает одного: Троцкого, который бы их объединил. По этому поводу вождь болгарских социал-демократов, т. Д. Благоев писал совершенно справедливо: «У Троцкого своя излюбленная идея — необходимость объединения всех «социалистических фракций» в мире... Предлагать такое объединение значило бы умышленно предлагать деморализовать рабочее движение. Ошибочно предлагать объединение пролетариата везде, по одному шаблону... потому, что вместо объединения может получиться как раз обратный результат — поощрение буржуазных партий делать под флагом объединения новые попытки к разъединению пролетариата. Такова, напр., судьба ст. т. Троцкого у нас. Ее тотчас эксплоатировали буржуазные органы Болгарии в своих целях... Совсем... неумно считать себя умнее всех тех, которые не находят возможным рекомендовать всем и при всех условиях объединение «социалистических фракций» (С. Д., № 19—20). Испытанному борцу за с.-д-тию, тов. Д. Благоеву понадобилась одна статья Троцкого, чтобы вполне понять весь облик этого «объединителя», который везде и всегда так «умно» пропагандирует «объединение», что помогает буржуазии.

Надо думать, что только отповедь из Болгарии помешала Троцкому «объединить» и чехов с немцами в Австрии, задача, которую он охотно брал на себя в Копенгагене.

заняла по отношению к этому блоку резко отрицательную позицию. Больше того. Из оппозиции к этому блоку она начинает и осуществляет сближение с голосовцами. Почему же?

Чего не хватало этому блоку для того, чтобы он понравился примиренчеству? Одного: включения в него ликвидаторов и отзовистов [1]). Ежели примиряться так уж с ликвидаторами, а примиряться против ликвидаторов — это еще вреднее отсутствия всякого примирения, — вот логика беспринципного примиренчества. Троцкизм в лице большевистско-меньшевистского сближения на почве партийных решений имел перед собой единственную форму сближения реального, политически-возможного, сближения с.-д. элементов. Он его отверг по той единственной причине, что это сближение не включало в себе элементов, признанных партией несоциал-демократическими. Такова роль троцкизма на деле: оно саботировало единственно-реальное сближение партийных элементов потому только, что последнее было направлено против элементов анти-партийных, против открытой рабочей (?) партии.

Это значит, что сближение с ликвидаторством троцкизм поставил выше сближения анти-ликвидаторских элементов. И это не случайно. К этому вынуждает логика беспринципного примиренчества.

Всякому, внимательно следящему за ролью примиренчества, должно быть ясно, что *примиренчество должно было выйти и с развитием идейной борьбы между Р. С.-Д. Р. П. и открытой партией давно уже вышло за пределы узко-организационной области.* Наивнейшая утопия — мысль о том, что *после опыта пленума* возможно еще примиренчество, которое не посягало бы на «примирение» принципов, которое на деле не требовало бы от революционной социал-демократии принципиальных уступок в сторону не социал-демократических течений.

Эту логику примиренчества прекрасно знают и понимают те, кто стремится ослабить борьбу революционной социал-демократии за собственное существование против духа оппортунизма и ликвидаторства. Явные враги партии в «примиренчестве» видят — и видят правильно—лишь орудие ослабления этой борьбы. Поэтому, между прочим, так настойчиво апеллируют они к примиренцам, особенно к так называемым «примиренцам» из большевиков.

«Голос С.-Д.», Мартов, Троцкий, «Вперед» неоднократно уже указывали, что только неустойчивость большевиков может им помочь осилить большевизм. Во внутри партийной борьбе ставка на большевистское «примиренчество» — есть последняя ставка анти-партийных течений в их борьбе с партией. Анти-партийные группы хорошо сознают, что если их политика может увенчаться

---

[1]) Примиренчество связано круговой порукой: если Троцкому не хватало ликвидаторов, то нашим примиренцам не хватало Троцкого.

успехом, то только благодаря ослаблению, колебаниям, нерешительности большевиков.

Поэтому ничто не доставляет им такой радости, как признаки этого ослабления, колебания, нерешительности. И, конечно, смешно было бы отрицать «право» врагов эксплоатировать в свою пользу недостатки в нашей среде. Нельзя отрицать права г. Мартова и ласкать примиренцев — поскольку они ему служат—и отечески журить их, поскольку — на его взгляд — они не идут достаточно далеко. Г-н Мартов знает, что делает, когда взывает к большевикам-примиренцам в конце своей грязной брошюры: «*Их* выступление и, пожалуй, только оно одно, еще могло в свое время остановить процесс развала». Не менее ясен и расчет Троцкого, когда он простирает свои объятия примиренцам-большевикам, призывая их выступить «немедленно» и «во всеуслышание» с протестом против «бонапартизма» нежелающих мирволить ликвидаторам большевиков.

Повторяем, отрицать право Мартовых и Троцких эксплоатировать в свою пользу нерешительность, слабость, колебания части большевиков — было бы смешно. Вопрос заключается в том только, есть ли в действительности достаточные основания для расчетов Мартовых и Троцких, действительно ли эти расчеты опираются на факты из политической деятельности, хотя бы небольшой части партийцев.

Увы! Мы не можем ответить на это отрицательно. Проклятые условия контр-революции, атмосфера ослабления принципиальной устойчивости сделали то, что и в большевистской среде ряд товарищей не отдают еще себе и до сих пор, через 1½ года после опыта пленума, отчета в происходящей борьбе партии с анти-партийными группами. То, что тот или другой работник в революции разделял тактику большевизма, не дает еще, оказывается, достаточной гарантии той принципиальной выдержанности, той решительности в борьбе с контр-революционными влияниями, окружающими партию, которые теперь так необходимы.

Посмертная статья Богдана Кнуньянца в «Нашей Заре», такая искренняя по форме и представляющая такой разительный пример капитуляции старого революционера под гнетом контр-революции, — достаточный — и какой рельефный! — пример того, как широко захватывает волна усталости, как глубоко простирает свои щупальцы «веховство». Трудная, тяжелая пора, когда приходится оплакивать не только физическую смерть, но и смерть для революции стольких старых друзей. . .

Да, не можем и мы похвастать тем, что «модные веяния» не коснулись и некоторых — пусть немногих — большевиков.

Г. Мартов повествует в своей брошюре о своих надеждах на то, что «развал», т.-е. борьба революционной социал-демократии со своими врагами может быть приостановлена выступлением

большевиков-примиренцев. Подобного же типа надежды возлагает на них Троцкий.

И когда выступают эти столь всеми жданные «примиренцы», они, воистину, оправдывают все возлагающиеся на них врагами ожидания. Мы имеем в виду письмо т.т. Германа и Аркадия, которых «Правда» называет «видными большевиками», помещенное в № 20 этого органа.

> «Ночью все кошки серы», пишут эти товарищи, «В воцарившейся тьме реакции нам некогда разбираться в фракционных течениях, хотя они имеют под собой известные основания... Мы давно махнули рукой на эти распри»...

Товарищи думали, видимо, ослабить резкость своего заявления последними словами о том, что-де «известные основания» имеются, но на самом деле они этими именно словами подчеркнули весь безнадежно - оппортунистический смысл своего выступления. «Известные основания» для борьбы фракционных течений имеются, однако, « в тьме реакции» разбираться в них, видите, некогда. Все это построение призвано свидетельствовать о большой «практичности» авторов письма. «Тьма реакции» очень скверная вещь, но побеждает она только того, кто ссылкой на нее пытается отвернуться от необходимости «разбираться в фракционных течениях». Победить же ее может лишь тот, кто, несмотря на «тьму», не «махает рукой» на идущий под ее покровом процесс выработки с.-д. тактики, ее очищения от не-социал-демократических элементов.

Нельзя было дать более точную формулу безыдейности, чем приведенные слова тт. А. и Г. А кому в руку играет эта апология безыдейности, эти ссылки на то, что «некогда разбираться»? Тем, конечно, для кого опасна «разборка», кто ее боится, кто именно в «темную ночь реакции», пользуясь усталостью, безыдейностью, пытается провести антисоциалистическую контрабанду в рабочую среду. Для них нет более желанных союзников, чем эти товарищи, которым «некогда разбираться», которые настолько «практики», что для них «все кошки серы». Дорогие товарищи, вы — практики, следовательно, вы ближе кого-либо к рабочим массам, из ваших рук получают они социал-демократическое учение. Вы меньше, чем кто-либо другой, имеете право ссылаться на «ночь», для вас меньше, чем для кого-либо другого, все кошки должны быть «серы», вы меньше, чем кто-либо, имеете право «махать рукой на распри», на распри, хотя бы и очень неприятные, но в форме которых протекает борьба Р. С.-Д. Р. П. против потока ренегатства, «веховства», легализма. То, что вы «практики», не оправдывает вас, а лишь в тысячу раз усиливает вашу вину. Вы непозволительно смешали «практика» с диллетантом. Ибо только диллетант может заявить в момент ожесточенной борьбы между принципами социал-демократии и духом контр-революции,

духом оппортунизма, духом открытой рабочей (?) партии, что для него «все кошки серы», что «ночь реакции» мешает ему «разбираться» и только диллетант, наконец, может успокоиться, отнеся по ведомству злокозненной «заграницы» те принципиальные разногласия, которых ему не удалось еще понять и над которыми ему «недосуг» подумать.

Это «махание рукой» ни для кого так не полезно, как для врагов принципиальной ясности. Такой «практик» для них чистая находка. Именно за это «махание рукой» Троцкий похвалил авторов письма. Он, вся пропаганда которого сводится к проповеди этого беспринципного «махания рукой», имел полное право назвать этих практиков своими «мнимыми противниками»! Не противники, а доподлинные союзники, сообща работающие над созданием такой атмосферы в партии, в которой легко жилось бы ликвидаторам. Мудрено ли, что к ним со всех сторон тянутся объятия Мартовых и Троцких? Мудрено ли, что воздух наполнен звуками поцелуев, расточаемых им со стороны врагов большевизма, большевизма в целом, с его прошлым, настоящим и будущим? Мудрено ли, что на них покоятся надежды всех тех, кто лишь ждет ослабления самозащиты Р. С.-Д. Р. П., чтобы окончательно поставить крест над ее программой и традициями? Ликвидаторы умеют учитывать всякое колебание в рядах своих врагов!

Не все идут так далеко, как тт. Герман и Аркадий, не всякий носящий звание большевика, хотя бы и примиренца-большевика, решится на подобное выступление, не всякий так по-диллетантски понимает «практику», не всегда большевистское примиренчество так явно помогает антибольшевистским и анти-социал-демократическим элементам. И, быть может, внимательно вчитавшись в то употребление, которое сделал из их письма Троцкий, тт. Герман и Аркадий поняли, что им не по дороге с первым. Их большевизм должен вопиять против их «примиренчества»!

Самый ход борьбы между двумя течениями, двумя партиями, превращающий «распрю», которую так легко объявить «заграничной, в столкновение принципов, которое нельзя оторвать от вопросов доподлинного рабочего движения, все ведет к тому, что все настоятельнее ставится задача выбирать между двумя тактиками, двумя путями, двумя партиями.

Примиренчество при данных условиях, на данной ступени развития противоположности между Р. С.-Д. Р. П. и партией независимцев после всем ясной неудачи опыта пленума потеряло всякую возможность удерживаться в области организационной рецептуры: оно неизбежно скатывается к «примирению» принципов. С неоставляющей желать ничего лучшего ясностью сказалось это в чисто-троцкистской резолюции «о положении дел в партии и созыве партийной конференции», выпущенной группой «Вперед».

Толкуя о партийной конференции, эта резолюция говорит вот что:

> «Главнейшей задачей конференции должна явиться попытка создать, наконец, на деле единую партию с единой тактикой. Само собою разумеется, что отдельные идейные течения не могут при этом не сохранить своего существования, что *законность и полезность* их должна быть признана партией. Конференция, однако, должна сделать попытку выработать такую тактику, которая оказалась бы *приемлемой для значительного большинства партии, не оскорбляя в то же время воззрений меньшинства*» (курсив наш).

Мы не будем здесь разбирать то, почему впередовцы—авторы резолюции, не очень давно обвинявшие большевиков в уступчивости меньшевикам и из этого сделавшие свой боевой лозунг, стали такими ярыми примирителями. Вероятно не потому, чтобы они надеялись на победу своих тактических воззрений в партии. Скорее наоборот.

Важно то, что в сейчас выписанных словах сказалась вся тактическая мудрость нашего примиренчества. Устами этой резолюции примиренчество или троцкизм, как хотите, требует: 1) признания партией *полезности* существующих «отдельных идейных течений», 2) выработки такой тактики, которая не «оскорбляла» бы воззрений меньшинства. Тут формулированы, по крайней мере, реальные условия «примирения», тут высказаны действительные, единственно возможные условия какого бы то ни было «соглашения». Это *деловой* вывод из примиренческих фраз и потому он заслуживает внимания. Всякий примиренец, для которого примиренчество не пустая фраза, не вздох, не стон, а реальная политика, должен согласиться, что никакой другой формулы «соглашения», кроме сейчас указанных двух пунктов, нет и быть не может после опыта пленума. Конечно, *придумать* можно и целый ряд других формул. Но всякая из них будет безжизненной мертвечиной. Можно сказать, напр., давайте объединим всех, кроме голосовцев-ликвидаторов. Но это будет, несмотря на всю внешнюю «приличность», пустой и неприличной фразой именно потому, что этот рецепт сознательно закрывает глаза на реальные факты: на то, во-первых, что подобный лозунг объединения неприемлем для Троцкого, и что Троцкий это уже сказал; на то, во-вторых, что он неприемлем для впередовцев, и что они это уже сказали и показали. Не видеть этого нельзя после полуторагодичной борьбы, а видеть и не говорить — неприлично, вредно.

Нужно дать себе отчет в том, что сейчас всякое «соглашение» партий с «Голосом» и «Вперед» может иметь основой только эти два пункта: признание законности и полезности всех существующих «идейных течений» и выработку «средней» тактики. Всякий, кто говорит о «соглашении», «единстве» и т. д., не

упоминая об этой *реальной предпосылке* всякого соглашения, говорит красивые, но пустые, безжизненные фразы и ими обманывает свою аудиторию. И безжизненность этих фраз, обман, в них заключающийся, будет неизбежно разоблачаться при каждом выступлении примиренцев.

Примиренчество ходом идейной борьбы между с.-д-тией и не-социал-демократическими группами загнано в тупик: оно превращается в бессильную пустую фразу о соглашении неведомо кого, неведомо с кем, неведомо на каких условиях или, в поисках за деловой почвой для соглашения, неизбежно должно прийти к попытке примирить принципы, найти среднюю *политическую* линию. Но именно став на *деловую* точку зрения, пытаясь *деловым* образом выразить свои вздохи и стоны, примиренчество и терпит окончательный крах. «Признать полезность существующих идейных течений», выработать тактику, которая «не оскорбляла бы воззрений меньшинства»...

Что это значит? В партии «существует» ряд «отдельных идейных течений», как, напр., отзовизм, ультиматизм, ликвидаторство. Ц. К. нашей партии признал эти течения вредными уклонениями от с.-д.-тии в сторону буржуазных взглядов и видел в этих течениях объект борьбы с.-д. Чего требует «примиренческая» резолюция? Она требует, чтобы все эти течения были признаны партией не только «законными», но и *полезными*. Это вполне последовательно с точки зрения «примиренчества». Но читатель, вероятно, заметил уже, что примирительная фраза требует здесь от партии ничего иного как признания «полезным» ликвидаторства и других не социал-демократических течений!.. Это немножко слишком, неправда ли? [1]) Но ягодки еще впереди.

---

[1]) И кому досталось на долю дать этому требованию насчет признания *полезности* потресовщины и легализма точную формулировку? — Впередовцам, людям, поднявшим знамя восстания против «Пролетария» во имя «старого, непримиримого большевизма». Эти «левые», непримиримые из непримиримых, большевики pur sang, не находившие слов для клеймления «измен» «Пролетария», теперь сидят в болоте самого низкопробного примиренчества, явно защищая голосовцев и явно ища «тактики», которая «не оскорбляла бы» ликвидаторов, легалистов-независимцев. Так высоко летали и так неприлично низко сели!

Товарищи-большевики, поверившие тому, что люди, разошедшиеся с «Пролетарием» и создавшие группу «Вперед», действительно хотели «спасать большевизм» от измен «Пролетария»! Вчитайтесь в это последнее выступление впередовцев и скажите: кто же на деле порвал с большевизмом, кто действительно изменил его традициям и духу, кто действительно скатился к блоку с голосовцами, кто дошел на деле до защиты врагов революционной социал-демократии, кто показал действительный пример безыдейности и беспринципности, кто принес в жертву кружковым интересам свое политическое прошлое революционных социал-демократов? Эти люди, ныне защищающие свое право на существование тем, что выторговывают у партии признание «полезности» оппортунистов и голосовцев, превзошли наши худшие предсказания.

Можно придерживаться разных взглядов на каждый конкретный вопрос политики. Оппортунисты и революционные марксисты расходятся, отвечая «да» или «нет» по ряду подобных вопросов. Но скажете ли вы да или нет, ясно, что этим вы скажете нечто неприемлемое для другой стороны. А можете ли вы создать в ответ на конкретный политический вопрос тактику, которая «оказалась бы приемлемой для значительного большинства партии, не оскорбляя в то же время воззрений меньшинства»? Не думаю. Раз есть два «воззрения» в партии по данному вопросу, нельзя выдумать тактики, которая не противоречила бы воззрениям одной ее части, т.-е. не «оскорбляла» бы их, если понимать «оскорбление воззрения» не в мещански-обывательском, а в принципиально-политическом смысле слова. Признал ли кто-либо из революционных социал-демократов «полезным» или хотя бы «законным» течением — сторонников голосования за бюджет?

Можно ли «выработать» тактику, которая бы не оскорбляла воззрений Гэда, будучи приемлемой для Жореса?

Стоит вопрос: бойкотировать ли Виттевскую Думу или нет? Какая тактика, будучи приемлемой для большинства, не будет в то же время оскорблять воззрений меньшинства? — Вероятно, знаменитая тактика полубойкота.

Поддерживать ли кадетское министерство? Заключать ли блоки с кадетами? Связывать ли экономическую и политическую борьбу? — Товарищи «примирители», откройте нам свою тайну, скажите, где та тактика в этих вопросах, которая, будучи приемлема для большевиков, не «оскорбляла» бы воззрений меньшевиков и наоборот.

К счастию или несчастию, но такой тактики — нет.

Но, скажут нам, ведь в Германии, во Франции, в России в эпоху ожесточенной борьбы двух тактик партия оставалась единой. Вот именно! И знаете почему, товарищи-примирители, отстаивающие выработку средней тактики? Не потому, что во Франции, Германии или России 1906—7 г.г. какому-либо съезду или конференции удавалось найти тактику, «которая бы не оскорбляла воззрений меньшинства» [1]), как это рекомендует сделать нашей будущей конференции разбираемая резолюция. Не благодаря этому, а потому и поскольку *меньшинство подчинялось тактике большинства.* «В важных вопросах — говорил Бебель на Магдебургском партейтаге — редко достигается единогласие и всегда существует довольно значительное меньшинство, которое должно подчиняться большинству. Без подчинения постановлениям партии невозможна никакая партийная жизнь».

---

[1]) Известно, как печально окончилась попытка итальянских интегралистов вести партию этим «средним» путем.

А что видели мы? Полное неподчинение решениям партии и со стороны голосовцев, и со стороны впередовцев, полный срыв решений и теми и другими. И кто теперь через $1^1/_2$ года после пленума укажет средства заставить голосовцев и впередовцев исполнять решения партии? Примиренчество молчит о том, как обеспечить исполнение решений партии, и этим явно расписывается в собственном бессилии. Не будучи в состоянии найти средств для этого, оно, толкуя о «средней» линии, требуя признания «полезности» всех течений, — лишь разоблачает собственную роль, роль защитницы анти-социал-демократических течений, — и сталкивается в этом безысходно с принципиальными решениями партии, — роль защитницы «средней» тактики — и тем раскрывает всю глубину своей безыдейности.

Такова была роль «примиренчества» во всю эпоху после пленума: активная защита ликвидаторства и анти-социал-демократических течений против Р. С.-Д. Р. П. или, в лучшем случае, ослабление того сопротивления разлагающим влиянием, которое оказывала Р. С.-Д. Р. П. Полное присоединение «Правды» и Троцкого к антипартийному З. Б. Ц. К., не подлежащий сомнению его блок с голосовцами и впередовцами — были вполне последовательными, не случайными шагами. «Объединение» в известной степени, действительно, произошло: объединение тех, кто, защищая «партийное право», на деле защищал «право» анти-социал-демократических групп на разрушительную работу по отношению к Р. С.-Д. Р. П. с теми, кто во имя открытой рабочей (?) партии эту разрушительную работу ведет.

* * *

Все, что произошло в верхах партии после пленума, определяется этими тремя процессами: ростом самоопределения и оформления открытой рабочей (?) партии, борьбой Р. С.-Д. Р. П. против этой партии за революционную социал-демократию и открытым выступлением троцкизма в защиту позиций враждебных Р. С.-Д. Р. П. элементов внутри партии.

У нас нет возможности (да это и не так важно) следить за всеми перипетиями внутри-партийной борьбы, обусловленной оформлением партии независимцев-легалистов, а общая тенденция этой борьбы нами уже указана была выше.

Общий смысл этой борьбы в том, что действительно — партийные элементы вели свою работу, несмотря на претензии элементов, враждебных соц.-демократии, а примиренчество, всякий раз когда дело шло о разоблачении истинной физиономии врагов Р. С.-Д. Р. П. и о том, чтобы лишить их возможности мешать работе последней, — поднимало крик о нарушении *партийцами* «партийного права», о попрании *ими* «партийной морали», о «фракционности» тех, кто вел и ведет борьбу против-анти-социал-демо-

кратических кружков, органов и групп. Задачей партийцев было в каждый данный момент этой борьбы, на каждом ее этапе поднимать все возбужденные ею вопросы с плоскости склоки, формалистической схоластики, торга об уступках на высоту принципиальной размежевки. Задачей врагов партии и их защитников было каждый вопрос превращать в арену самой мелкой склоки, самого отвратительного интригантства, самого низкопробного торга. Их расчет был прост, расчет на запутывание дела.

Но лишь до известного момента можно было путаться в сетях «легальности», защищаемой Мартовым, лишь до известного момента можно было не понимать значения «нефракционности», отстаиваемой Троцким, лишь до известного момента можно было поддаваться на удочку кликов о «практике», по-диллетантски противопоставляемой «распрям».

Задачей было поставить все вопросы на надлежащую почву идейной размежевки между революционной соц.-демократией и партией легалистов-независимцев. Этот момент идейной ясности должен был наступить. До этого момента *колебания* могли быть *исканиями,* но с этого момента колебания становятся *преступлением,* уступкой открытой партии независимцев.

Две партии вполне определились, все прикрытия сброшены, вся формалистическая схоластика отодвинута в сторону. На сцене две партии, две организации, два центра. Выбор почти всеми группами сделан. Выбрал Троцкий, призвав З. Б. Ц. К., объявленный «совещанием цекистов» антипартийным, ликвидаторским учреждением, «единственной руководящей общепартийной организацией за границей (см. резолюцию ред. «Правды» в № 21). Выбрали впередовцы (выбрали, конечно, ликвидаторов). Надо дать себе отчет в значении этого выбора, понять, что дальше всякие колебания, всякая нерешительность в борьбе за Р. С.-Д. Р. П. — преступление против нее.

* * *

Когда, благодаря работе большевиков, вопрос о двух партиях, о революционной соц.-демократии и независимом (от партии и социализма) легализме был, наконец, поставлен во весь свой рост перед русскими соц.-демократами, когда явно дело приблизилось к тому, чтобы — несмотря на всю склоку и через все препятствия — *выбирать* между Р. С.-Д. Р. П. и группой «Нашей Зари», «Возрождения», «Голоса», — агенты открытой рабочей (?) партии сделали попытку утопить весь вопрос, аннулировать все результаты предшествующей идейной борьбы методом грандиозного шантажа. При молчаливом одобрении и явной радости всех, кого раздражала борьба партии за собственное существование, «Г. С.-Д.» издал брошюру г. Мартова, призванную, по мысли автора, издателей и их защитников, окончательно задушить врагов ликви-

даторства и открытой рабочей (?) партии в волнах изрыгнутой г-ном Мартовым грязи. Эта попытка зловонием изрыгаемой грязи уничтожить плоды идейной размежевки между Р. С.-Д. Р. П. и легалистами-независимцами — не случайна; это лишь этап в борьбе «вехистов среди марксистов» с революционной социал-демократией.

IV. Оргия шантажа.

Брошюра г. Мартова: «Спасители или упразднители?» заслуживает внимания нашей партии потому, что представляет — хронологически и логически — последний, крайний момент в борьбе врагов партии против революционной социал-демократии. Борьба с последней ведется в этой брошюре такими способами, к которым даже враги соц.-дем. прибегают лишь в самом крайнем случае, когда все *не*-шантажные, *не*-полицейские, *не*-циничные способы борьбы с идейными противниками — исчерпаны до дна и уже доказали свое бессилие. Павшим до такого предела врагам соц.-дем. — некуда больше итти. Еще один шаг, и гг. Мартовы перешагнули бы и ту границу, которую покуда ставят своей борьбе с социал-демократией и гг. из «Вех», — границу полицейского участка.

Схватить за шиворот человека, занесшего уже ногу над этой пропастью, — долг человеколюбия.

Рассказать, что привело его к жизни такой, — печальная обязанность, подсказанная долгом борьбы с врагами революционного пролетариата, под какой бы отвратительной и грязной маской они ни скрывались.

В своем нарочито-сумбурном, рассчитанном на оглушение читателя, лживом доносе на Р. С.-Д. Р. П. г-н Мартов отстаивает следующие три тезиса:

1. Большевики, члены Б. Ц., совершили ряд преступлений, несовместимых со званием должностных лиц партии; они заслуживают изгнания из партии.

2. После того, как Ц. К. партии, рассмотрев эти поступки, не только не изгнал большевиков, членов Б. Ц., из партии, но назначил их на ряд важнейших постов в партии, они в личных и кружковых интересах методами нечаевщины, денежным давлением и сознательным нарушением правил конспирации сорвали решения Ц. К.

3. Меньшевики-голосовцы согласны все это предать забвению и работать с большевиками, членами Б. Ц., если их силы будут уравновешены с силами большевиков и поляков в Центральном Органе.

В своей совокупности эти три тезиса дают полный состав *шантажа*.

«Шантаж есть вымогательство (вынуждение) при помощи морального принуждения; прибегающий к шантажу может действовать угрозой обвинения в фактах ложных, или угрозой разоблачения фактов действительно верных».

Французский юрист (Frozier-Fiermeux), из труда [1]) которого заимствовано это определение, добавляет в одном из следующих параграфов (§ 9), что необходимым элементом шантажа является «угроза, имеющая целью получение незаконного барыша».

Шантаж политический заменяет в этом определении уголовно-наказуемого шантажа лишь материальный «барыш» — барышом политическим.

Г-н Мартов не стремится к материальному барышу; — его цель усиление своего влияния в делах партии. И для достижения этой цели, которой он не может и не мог добиться легальными путями, он прибегает к вымогательству обоих типов, предусмотренных французским юристом: и к обвинению в фактах ложных и к спекуляции фактами верными, но утерявшими уже всякое политическое значение.

Шантажистский характер действий г. Мартова (и всей редакции «Голоса С.-Д-та») не мог укрыться от глаз уже тогда, когда его последний донос на партию еще не вышел из-под его пера во всем своем великолепии.

Очень скоро после пленума в ред. Ц. О. имел уже место такой случай: г-н Мартов потребовал от большинства редакции отказа в напечатании неприятной ему заметки, касавшейся прений *о профессиональном движении,* бывших на пленуме (где один из цекистов-меньшевиков солидаризировался в данном вопросе с большевиками), под угрозой разоблачения не подлежавших печатанию резолюций Ц. К. (что он и сделал в своем доносе). Заметка, не понравившаяся г. Мартову, не была напечатана, при чем его поведение шантажиста было заклеймено именно как шантажное в письме польского члена ред. Ц. О. т. Вара.

Большевики в редакции, конечно, считали невозможным уступать перед угрозами шантажиста и полосовали за помещение статьи.

Целый ряд шагов в том же направлении вызвал уже недвусмысленную оценку как со стороны большевиков, так и со стороны *партийных меньшевиков.*

В № 2 «Дискуссионного Листка» в ст. т. Ленина мы находим следующие недвусмысленные строки, написанные задолго, за год до появления доноса г. Мартова, но вполне точно характеризующие *всю* политику шантажистов в партии, а след., и новоиспеченный их донос.

«Если теперь (после разбора дел Ц. К.) Аксельрод и Мартов с К° в «Необх. дополн.», Алексинский и К° в листке

[1]) Répértoire général alphabétique du droit français», T. X. P. 1893 p. 123 (§ 1).

впередовцев пытаются опять вытащить на свет божий обвинения против Б. Ц., сплетни, клеветы, ложь и инсинуации, — то эти господа сами изрекают себе приговор. Отрицать то, что пленум *единогласно* обвинения их рассмотрел, *все* обвинения своей резолюцией отмел и признал отметенными, — отрицать этого нельзя, отрицать этого ни те, ни другие герои склоки не могут. А если так, то для всех и каждого ясно теперь, что поднимающие опять склоку (Аксельрод, Мартов, Алексинский и К°) — просто политические шантажисты, желающие сплетней замять принципиальные вопросы. И иначе, как политических шантажистов, мы их третировать не будем» [1]). Г-н Мартов, вы были предупреждены!

Чтоб показать, что насчет приемов г-д Мартова и К° не может быть двух мнений, что их дорога была ясна наблюдателям уже задолго до выпуска последнего «произведения» ред. «Г. С.-Д.», приведем еще слова не-большевика, а меньшевика, тов. П. Дневницкого.

«Всего несколько *недель* (курсив наш) назад те же редакторы-авторы заседали на собраниях пленума и единогласно выносили резолюции, единогласно проповедывали объединение. Единогласно приняли постановление относительно некоторых «нарушений партийной дисциплины». Если за этими «нарушениями» скрывались какие-нибудь преступные дела, как смели они, новоявленные пророки и обличители, как смели они молчать, почему взяли на себя ответственность? А взявши, зачем выносят на улицу сор? Неужели... тяжело, трудно выговорить... неужели перед нами обыкновенный «уголовно-преступный» шантаж? Мы будем молчать, но не троньте ликвидаторов... А когда обманулись в своих расчетах, снова принялись кричать: «Криминал!» Казалось бы, это невозможно. И однако...» [2]).

Т. Плеханов столь же определенно высказался по поводу людей, стремящихся заработать «политический капиталец» «на уголовщине».

Резолюция Ц. К., упомянутая выше, гласит:

Об отступлениях от партийной дисциплины.

Констатируя, что за время от Лондонского съезда в связи с делами... [3]) в партии имели место факты, противоречащие

---

[1]) «Дискуссионный Листок» № 2, стр. 7.

[2]) «Д. Л.» № 2, стр. 24. Как видит читатель, эти слова были вызваны поведением г.г. редакторов уже через *несколько недель* после пленума. Получив через *год* после него брошюру г. Мартова, мы не были очень удивлены.

[3]) Необходимо отметить, что большевики были против этих «точек» и в первой же статье, посвященной оценке пленума, тов. Ленин раскрыл их смысл, указав, что под ними скрывается слово «экспроприация». «Д. Л.» № 2, стр. 7.

партийным резолюциям, что некоторые товарищи совершили поступки, нарушающие партийную дисциплину; но имея вместе с тем в виду, что:

1) в намерения указанных товарищей не входило вредить интересам партии,

2) что товарищами, против которых выдвинуты обвинения, руководили лишь неправильно понятые интересы партии,

3) что это неправильное понимание объясняется к тому же по отношению к некоторым делам атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс,

4) что организационные правонарушения и отступления от партийной дисциплины в некоторых из вышеупомянутых дел тесно связаны с существованием фракций и их борьбой внутри партии, —

Ц. К. решительно осуждает подобные отступления от партийных резолюций и нарушения партийной дисциплины и считает необходимым принять все меры к тому, чтобы такие явления впредь в партии не имели места.

Из этой резолюции совершенно ясно, что Ц. К., имевший возможность рассмотреть все «дела о Б. Ц.» полностью и всесторонне (даже г. Мартов не сумел прибавить ни одной новой черточки к тому, что было перед глазами Ц. К.), не нашел в них решительно ничего ни морально-недопустимого, ни политически бесчестящего или преступного, что, наоборот, констатируя «нарушение партийной *дисциплины*» и «*организационные* правонарушения», Ц. К. тут же указывал на то, что эти дисциплинарные, организационные нарушения стоят в теснейшей связи, во-1-х) с политической «атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс», во-2-х) с «существованием фракций (не одной большевистской фракц*ии,* а фракц*ий)* и их борьбой внутри партии».

Ц. К. говорит: были фракц*ии* (что уже само по себе представляет «организационное правонарушение») и в атмосфере их взаимной борьбы неизбежен был ряд нарушений дисциплины.

Это значит, что Ц. К. рассуждал политически, в то время как г. Мартов, воскрешая политически-ликвидированные дела, рассуждает как шантажист, как человек, стремящийся *использовать* партийную ситуацию в кружковых целях.

Тов. Дневницкий прав. «Не троньте ликвидаторов», и мы забудем о каких бы то ни было «преступлениях». Иначе: продаемся за еще одно местечко в ред. Ц. О.» — вот цена ред. «Голоса С.-Д.».

Не покупаем, г-н Мартов!

Ликвидаторство — принципиальный враг революционного социализма и борьбу с ним со стороны революционных маркси-

стов вы не остановите ни шантажными угрозами, ни полицейскими доносами, ничем. Не судите по себе, г. Мартов.

Против шантажистских приемов воскрешения дел, давно разобранных и сданных в архив единогласным постановлением Ц. К-та, мы могли бы выдвинуть одно: постановление Ц. К-та по этим делам и его назначение товарищей, — по сведениям г. Мартова, — к этим делам причастным на виднейшие посты в партии, больше того, на посты *руководителей* партии.

Вам, милостивые государи, следовало или выступить против Ц. К., назначившего на эти посты «преступников», как выступил, скажем, Г. В. Плеханов и большевики против казавшихся им неправильными решений пленума по ряду других вопросов, или отогнать от себя соблазн мелких и крупных шулеров — шантаж.

Вам следовало объявить «преступным» сам Ц. К., передавший руководство партии «преступникам». Но вы не смеете, не можете этого сделать, *ибо сами в Ц. К-те голосовали за эту передачу*.

И, вместо того, чтобы объявить «преступными» решения Ц. К-та, вы предъявляете свою готовность удовлетвориться лишним местечком рядом с «преступниками» в этом Ц. Комитете и в его литературном органе. Запутаться в собственных сетях — общая участь шантажистов.

На свой страх и риск и с шантажными целями вы возбуждаете пересмотр дел, уже решенных. Вы для этого должны были: 1) нарушить постановления Ц. К. о неопубликовании ряда его резолюций, 2) дать полиции ряд недоставлявших ей указаний и прокурорам недоставлявший им «справочник» для составления обвинительных актов, 3) пожертвовать достоинством партии во имя своих кружковых и личных интересов, во имя борьбы за местечко.

Хорошо. Допуская, что все это делается в целях исключительно политических, в интересах партии легалистов-независимцев, ведущей войну с Р. С.-Д. Р. П., и члены которой не стесняются в этой борьбе нарушать самые элементарные правила революционной этики, мы ограничимся лишь тем, что покажем заведомо недобросовестный, шантажистский характер всего этого выступления.

Все «преступления» Б. Ц. концентрируются в одном: большевики создали внутри партии «собственную, крепко-централизованную, организацию с центром (Б. Ц.), ответственным перед одной лишь большевистской фракцией» (г. Мартов, стр. 17) и с собственной фракционной кассой.

Верно!

На фракционных собраниях во время Лондонского съезда делегатами большевиками было постановлено: для обсуждения всех и всяческих вопросов, возникающих в процессе работы партии, члены Ц. К. — большевики (5) должны привлекать к обсуждению

большевиков-кандидатов в Ц. К., указанных и утвержденных съездом (10) плюс двух литераторов, не кандидатов в члены Ц. К., которые тут же были указаны. Чем было подсказано это решение? — Борьбой фракций внутри лишь недавно объединившейся партии.

Для характеристики положения достаточно одного факта: все резолюции, представленные на Лондонский съезд, были предварительно обсуждаемы и выпущены в свет двумя группами: одна из них подписывала эти проекты резолюций, как «Группа меньшевиков литераторов и практиков», другая — как «Совещание редакции «Пролетария» с местными работниками». Мало того. Выборы в Ц. К. на Лондонском съезде производились по фракциям и *фракциям же было предоставлено съездом замещать членов Ц. К. кандидатами,* по собственному выбору определяя их очередь.

Мы не знаем (и не считаем важным), была ли «группа меньшевиков» оформлена на Лондонском съезде или попрежнему г. Дану было предоставлено приглашать на свои совещания «практиков» по своему выбору. Мы знаем только, что *после Лондонского съезда* выходили гектографированные листки «Ко всем меньшевикам», в которых анонимная «группа меньшевиков» не только сообщала о решениях, принятых ею по поводу политических вопросов, но и давала отчет своей фракции по поводу поведения членов Ц. К. м-ков в самом Ц. К.

Большевики эти совещания, существовавшие у них, как и у м-ков, — оформили, указав цекистам-большевикам ту группу литераторов и те организации, с которыми первым надлежало совещаться.

Далее. Мы не знаем, удавалось ли «группе м-ков» издавать отчеты о своих совещаниях и давать свои директивы «всем м-кам» при помощи дарового гектографа, неоплаченной бумаги и частным образом добытых чернил.

Но б-ки не скрывали, что функционирование «группы» подозревает существование у этой группы своей «кассы».

Далее. Мы не знаем, какие задачи ставила себе «группа м-ков», функционировавшая после Лондонского съезда. Но судя по тем листкам, которые мы видели (почему бы вам не издать их, господа!), она не чуждалась ни плана м-кского органа (газеты) ни установления связей с местными м-ками в целях выработки единообразного фракционного мнения по политическим вопросам и единообразной линии внутри-партийного поведения.

«Ведь что такое «Г. С.-Д.» для «меньшевиков» известного направления? — писал т. Плеханов. — Это их фактический фракционный, — и при том безответственный, — центр. (Днев. С.-Д. № 11, стр. 18).

Б-ки (Б. Ц.) же прямо получили поручение продолжать издание газеты ряда комитетов — «Пролетария», заботиться о его

финансировании, поддерживать связи с местными работниками и т. д.

Пойдем еще дальше. Фракционная сплоченность б-ков была больше фракционной сплоченности м-ков, Б. Ц. (благодаря именно своему демократизму) пользовался большим значением среди б-ков Петербурга, Москвы, Урала, чем «группа м-ков» среди м-ков Петербурга, Москвы, Кавказа [1]); средства редакции «Пролетария» были под таким контролем, под которым никогда не находились средства «меньшевистской группы», редакции упомянутых листков, скоро превращенных в «Г. С.-Д.», вообще все средства, проходившие через руки м-кских «вождей».

Этот контроль находился всецело в руках представителей местных организаций, которые периодически проверяли расходы большевистской организации. Отчет товарищей, — между ними были члены Петербургской, Московской и некоторых других организаций, — выбранных на последнем собрании большевистских организаций — в мае 1909 г. — гласил, что вся отчетность проверена и расходы одобрены.

И мы спрашиваем у господ из «Гол. С.-Д.», господ Мартова, Потресова, Дана: давали ли они когда-нибудь и чувствуют ли они потребность дать отчет представителям рабочих организаций в расходовании тех средств, которые ими тратятся на свои издания и на их организационные дела.

Мы же смело можем сказать, что любой большевик, интересовавшийся делами большевистского течения в целом, всегда мог быть осведомленным в расходовании средств Б. Ц.

Характер расходования денег большевистской организацией настолько ясен, что сам г. Мартов не может его извратить, не может не констатировать:

> «Со времени Лондонского съезда до прошлогоднего пленума «большевистский центр «доставлял *ежемесячно* Петербургскому Комитету 1.000 руб. и Московскому—500 руб. [2])...

---

[1]) На слабость фракционной сплоченности меньшевиков после Лондонского съезда жаловалась редакция «Голос С.-Д.» еще в 1909 г. Отрицая с ясным лбом существование меньшевистского «фракционного центра, фракционной кассы, фракционных съездов» (последние, может быть, и правда), редакция недвусмысленно вскрывает свои потаенные мысли, продолжая: «отсутствие фракционной организации имело для меньшевиков и невыгодную сторону, затруднив им выработку своего коллективного мнения, как особого течения» («Голос С.-Д.» № 18, стр. 4). Милостивые государи, это есть оправдание фракционной сплоченности большевиков при существовавшей борьбе течения.

[2]) Г-н Мартов с удовольствием отмечает, что с прекращением этого «субсидирования» (после передачи кассы Б. Ц. в Ц. К.)—«исчезли и самые комитеты обеих столиц». Приятно... для ликвидаторов. Говоря откровенно, мы предпочитаем комитеты, даже «субсидируемые» их собственным выборным органом, каковым был Б. Ц., отсутствию комитетов, купленному воцарением в партии самой законной, центральной (в отличие от фракционной)

Центральный орган и З. Б. Ц. К., функционировали исключительно на средства Б. Ц.» [1]).

Г-н Мартов не был неправ, если бы добавил, что на средства Б. Ц. издавался «Пролетарий», — орган ряда комитетов, — что при его помощи издавался ряд местных газет (не только нелегальных), и т. д., и т. д. Никаких расходов другого типа не указывает даже и г. Мартов.

Что же выходит? — Деньги, скоплявшиеся в кассе большевистского центра, расходовались — под контролем местных организаций — на нужды местной и центральной партийной работы; и это как раз в то время, когда средства, скоплявшиеся в руках «вождей» меньшевиков без всякого контроля рабочих организаций — во избежание этого контроля было очень умно поддерживать фикцию отсутствия подобного центра — тратились на цели, с поддержкой местных и центральных учреждений партии ничего общего не имеющие. Мы по крайней мере не знаем ни одного случая, когда бы меньшевики с своей стороны предоставили бы медный грош на нужды Центрального Комитета, партийных — нелегальных и *легальных* — изданий, местных организаций. Вероятно они делали это из слишком горячей ненависти к «фракционным кассам».

Итак. Верно, что с Лондонского съезда, — рядом с меньшевистским центром, — был оформлен большевистский центр, состоящий из 5 цекистов-большевиков и 10 кандидатов в Ц. К. большевиков, одобренных съездом, плюс 2 литератора, ответственный и подконтрольный большевистским членам местных организаций, направлявший стекавшиеся к нему средства на нужды центральных и местных учреждений партии, на партийную литературу и т. д.

Но от м-кского центра этот центр отличался только демократическим (а не олигархическим) характером, только партийным

бухгалтерии. Мы с г-ном Мартовым различно относимся к самому существованию П. К. и М. К.; отсюда и наше различное отношение к бухгалтерии. Не наоборот.

[1]) Г-н Мартов, стр. 18. На той же странице, перечисляя на что расходовал Б. Ц. свои средства и возмущаясь этими расходами, г. Мартов с забавной непоследовательностью возмущается тем, что Б. Ц. будто бы «отказался оказать материальную поддержку избирательной кампании в Петербурге» (осень 1909 г.). Это заведомая ложь, на которую идет г. Мартов потому, что знает: 1) что тот представитель Б. Ц. — член Ц. К., который получал указанную поддержку для избирательной кампании — находится в руках полиции и не может уничтожить лжи Мартова тремя словами: «вся избирательная кампания велась на средства, полученные от Б. Ц.»; 2) что мы не можем назвать — по полицейским же соображениям — того предприятия, которое возникло в целях избирательной кампании, держалось деньгами из того же источника и которому г-да Мартовы, Даны, Потресовы оказали — увы! — лишь моральную поддержку, хотя оно нуждалось скорее в их *средствах*, чем в их рассуждениях.

(в отличие от анти-партийного) характером своей деятельности и — в результате — характером стекавшихся к нему симпатий.

Меньшевистский центр держался симпатиями либералов, основывал свои предприятия на *либеральных издателях* («Общественное движение», «Наша Заря» и т. д.) [1]).

Г-да ликвидаторы вышли из революции с симпатиями либералов, со связями с либеральными денежными мешками, с либеральными издателями, с возможностью проводить свои взгляды — свои мысли и свое бессмыслие — на страницах либеральных и полулиберальных изданий, с приглашениями фигурировать рядом с «Санины» [2]), Туган-Барановскими, работать под редакцией Максимов Ковалевских и т. д. и т. д. Большевики вышли из революции так, что к ним продолжали отчасти тянуться стихийно-революционные элементы.

Истина в том, что в то время как меньшевики привлекали к себе симпатии г.г. либералов (для примера вспомните, хотя бы, передовицы «Речи» эпохи вторых выборов, отношение «Товарища» и т. д.), большевики привлекали к себе симпатии стихийно-революционных элементов рабочего класса. Было неизбежно в русской революции, чтобы партия пролетариата-гегемона привлекла к себе элементы из буржуазной и мелко-буржуазной среды. Вопрос заключался в том, какое из течений в соц.-демократии окажется способным ассимилировать эти привходящие элементы, какое из них сумеет освободить социал-демократию от этих элементов, раз последние предъявят претензию на какое-либо руководящее

[1]) Это не значит, что деньги, добытые путем экспроприаций, не притекали и в кассу меньшевиков. Наоборот. Это факт, на который *в пределах высших учреждений партии* большевики указывали уже не раз и перед которым они поставили меньшевиков лицом к лицу в специальном заявлении, внесенном в Ц. К. во время его августовского (1908 г.) заседания. Г-ну Мартову первому заблагорассудилось вынести это «дело» в печать. Мы вынуждены итти за ним на эту им выбранную арену и заявить, что *мы продолжаем утверждать, что меньшевистская фракция отнюдь не чуралась ни эксов, ни экспроприированных денег.* Заявление г. Мартова, что будто бы большевики отказались от этого своего утверждения на пленуме Ц. К. — *заведомая ложь.* От чего мы действительно отказались, это — от эксплоатирования в фракционных целях этого рода «дел». Но от этого нам нечего было и «отказываться», ибо с самого начала никакого «судебного процесса» для меньшевиков по поводу «этих» «дел» мы и не стремились создать (подробнее см. «документы», где мы перепечатываем заявление члена Ц. К. — большевика И., поданное им во исполнение заявления в Ц. К., подписанного Лениным, Максимовым и др.).

[2]) За допущение которого на свои страницы они *теперь* ругают «Современный Мир», хотя со своеобразной «последовательностью» устраиваются так, что фигурируют на его страницах и помалкивают о своем якобы критическом отношении к политической физиономии журнала, когда там печатаются г.г. Арцыбашевы и Туган-Барановские и громогласно выступают со своей критикой — критикой задним числом — как раз тогда, когда редакция, видимо, эмансипируется не только от сотрудничества этих господ, но и от ликвидаторства. Принципиальные люди! Принципиальная полемика!

политическое значение в пролетарской партии. Тут-то и выступила основная разница в тенденциях развития обоих течений: в то время как симпатии либералов к ликвидаторам ведут все больше, как мы видели, к ассимиляции ликвидаторов либералами, большевики успели настолько ассимилировать себе некоторые элементы стихийно-революционной среды, что отказ большевиков от партизанства привел к полному и решительному отказу от эксов и этих последних. С теми же, кто с нами в этом разошелся, мы порвали безоговорочно.

Тогда-то эти более или менее «отзовистские» и «впередовские» элементы нашли себе полную поддержку в ликвидаторах, лицемерно взявших их под свою защиту с единственной целью: воспользоваться их более или менее мнимыми претензиями — этому неизбежному спутнику всякого раскола — к Б. Ц. для дискредитирования партии.

Именно тогда, когда в атмосфере контр-революции выступили их антипартийные черты, когда большевики порвали с ними, их взяли под свою защиту, с ними вступили в ближайший блок Мартовы и Троцкие.

Анархические элементы, оставленные за пределами Б. Ц. после того, как они неудачно попытались воздействовать на его политическую линию, беззастенчиво эксплоатируемые в целях дискредитирования революционного социализма либералами — ликвидаторами — вот действительная почва обвинений против большевизма, пущенных в ход с единственной целью затруднить борьбу Р. С.-Д. Р. П. против врагов социал-демократии.

Вот почва, на которой возникли *все* обвинения, преподнесенные в доносе г. Мартова.

Этим самым г-да ликвидаторы принуждены не только к тому, чтобы щадить своих союзников — «впередовцев», но и к тому, чтобы прямо потворствовать им.

Этим объясняется, что целый ряд обвинений, предъявленных ранее г. Мартовым членам группы «Вперед», частью искусно стушеваны им, частью превращены в обвинения анонимные (что, конечно, отнюдь не лишает их первоначального клеветнического характера) и в искусном сплетении представлены обвинением против того же Б. Ц. Система очень ловкая!

Этим объясняется и то, что к группе «Вперед» г. Мартов проявляет самое любезное, можно сказать, отношение. Конечно, он кое в чем с ней не согласен, но он не забывает, что в походе против Б. Ц. это — друзья, без которых и вообще то, пожалуй, нельзя было состряпать всего обвинения. Он забывает, поэтому, упомянуть о ней и ее членах как раз тогда, когда этого упоминания поневоле ждешь [1]).

[1]) Группа «Вперед» платит за это г. Мартову полной взаимностью. Нет, поистине, ничего более... поучительного, как наблюдать, как эта группа,

Но быть может для обрисовки шантажистских приемов «Голоса С.-Д.» и г. Мартова характернее всего следующее.

В одно из партийных учреждений, членом которого состоит и делегат «Г. С.-Д.», был внесен тт. большевиками протест против какого бы то ни было содействия одному фракционному учреждению в виду, между прочим, факта владения указанным учреждением «огромными денежными средствами, *характер которых отлично известен всем членам центральных учреждений*» (цитирую заявление). Когда, несмотря на это, член данного партийного учреждения — голосовец реально оказал содействие этому учреждению, он должен был признаться, что «т. Х. (большевик) в присутствии остальных членов убеждал меня не делать этого, предупреждая, что в противном случае я буду сожалеть о своем поступке и буду иметь неприятности». (Цитирую официальное заявление голосовца.)

И, однако, указанный голосовец, ближайший агент г.г. Мартова и Дана, все мыслимое для него содействие указанному учреждению оказал.

Несмотря на все указания б-ков, несмотря на то, что действительно члены центральных учреждений партии не могли не знать «характера» этих денежных средств, группа «Г. С.-Д.» не только ни словом не обмолвилась об этих «денежных средствах», не только забыла при этом случае все свои «принципы» и все свое благородное негодование, *но активно содействовала предприятию, непосредственно связанному с этими «денежными средствами»*. Редакция «Г. С.-Д.» поступила в данном случае даже откровеннее Троцкого, который думал застраховать себя от упреков в антипартийном поведении тем, что раньше, чем оказать этому предприятию реальную помощь, написал громозвучную статейку против «бандитов».

Может быть этой черты только и не хватало для полной характеристики той оргии шантажа, в которой купается почтенная компания редакции и сотрудников «Г. С.-Д.».

Эта редакция умудрилась одновременно поднять шантажистскую компанию против распущенного Б. Ц. по поводу дел, рассмотренных и ликвидированных пленумом и имевших место в 1907 году и одновременно же помочь лично (через ближайших сотрудников

щеголяющая перед рабочими своим «непримиримым большевизмом», на деле помогает г.г. Мартовым и Игоревым вести их борьбу против революционной социал-демократии. Фактически роль этой группы сводится к тому, что она защищает ликвидаторство и оппортунизм в партии против революционных марксистов, что между теми и другими, когда приходится выбирать, она выбирает первое, а перед рабочими парадирует революционными словечками. Фракции более лицемерной, более беспринципной, более напоминающей не политическую группу, а собрание раздраженных самолюбий и разобиженных «вождей в отставке» не видела еще наша, столь богатая фракциями, партия.

«Г. С.-Д.». Nomina sunt odiosa) и морально политически активной группе в предприятии, связанном с подобного же рода делами, но имевшими место не четыре года назад, а уже *после* пленума. Хороши?

После этого можно оценить всю ту степень искренности и заботы о партии, которая руководит этими «охранителями чести» последней.

И эти-то люди хотят, чтобы кто-либо поверил, что ими руководят честные соображения, забота о партии, мысль о ее чести, полагают, что к их обвинениям можно отнестись иначе, как к приемам шантажистов.

Такова почва, на которой возникли обвинения, таков их смысл, такова их цель. Этого покуда достаточно, поелику в своей задаче разоблачения политического значения ликвидаторства и его политических приемов мы отказываемся заполнять нашу работу «сенсациям», разбором скандальчиков и пр. и т. п.

Но поскольку г. Мартов первый в партии вынес в литературу целый ряд подобных «сенсаций», мы вынуждены восстановить реальные очертания вытащенных им в печать «дел». Читатель найдет необходимые пояснения в «приложении».

Когда Фохт, бренча бонапартовскими денежками, выступил со своей грязной брошюрой против Маркса (там тоже не было недостатка в обвинениях и в способе действий по образцу «каморры» и в создании «азефской атмосферы» и — даже — в прикосновенности к изготовлению фальшивых бумажек! скучная и старая это история!), Лассаль писал Марксу: «Тебе самому и *всей* нашей *партии* (подчеркнуто Лассалем. Ю. К.) наносится самый серьезный вред этим описанием, которое достаточно искусно подтверждается полуфактами, чтобы всякому, не обладающему острым зрением, все представилось бы чистой правдой». Брошюра г-на Мартова написана по тому же методу. Но так же как ошибался Лассаль насчет количества вреда, которое могло причинить Марксу подлое произведение Фохта, так же ошибаются и друзья Мартова в своих расчетах на роль произведения последнего, ни в чем, впрочем, не уступающего брошюре Фохта.

Рабочий класс в России обладает достаточно «острым зрением», чтобы с презрением отбросить с своей дороги инсинуации и клеветы против революционных социал-демократов не только тогда, когда они исходят из уст Столыпиных и Курловых, но и тогда, когда они подписаны Мартовым и изданы «Г. С.-Д.».

И во всяком случае уже теперь можно сказать одно: г-дам шантажистам и их союзникам не удастся ничем задержать роста негодования и презрения русских рабочих к деятельности легалистов-ликвидаторов, не удастся им также отвести этого негодования в другое русло.

Чем «сильнее» средства, к которым они в этих целях в отчаянии прибегают (а вряд ли они способны предложить что-либо превосходящее изделие г. Мартова), тем яснее становится неизбежность их краха.

V. Где выход?

Возводимому с таким усердием зданию шантажа суждено похоронить под своими развалинами лишь самих строителей. Пыль и мусор, поднятые этими последними, неспособны, однако, задержать развития партии. В каком направлении лежит путь ее дальнейшего роста? Где выход из обрисованного положения?

Выход из тяжелого положения, в котором находится Р. С.-Д. Р. П., в ясном сознании противоположности ее задач и задач открытой рабочей (?) партии, в укреплении ее связи с широкими кругами рабочих. И для того и для другого даны уже все необходимые предпосылки и в итогах идейной борьбы внутри партии и в объективных условиях развития контр-революции.

Вопреки тому, что думают идеологи независимцев, контр-революция не пришла ни к «самоисчерпанию» ни к перерождению в «более или менее европейский конституционализм». Наоборот. Во всех сферах — в области народного представительства, как и в области рабочего и аграрного вопроса — она пришла лишь к обострению всех вопросов, показав в то же время, что она совершенно бессильна найти в своем арсенале какие-либо средства эти вопросы разрешить. Ни путь внешних авантюр, ни путь внутреннего социал-реформаторства — контр-революция испытала и то и другое — не дали ей в руки орудия разрешения вопросов, поставленных революцией. Идея г.г. Струве и Ларина, что контр-революция, поняв интересы капиталистического развития страны, уже вполне расчистила последнему путь для движения вперед, оказалась пустейшей утопией. Вместе с тем потерпела и полное крушение идея г.г. Мартова и Дана о буржуазии, постепенно, рядом частных уступок, вырываемых у дворянства, «поднимающейся к власти» и тем, незаметно для последнего, реформирующей «нынешний двусмысленный лжеконституционализм в конституционализм более или менее европейского вида». Никакого места не оказалось в действительности и для основной тактической посылки «открытой рабочей (?) партии», заключающейся в том, что, предоставив буржуазии вырывать уступки у дворянства и этим путем итти к власти, пролетариат должен отказаться от «гегемонии» и сосредоточиться на требованиях «чисто-рабочих».

Действительное развитие сметает все эти построения, обнаруживает на каждом шагу всю их мертвенность. Оно дает как раз обратную картину и диктует диаметрально противоположную.

Пытаясь стать на путь буржуазного реформаторства, контр-революция как раз и обнаруживает свою полную неспособность к перерождению в буржуазный конституционализм не только «более или менее» европейского типа, но даже «более или менее» октябристского типа. По-революционная монархия становится таким же внешним препятствием для национального развития, рвущегося вперед, как в свое время монархия до-революционная. Как тогда, так и теперь нет условий для «поднимания к власти» буржуазии путем частных уступок дворянства в пределах данной системы. Как тогда, так и теперь пролетариат не имеет никакой возможности ограничить свои задачи вырыванием уступок у буржуазии, предоставив *ей* завоевывать власть. Наоборот. Как тогда, так и теперь объективные условия ставят перед пролетариатом задачу революционного разрушения твердынь старого порядка, ибо только оно даст гарантии свободного развития классовой борьбы за социализм.

К чему собственно сводится схема наших противников? — Революционный напор на твердыни старого порядка не является больше задачей «низов»; их медленное и постепенное разрушение, распыление явится делом буржуазии.

Нет ничего утопичнее и вредней этой схемы. Она совершенно устраняет из поля зрения партии и пролетариата основную задачу, поставленную и неразрешенную революцией и лишь обостренную контр-революцией: задачу революционного ниспровержения старого порядка и завоевания власти демократическими низами.

Никто не знает (как не знал никто до октябрьско-декабрьских дней форм кризиса 1905 года), какие формы примет новый кризис; никто не может предсказать до какой степени широты и глубины разовьется новый кризис. Но всем, не окончательно погрязшим в кадетской и мирнообновленческой маниловщине, ясно, что мы идем именно к кризису. Перед лицом этого грядущего кризиса социал-демократия не может предложить вниманию пролетариата какого-либо «нового» тактического принципа, кроме того, на который указывала она и до 1905 года и который в революции был воспринят пролетариатом.

В чем заключается этот основной тактический принцип? — В том, что пролетариат должен встать во главе натиска всех борющихся сил на «старый режим» *для того, чтобы довести эту борьбу до такого предела, который гарантировал бы пролетариату максимальную свободу его классовой организации и максимально-свободную арену для его социалистического движения.* Свобода классовой организации, очищение общественной арены от всех исторических пережитков, загромождающих путь пролетариата к социализму, — это было, есть и должно остаться верховным критерием политики социалистического пролетариата. Только тогда, когда политика пролетариата руководствуется этим крите-

рием, не возникает ни малейшего противоречия между его *специфическими* задачами и интересами, как класса наемных рабочих, и его участием в общедемократическом движении.

Руководимый этим критерием рабочий класс в русской революции показал пример самой решительной борьбы со «старым порядком» во главе всех демократических не-социалистических сил страны, борьбы, проникнутой в то же время сверху до низу отстаиванием специфических, специальных интересов класса наемных рабочих.

Либералы просто, либералы марксиствующие (вроде Череванина или ред. «Обществ. Движения») именно этого не могли простить русскому рабочему классу. Именно за то, что он вносил в борьбу демократии со старым режимом свою борьбу за 8 ч. рабочий день, именно за то, что он соединил политическую борьбу с борьбой экономической, и упрекали эти господа пролетариат. Именно в этом видели они причину поражения его движения, именно в этом видели они причину ослабления всего движения в целом. «Свои специфические интересы, свои экономические требования пролетариат должен отложить в сторону, для того чтобы получить возможность итти рядом с буржуазией в политической борьбе» — так рассуждали наши противники в революции и эту тактику рекомендовали пролетариату. Бедняги не понимали, что они пытаются оспорить неоспоримый факт, побороть непреоборимую тенденцию рабочего движения, в котором революционная борьба против абсолютизма шла рука об руку с расширением экономической борьбы с капиталом.

Роза Люксембург хорошо схватила и обрисовала этот характер борьбы русского рабочего класса.

> «Экономическая борьба не только не отступает на второй план, по мере расширения, выяснения и усиления политической борьбы, — она, напротив, с своей стороны, расширяется и усиливается в той же мере. Между ними существует полное взаимодействие. Каждый новый натиск и каждая новая победа политической борьбы дают могучий толчок борьбе экономической, в то же время расширяя ее внешние границы и повышая внутренние побуждения рабочих улучшить свое положение, повышая их жажду борьбы. Каждая пенящаяся волна политического выступления оставляет за собой оплодотворяющий ил, из которого немедленно выростают тысячи стеблей экономической борьбы. И, наоборот, непрекращающаяся экономическая война между рабочими и капиталом поддерживает боевую энергию во все промежутки политического затишья; она образует в некотором роде постоянный резервуар свежей пролетарской классовой силы, из которого политическая борьба постоянно черпает новую мощь. В то же время неустанное экономическое давление пролетариата поми-

нутно приводит, то тут, то там, к отдельным острым конфликтам, из которых неожиданно вспыхивает в крупных размерах политическая борьба» [1]).

Люди, упрекавшие пролетариат в смешении политического и экономического момента в борьбе, рекомендовавшие ему охранять единство «национального» движения помощью ослабления его борьбы с капиталом, — рекомендовали пролетариату *либеральную* политику.

А когда волна революционного движения упала, когда началось торжество контр-революции, *эти же* люди первые закричали: пусть пролетариат бросит мечтать об «общенациональном движении», о «новом подъеме», пусть он займется *своими,* «чисторабочими» интересами, пусть предоставит буржуазии оспаривать власть у дворянства, а сам сосредоточится на отстаивании своих профессиональных интересов. Противоположное по форме, это «новое» слово было продиктовано той же либеральной мудростью.

И в революции и в контр-революции, — пропагандируя в первом случае тактику «единения» с буржуазией путем отодвигания на второй план экономических и специфически-рабочих требований, а — во втором, — наоборот, — тактику трэдъюнионистской борьбы, отодвигающую на второй план политическую борьбу со старым режимом, — эти люди пропагандировали в обоих случаях, одинаково, либеральную политику для рабочего класса. Они «поправлялись» — из кулька в рогожу.

Но Р. С.-Д. Р. П. в целом, большевикам в частности, не было нужды в таких поправках.

В эпоху революции наша тактика диктовалась нам сознанием, что пролетариат должен итти во главе всех демократических сил страны — и вопреки либерализму — со своими специальными требованиями и во имя их. В контр-революции мы отстаиваем тактику, которая поднимает от местных, частных, профессиональных требований и борьбы за них к постановке *политического вопроса в целом,* которая, исходя из отсутствия данного частного «права» у рабочих, развертывает перед ними революционные перспективы, которая, разрушая иллюзии приобретения путем «частных уступок» отдельных «прав», выдвигает перед сознанием широких масс задачу революционной борьбы против всеобщего бесправия.

И в революции и в контр-революции принцип наш один. И если в революции иллюзия «единства» нации заставляла нас подчеркивать специальные задачи рабочего класса (за что нас Череванины и Мартовы обвиняли в политике изолирования пролетариата!), то в эпоху контр-революции воскресшие иллюзии, трэд-

---

[1]) Р. Люксембург. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Изд. Горской, стр. 49.

юнионизма, «рабочедельства», «экономизма» заставляют нас подчеркивать, что реализация частных и специальных требований рабочего класса связана ближайшим образом с революционным разрушением самых основ современного российского режима (за что те же Мартовы и Череванины упрекают нас в желании потопить интересы рабочих в обще-демократической борьбе!).

Объективный ход развития контр-революции, «исчерпавшей» себя лишь в том смысле, что она не может уже больше править иначе, как путем последовательных, больших и малых государственных переворотов, и в своей нынешней, националистической фазе совершенно обнаружившей свое полнейшее бессилие, все больше выясняет самим широким массам населения и прежде всего пролетариата, что всякая «борьба за права» возможна и реальна лишь в форме подготовки к решительному наступлению на основы современного режима. Именно в этом пункте вновь встречаются требования широких масс и революционная пропаганда социал-демократии. В этом смысле мы можем повторить о нынешнем правительстве Николая Романова то, что сказал Маркс о Бисмарке: «Г-н Бисмарк для нас очень усердствует» [1]). Ведь нет никакого сомнения в том, что на живой политической работе партия свяжется с массами только тогда, если ее революционная платформа даст исход растущему в пролетарских кругах революционному сознанию.

В этом-то, т.-е. во все усиливающемся примыкании к революционной платформе Р. С.-Д. Р. П. широких кругов рабочих, по мере изживания иллюзий «легализма» и «борьбы за легальность», а также по мере краха анархически-«наплевистских» настроений, — и заключается первая гарантия выхода из современного кризиса партии. То оживление политической работы партии, которое будет сопровождать это наростание сочувственной атмосферы вокруг нее, — не нуждается в каких-либо разъяснениях.

Второе условие легко подсказывается тем легко-устанавливаемым фактом, что примыкание рабочих к Р. С.-Д. Р. П. — к ее революционной программе и революционной тактике — имеет своей обратной стороной их возмущение против деятельности, теорий и пропаганды легалистов-независимцев.

Наши противники — и в первую голову «Г. С.-Д.», а за ним его верный оруженосец Троцкий, — напрягают все силы для того,

---

[1]) *Примечание для любителей «отрадных явлений».* То, что, благодаря между прочим «усердию» г-на Бисмарка, то бишь, г-на Столыпина, деятели рабочего движения начинают все больше примыкать к Р. С.-Д. Р. П. и признавать ее значение, отнюдь не обозначает, что мы должны стать снисходительнее к ликвидаторам, проповедь которых лишь задерживает этот совершенно естественный процесс!

чтобы представить борьбу Р. С.-Д. Р. П. против легалистов-независимцев борьбой против открытых форм рабочего движения. Работу партии по разоблачению либерального характера политики сторонников «открытой рабочей (?) партии» они стараются представить, как вгоняние клиньев между работниками нелегальных и легальных отраслей движения. Однако, все эти попытки и старания рассчитаны на неосведомленную или мало-разборчивую аудиторию. Вся история Р. С.-Д. Р. П. в контр-революционную эпоху, все ее резолюции и тактические и организационные решения, вся ее практика за последний период показывают, что дело здесь идет о сознательном подмене спорного вопроса. Усиленное внимание к легальным методам с.-д. работы, специальное внимание к установлению правильного взаимоотношения между этими методами и методами нелегальной организации, пропаганды и агитации — характерная черта истории Р. С.-Д. Р. П. уже с 1907 г. Больше того. Быть может именно нам, большевикам, благодаря нашей борьбе с отзовизмом всех родов пришлось более подробно, чем какой-либо другой группе, выяснять общее значение методов легальной работы в современной России, в специфических условиях переживаемого последней периода. Чаще всего приходилось нам к этому возвращаться и больше всего работать над установлением такой тактики, которая бы сочетала выдержанность революционной программы с «использованием» легальных возможностей «обновленного» строя. Фактом остается, что все заключающиеся в партийных решениях указания на важность этого «использования» — внесены и проведены именно левым крылом партии.

В чем же выражалась в этом вопросе действительная позиция партии и большевиков? — В том, что мы отдавали превалирующее значение вопросу не о том, *где,* а о том, *как,* т.-е. *как* ведется работа, не тому, каковы *формы* работы, а тому, каково ее *содержание*. Вопрос о том, работать ли «легально» или «нелегально», для партии и большевиков подчинялся вопросу о том, чтобы работа эта была работой революционных социал-демократов. Мы одинаково восставали и против фетишизирования «подполья», когда это подполье было подпольем не-социал-демократическим, и против фетишизирования «легальности», поелику «легальная» работа была легальной работой «независимцев» и либералов, а не социал-демократов. Мы требовали всегда, чтобы — легально или нелегально ведется работа — она была работой с.-д. *партии,* партии по самому характеру своей программы и тактики нелегализуемой для Столыпинской России, легализация которой со стороны Столыпина недопустима. «Вгоняя клин» между социал-демократией и либерализмом в рабочем движении, партия должна стремиться, стремилась всегда и стремится теперь к *единству* работников легального и нелегального движения в рядах Р. С.-Д. Р. П.

Р. С.-Д. Р. П.; естественно имеющая свой центр в нелегальном движении и обслуживающая рабочее движение, пользуясь всеми доступными ей возможностями открытой работы, — как думской трибуной, так и всяческими «съездами», легальной прессой и пр. и пр. — таково решение вопроса, отстаивавшееся большевиками и принятое партией.

Смешивать членов с.-д. партии, работающих в области открытого рабочего движения, с независимыми от партии группами, *легально* проповедующими рабочим либеральную программу и *открыто* организующими на этой платформе *свою* анти-социал-демократическую партию, «есть тьма охотников, мы не из их числа». Но мы вполне понимаем, когда голосовцы и Троцкий именно на этом смешении строют свою политику. Задача партии в целом, и прежде всего задача членов партии, занятых «легальной» работой, не позволить ликвидаторам фигурировать в роли представителей какой-либо сферы рабочего движения, дать отпор попыткам ликвидаторов «представлять» «открытое рабочее движение». Усиленной работой партийцев в сфере последнего независимцы должны быть выбиты из этой позиции. Тогда и они и Троцкий потеряют последнюю возможность путать неосведомленную аудиторию.

Всякая «легальная возможность» приобретает для нас значение постольку, поскольку она отворяет дверь работе и влиянию *нашей* партии, и «легализация» той или другой отрасли рабочего движения принесет в конечном счете пользу социал-демократии, но лишь постольку, поскольку сильна будет сама нелегальная Р. С.-Д. Р. П.

С какого бы конца ни подошли мы к вопросу, выход из современного положения намечается только в одном направлении. Он подсказывается и растущим оживлением в рабочих кругах, и тем тупиком, в который уперлась контр-революция, и, наконец, тем решительным размежеванием социал-демократии и либерализма в рабочем движении, которое является уже достигнутым итогом «борьбы внутри Р. С.-Д. Р. П.».

Выход — во всесторонней усиленной работе среди масс на анти-ликвидаторской и анти-отзовистской платформе. Все говорит за то, что именно на этой платформе Р. С.-Д. Р. П. вновь соберет вокруг себя массы, которые лишь временно могут быть изолированы от ее влияния полицейскими силами реакции и которые тщетно пытаются увести от нее «независимцы» и либералы.

Приложения и документы.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Ниже мы даем краткий обзор «обвинений» против Б. Ц., послуживших основной темой брошюры г. Мартова. Читатель увидит, что для того, чтобы разоблачить сознательную лживость этих «обвинений», нам достаточно было восстановить фактическую, документально-засвидетельствованную историю всех этих «разработанных» г-ном Мартовым «дел». Все эти «обвинения» по существу представляют простое повторение обычных клевет против революционеров, испокон веков по одному шаблону, изготовляемых в полицейских участках. Можно ли представить себе что-либо более избитое и истасканное в практике международной политической полиции, чем инсинуации о «фальшивых бумажках»! Нет поэтому ничего более естественного как то, что «разоблачения» г. Мартова с распростертыми объятиями встречены были российской охраной. Тут дело говорит само за себя. Необходимо отметить, что принужденные заняться выяснением роли г. Мартова, бывшие члены Б. Ц. использовали ниже имеющиеся в их распоряжении факты и документы лишь в тех пределах, в которых упомянутые дела — *уже вынесены в печать.*

а) Шантажисты в роли прокуроров.

Первое обвинение и первая ложь. О старом члене партии тов. Викторе в 1906 г. в бытность его секретарем Московского Комитета стали распространяться слухи о провокации. Дело было рассмотрено членом Ц. К. [1]), а затем и М. К., т. Виктор совершенно реабилитирован Московским Комитетом, распространитель непроверенных слухов призван к суду. Последний от суда уклонился. М. К. вынес резолюцию, осуждающую этого последнего, а все это дело довел до сведения партии.

[1]) См. в «документах» письмо — Ал. Власова.

Каким образом сделана была эта публикация Москов. Комитетом? Г-н Мартов в главе «Дело т. Виктора» пишет (стр. 20, строки 8 — 19 сверху): «Выяснилось, что в течение *трех лет* в большевистских кругах периодически возникали неблагоприятные для т. Виктора слухи и его ближайшие товарищи не пытались расследовать их до конца *партийным* путем — в виду соображений кружкового характера, в виду «конспирирования» *от партии* тех дел, на почве которых слухи возникали. В 1907 г. обвинение против Виктора публично было выдвинуто в выходившем тогда в России «Пролетарии», а разбор этого обвинения и его результаты не были нигде опубликованы. И, несмотря на то, что репутация т. Виктора не была правильным путем реабилитирована, б-ки . . . назначают его в число кандидатов от своей фракции в Ц. К., вскоре же замещают им одного из членов Ц. К., назначают его членом и секретарем З. Б. Ц. К. и в то же время финансовым агентом своего центра». Всякий согласится, что обвинения, высказанные здесь против большевиков, очень тяжелы, очень серьезны, что взявший на себя высказать эти обвинения, если в нем осталась хоть капля порядочности и чувства ответственности, должен запастись серьезными данными. Это без дальнейших разъяснений должно быть понятно всякому честному человеку. Всякий человек этого типа скажет, что публицист, который выступил бы с подобными обвинениями политической фракции, не позаботившись проверить своих данных, поступает *бесчестно* и отныне теряет всякое право на доверие. Ведь обвиняется политическая группа в том, что она 1) ни разу не пыталась партийным путем расследовать слухи о провокации видного партийного работника, 2) что она делала это из кружковых соображений, в виду того, что «конспировала» от партии, 3) что она проводила в Ц. К., в Загр. Бюро Центр. К-та, назначала финансовым агентом этого заподозренного члена партии, *несмотря на то, что его репутация ни разу не была реабилитирована.* Кратко говоря, политическая группа обвиняется в том, что она покрывала и проводила в самые конспиративные дела и высшие центры партии заподозренного и нереабилитированного человека. . .

Хорошо. Теперь берем слово мы и заявляем: г. Мартов поступил бесчестно: его утверждения, заключающиеся в приведенных нами выше словах, от первого до последнего, от крупного до мелочей представляют заведомую неправду, неправду, позорящую его, как литератора, ибо для того, чтобы узнать правду, ему надо было только справиться с находящимися в его распоряжении печатными материалами. Неправда, что товарищи Виктора не могли расследовать партийным путем слухов о нем в виду своего «конспирирования» от партии; неправда, что обвинение против т. Виктора когда бы то ни было было выдвинуто публично и в «Пролетарии», неправда, что большевики проводили его в Ц. К.

и З. Б. Ц. К., «несмотря на то, что его репутация не была правильным путем реабилитирована»; неправда, что разбор выдвинутых обвинений и его результаты «нигде не были опубликованы».

В № 7 газеты «Социал-Демократ», *издававшейся меньшевистским Центральным Комитетом и бывшей официальным органом* последнего от Стокгольмского до Лондонского съезда *и в редакцию которой* вместе с Даном и Мартыновым *входил г. Мартов,* на странице 8, столбец 2-й и 3-й, *рядом с заметкой, подписанной Л. Мартов,* напечатано следующее:

«От Московского Комитета: На заседании 17 октября Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. по поводу слухов о провокации члена М. К. товарища Виктора, постановил: *заявить в органах партийной печати и партийных собраниях,* что 1) все слухи этого рода лишены всякого основания; 2) после опроса, через особо избранную М. К. комиссию ряда лиц, знающих т. Виктора, выяснилось, что т. Виктор является испытанным, безусловно преданным партии работником, непрерывно работающим в партии в течение 8 лет. — В виду этого, Московский Комитет постановил: привлечь т. Землячку из П. О. и т. Григория Ивановича из Моск. воен. организации, как распространителей позорящих т. Виктора слухов, к третейскому суду» . . . Рядом с этим напечатан ответ тов. Землячки, пишущей, между прочим, — «дело это считаю уже законченным, поскольку М. К. вынес уже окончательную резолюцию по делу Виктора». А вслед за этим ответом напечатано новое постановление Москов. Комитета, вновь настаивающее на явке т. Землячки на третейский суд.

Пусть теперь читатель сам найдет характеристику для поступка политического деятеля, осмеливающегося при наличности этого документа утверждать, что большевики из «кружковых соображений» и из боязни раскрыть перед партией какие-то «дела» «не пытались» расследовать дела Виктора, не опубликовали ничего по этому делу и проводили в Ц. К. человека, «репутация которого не была правильным путем реабилитирована». Тут, кажется, во всяком случае достигнут предел бесчестности. Мы потому и остановились так подробно на этом «деле», по существу давно ликвидированном, что общий бесчестный характер мартовских приемов здесь сказался в достаточной мере рельефно. Ведь отличие «дела т. В.» от всех других «дел» лишь в том, что в нем бесконечно меньше чисто-конспиративных моментов и что, поэтому, мошеннические приемы гг. обвинителей именно здесь могут быть обнаружены с непререкаемой ясностью.

Вернемся, однако, на момент к дальнейшему течению «дела».

Товарищ Виктор продолжал работать. На Лондонском съезде, где он был делегатом Ярославской организации, тов. Виктор был

выбран членом-кандидатом Ц. К-та. В этом качестве он — как и все другие члены-кандидаты Ц. К. — стал членом Б. Ц. За все это время ни с чьей стороны никаких обвинений не возникало. Когда же среди Б. Ц. возник раскол, отколовшиеся его члены, вспомнив старое обвинение, стали — в целях дезорганизации Б. Ц. — муссировать его. Тов. Виктор потребовал партийного суда. Суд состоялся при условиях, гарантирующих максимальную обоснованность его суждения (состав суда, количество допрошенных лиц и т. д.). И он должен был прийти к тому же заключению, к которому пришел уже однажды Московский Комитет.

Спрашивается, кто кроме шантажистов мог поместить «дело тов. Виктора» в перечне «преступлений Б. Ц. против партии»? Если тут есть преступление, то лишь преступление «распространителей непроверенных слухов» и г. Мартова против члена Ц. К. и Б. Ц. — тов. Виктора. Г-н же Мартов своей попыткой вновь использовать это «дело» против Б. Ц. добился лишь того, что бесчестный характер всей его игры должен теперь стать ясным всякому.

Помещаемый нами ниже рассказ самого тов. Виктора об его деле поможет читателю понять ту атмосферу, которую пытались создать вокруг Б. Ц. — как своего *политического* врага — вожди отзовизма и голосовцев, не останавливавшиеся в своей борьбе ни перед чем, и менее всего перед поистине неслыханной личной травлей.

Второе обвинение и вторая ложь. В главе об «экспроприации партийных денег большевистским центром» г. Мартов первый в рядах партии, позволяет себе вынести в печать дело настолько конспиративное, что до сих пор, в самой ожесточенной борьбе, все знавшие это дело считали своим долгом всячески охранять его. Этим мы, однако, вынуждены, хотя бы *в пределах им сообщенного,* выяснить сенсационную ложь, преподносимую г. Мартовым в связи с этим делом. Только в тех рамках, которые в печати уже намечены, мы и будем этого дела касаться.

Г-н Мартов толкует в своей брошюре о каком-то «деле» Б. Ц. с г. Z, в котором будто бы Б. Ц. настаивал на передаче завещанных денег ему, Б. Ц., а г. Z отстаивал интересы Ц. К., требуя передачи денег этому последнему. Такого, однако, дела, где бы мы спорили с г. Z о том: Цен. К-ту или Б. Ц. передать деньги — *не было никогда.* И такого третейского суда, в котором бы мы, бе-ки, «определяли» наши с Ц. К-том доли, или который, вообще, рассматривал бы какой-либо наш, бе-ков, спор с Ц. К. *никогда не было.* Чтобы убедиться в том, что все сказанное по этому поводу г. Мартовым есть чистейшая и злостнейшая выдумка, достаточно прочесть резолюцию Ц. К. по этому делу, которую приводит сам г. Мартов. (Приводим ее в том виде, как она дана им самим на стр. 21 его брошюры, с его пояснениями.)

«Ц. К. считает необходимым признать, что игнорирование Ц. К. его членами, входящими в состав Б. Ц., при совершении различных операций . . . (по реализации пожертвования) . . . было неправильно и в особенности неправильно было согласие их передать без ведома Ц. К. на рассмотрение представителей Партии С.-Р. спор Б. Ц. с . . . (частными лицами)».

Итак, в резолюции Ц. К. ни звука о том, чем г. Мартов заполнил свою главу об «экспроприации партийных денег», *ни звука о каком бы то ни было захвате денег Ц. К.* Мало того. «Декларация б-ков» (напечатана в № 11 Ц. О.) и резолюция, принятая Ц. К. по поводу этой «декларации» (см. там же), недвусмысленно свидетельствуют, что суммы, о которых идет речь, *признавались Ц. К. имуществом большевистской фракции,* что именно по поводу этого имущества, как имущества б. фракции, Ц. К. вошел с последней в договор, что, наконец, *Ц К. признал право Б. Ц. на возврат этого имущества Б. Ц., как его владельцу,* при восстановлении условно-распущенной большевистской фракции. Резолюция Ц. К. прямо говорит, что при известных условиях — нераспущении м-ской фракции — требование представителей большевиков о возврате им обратно принадлежащих б-кам денег было бы вполне лойяльно, и прямо предусматривает возможный исход в выдаче денег «б-ским членам Ц. К. и Ц. О.». Конечно, все эти решения, постановления и договоры имели смысл со стороны Ц. К. только в том случае, если он признавал, что деньги, о которых идет речь, принадлежат *не ему, а Б. Ц.* Ц. К. рядом с этим не одобрял лишь «игнорирования» его цекистами-членами Б. Ц. при реализации пожертвования частных лиц и в особенности передачу на рассмотрение с.-р-ов *спора Б. Ц. с частными лицами*, как точно выражается резолюция Ц. К.

И действительно *такой* спор не только цекистов из Б. Ц., а всего Б. Ц. *с частными лицами* был и есть, и вот по этому делу *Б. Ц. с частными* лицами был третейский суд.

Начало этого дела относится еще к до-октябрьским (05 г.) дням. Участвовало в нем ряд лиц и зарегистрировано оно столькими документами, что даже г. Мартову при всей его «ловкости» не удастся его подтасовать. Вкратце оно состоит в следующем. Б-ки поручили попечение о деньгах, которые они должны были получить, лицу, содействовавшему партии. (Назовем это лицо псевдонимом, выбранным г. Мартовым — Z.) Когда же наступило время получения этих денег, то оказалось, что Z настолько «сроднилось» с этими деньгами, что нам, подпольной организации, получить их от него неимоверно трудно. В виду целого ряда условий, о которых немыслимо говорить в печати, Z не мог отрицать прав Б. Ц. полностью. Но Z заявил, что б-кам принадлежит лишь часть этого имущества (очень ничтожная), что эту часть

он не отказывается уплатить, но ни сроков, ни суммы указать не может. А за вычетом этой части *все остальное принадлежит ему* Z. Как отметил уже Мартов, самого Б., об имуществе которого идет речь, уже не было в живых. Все, ознакомившиеся с этим делом, без различия личных и фракционных симпатий, признали бы поведение Z бесспорно корыстным злоупотреблением доверием революционной организации. Б-му Ц. осталось только отдать Z. на суд общественного мнения, передав третейскому суду свой иск. И вот здесь-то и наступила труднейшая часть дела. Когда зашла речь о суде, Z. письменно заявил о своем выходе из партии и *потребовал, чтобы в суде не было ни с.-д., ни бывших с.-д.* Нам оставалось либо отказаться от всякой надежды получить что-либо, отказавшись от такого суда, либо согласиться на состав суда не с.-д. Мы избрали последнее, оговорив только в виду конспиративного характера дела, что суд должен быть по составу «не правее беспартийных левых» [1]). По приговору этого суда мы получили максимум того, чего вообще суд мог добиться от Z. [2]), причем *за Z. осталась львиная доля имущества.* Таким образом по г. Мартову выходит, что было лицо, которое *хотело* отдать деньги, но не Б. Ц., а Ц. К. В действительности было лицо, которое денег *никому отдать не хотело,* а желало их удержать за собой. По Мартову — третейский суд решал вопрос: Б. Ц. или Ц. К. отдать деньги. В действительности суд решал вопрос: должны ли деньги остаться у Z. или они должны быть отданы б-кам. Этот *гражданский* иск Б. Ц. к Z., длившийся годы, и послужил поводом к возникновению в Ц. К. вопроса *внутри партийного,* политического; а именно: вправе ли б-ки иметь свою фракционную организацию и кассу. Как сообщает сам Мартов, было решено, что Ц. К. «отказывается от вмешательства в дело вплоть до реализации всех пожертвованных сумм». Это было единственным возможным решением: Ц. К. отлично понимал, что его выступление против старой и всеми признанной ненормальности в партии, — существования фракций — в такой момент и в виде вмешательства в борьбу Б. Ц. с Z. было бы на пользу только Z., что только Z. был бы в случае такого вмешательства «третьим радующимся».

Но это решение Ц. К. отнюдь не удовлетворило г. Мартова и его присных. Была сделана новая попытка помешать большевистской организации реализовать завещанную ей сумму, оттяги-

---

[1]) Никакого обращения ни к партии С.-Р. ни к Ц. К. С.-Р. не было. С нашей стороны *третейскими судьями* были, двое членов партии С.-Р., которые фигурировали на суде как частные лица, а не как представители какой бы то ни было партии. Судьями со стороны г. Z. были 1 с.-р. и 1 беспартийный левый, не с.-р. Как видит читатель, ни в какие отношения с *Партией* С.-Р. мы не вступали.

[2]) Суду пришлось считаться с размерами тех юридических гарантий, которые удалось получить от Z. до суда.

вавшуюся всеми неправдами от нее в свою пользу г-ном Z. Это вмешательство привело лишь к тому, что перед г-ном Z. услужливыми руками были раскрыты новые перспективы: б-ки-де не вправе иметь своей фракционной кассы. Б. Ц. учреждение самозванное, а потому и самый иск Б. Ц. к Z. незаконен. Это был мастерский удар в спину! Г-н Z. учел это содействие Мартова — и, конечно, не в пользу м-ков или Ц. К-та, а лишь в свою собственную пользу, уменьшая долю Б. Ц. и увеличивая свою долю.

Наконец, накануне пленума, г. Z., вышедший из партии и давно изолированный от партийной среды, вновь выдвигается на политическую сцену. Он подает «жалобу» на членов Б. Ц. в Ц. К., достаточно искусно пытаясь ею маскировать тяготеющее на нем обвинение в покушении на партийное имущество. Эта именно жалоба и положена г. Мартовым в основу его лжи об «экспроприации партийного имущества Б. Ц.». Г-н Мартов забыл лишь, что вся ложь г. Z. и его, Мартова, разоблачается элементарным вопросом: если Z. спорил с б-ками только в интересах Ц. К., то почему же ни разу не обратился он к последнему, почему просто не передал имущества Ц. К., отказавшись от всяких судов с большевиками?

Основав все свое изложение исключительно на «жалобе» Z., г. Мартов — вполне в роли соучастника — ни словом не обмолвился о действительной роли Z. во всем деле, скромно называя последнего «одним из б-ков, принимавших непосредственное участие в операциях по реализации»! Каков же объективный смысл выступления г. Мартова? Z. имеет полное основание быть недовольным Б. Ц.: часть то имущества он был вынужден отдать; у него есть основание заметать следы и прятаться за свои обвинения Б. Ц. от нового иска к нему со стороны Ц. К. В этом-то г. Мартов ему и помогает, помогает вышедшему из партии Z. бронироваться от нового иска к нему со стороны Ц. Комитета. Новая бесчестная ложь против Б. Ц., будто бы экспроприировавшего «партийные деньги», а на деле отвоевавшего их для партии от «частных лиц», все время пользовавшихся поддержкой Мартовых, оказывается на пользу только «частным лицам», судившимся с частью партии. Какая-то роковая судьба преследует наших прокуроров и обличителей! . . . Хорош г. Z., но он «частное лицо», из партии официально вышедшее и лишь судом принужденное к исполнению своих обязательств относительно революционной организации, «частное лицо», свои частные интересы всеми путями и отстаивающее, . . . но во сколько раз великолепнее его г. Мартов! Чьи интересы отстаивает он, поддерживая и повторяя г. Z.?

Как и «жалоба» г. Z., так и рассказ г. Мартова густо пересыпан обвинениями в «угрозах», «недопустимых поступках» и т. д. Повторение этих сплетен об «угрозах» особенно эффектно в устах г. Мартова теперь, — после того, как эти деньги, добытые будто бы путем «угроз», при одобрении г-на Мартова, приняты в кассу

Ц. К., — с одной стороны — и когда — с другой стороны — жалующийся на угрозы г. Z. явно выступил перед всей партией во всем блеске своей «странной» роли. В виду того, однако, что обвинение в «угрозах» . . . лицу, не желавшему сдать партийных денег, инкриминируемое гг. Мартовым и Z. «Виктору и другим членам Б. Ц.», составляет центр «дела о недопустимых поступках т. Виктора», мы считаем нужным указать, что *по существу* дело это ликвидировано Ц. К., уже после назначения «комиссии по делу В.», ликвидировавшим не только дело об «угрозах», но и «дела» о прикосновенности к экспроприациям. Можно смело сказать, что и вообще-то оно могло возникнуть и приобрести в чьих бы то ни было глазах видимость реального обвинения лишь в атмосфере тяготевших над т. Виктором обвинений в измене партии. Считаем нужным, поэтому, привести сущность заявления, внесенного в комиссию по «делу» т. Виктора от имени Ленина, Зиновьева, Ин-иева и Каменева. «Мы заявляем, что все дело Z. т. Виктор вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем. Мы целиком отвечаем за это дело все и протестуем против попыток выделить по этому делу т-а Виктора». Что же остается от всего этого «дела», созданного усилиями г. Мартова и г. Z? Только дружеский союз г. Мартова с ушедшим из партии и судившимся с ней из-за денег г-ном Z.

Третье обвинение и третья ложь. Летом 1909 года за границей появился листок «Открытое письмо большевистскому центру», за личной подписью «Саша», в котором — письмо специфического типа рассуждений, насчет того, что «вы, товарищи из Б. Ц. спокойно пользовались нашими деньгами, благополучно перебравшись за границу» и вы отказались дать на ночевку» и т. д. — заключалось следующее определенное заявление: «Вы (Б. Ц.) взяли у меня уполномоченного Партизанского Пермского Революционного Отряда (так называемой Лбовской дружины) 6000 руб. на покупку оружия».

Этот листок вышел после раскола в Б. Ц., почти одновременно с известным «листком» Н. Максимова, Николаева и др., в котором пренебрежение к «боевым задачам», «боевикам» и пр. было одним из главнейших обвинительных пунктов против Б. Ц. Выступление «Саши» было, как видим, очень кстати. Политический смысл выхода «листка Саши» был ясен. Ред. «Пролетария» ответила на листок следующим заявлением:

> «. . . Листок (этот) распространяется некоторыми отзовистами. Он содержит ряд возмутительных обвинений против редакции «Пролетария». Нечего и говорить о том, что обвинения эти лживы. Заметим только одно: если авторы действительно желают считаться с партией, они не могут не знать, что есть партийный способ разбора конфликтов и претензий.

Редакция «Прол» с своей стороны уже обратилась в Ц. К. с просьбой разобрать это дело»[1]).

Итак, редакция «Пролетария» отвергла обвинения «Саши»: — не только то, что имя-рек «не дано было на ночевку», но и то, что Б. Ц. будто бы заключал какой-либо договор с лбовцами. Она кроме того сама обратилась в Ц. К. с просьбой разобрать претензии «Саши». Дабы отнять у политически ни перед кем не ответственного «Саши» возможность устраивать дальнейшие скандалы на потеху г.г. Мартовым и Максимовым с Николаевыми, ред. внесла в депозит Ц. К. известную сумму денег. Ц. К. дело рассмотрел и констатировал два обстоятельства: 1) договор был заключен лбовской дружиной *(не с Б. Ц., а)* с Военно-Техническим бюро при Ц. К. (N.-В. при Ц. К. меньшевистском, выбранном на Стокгольмском съезде. Лондонский же Ц. К. это бюро распустил). Таким образом, утверждение ред. «Пролетария» о лживости заявлений Саши насчет договора *с Б. Ц.* было констатировано Ц. К-том 2) Ц. К. с другой стороны признал, что «есть основание предполагать, что деньги (после распущения В.-Т. Бюро) попали в руки большевистской фракции». Это значит, что Б. Ц., как организация, ответственности за эти деньги на себя не брала, а Ц. К. этой ответственности на него не имел оснований возложить. Что сделал из этого дела о претензии несуществовавшей в 1909 году организации лбовцев к распущенному два года тому назад В.-Т. Бюро, г. Мартов? Он подставил вопреки ясному смыслу резолюции Ц. К. и через $1^1/_2$ года после нее — на место В.-Т. Бюро — Б. Ц. и на место того или иного впередовца изгнавшую его организацию и таким образом, — превратив бессознательную, быть может, ошибку лбовца в сознательную неправду, — получил возможность создать еще одно дело против Б. Ц.

Ц. К. говорит: деньги *повидимому* попали в руки большевистской фракции, «есть основание это *предполагать*». Почему Ц. К. выразился так осторожно? Потому что он стоял перед таким делом, в котором большей точности достигнуть было нельзя. Военно-Техническое бюро (не забудем: находившееся в непосредственной зависимости от *меньшевистского* Ц. К.) по самому своему назначению занималось делами самыми конспиративными, связанными с доставкой, перевозкой, покупкой, продажей и хранением оружия. Ему в связи с этими его непосредственными задачами приходилось вступать в денежные отношения с целым рядом групп, кружков и организаций (далеко не только с.-д.), обладавших оружием или имевших возможность его доставать. Установить теперь, каковы были денежные отношения этого Бюро и большевистской организации, невозможно, установить с точностью, какая именно сумма денег и на что, какого именно про-

---

[1]) «Пролетарий», № 47 — 48. Приложение, стр. 12.

исхождения и на каких условиях поступила из кассы Бюро в кассу Б. Ц. — невозможно. Именно поэтому большевики без всякого спора внесли в кассу Ц. К. ту сумму денег, по поводу которой возникла претензия, именно поэтому Ц. К. ограничился тем, что ликвидировал эту претензию третьих лиц из сумм, внесенных с этой целью Б. Ц., откинув здесь всякие обвинения и руководствуясь лишь соображением о том, что счеты Бюро и Б. Ц., *повидимому,* были не закончены. Что же остается от третьего обвинения? — Г-н Мартов, сознательно воскрешающий обвинения лбовцев, распространявшиеся впередовцами на другой день по их изгнании из Б. Ц. и отвергнутые резолюцией Ц. К. именно в той части, где они носили характер обвинений против Б. Ц.

Четвертое обвинение и четвертая ложь. Некий Герцык был объявлен междупартийным судом женевских групп «недостойным пребывания в какой бы то ни было революционной организации». Женевский кружок большевиков под руководством Алексинского — тот самый кружок, литературные произведения которого, направленные против большевиков и «Пролетария», неоднократно находили себе впоследствии место на страницах «Голоса С.-Д.»—признал Герцыка, своего бывшего члена, провокатором. Больше года спустя Герцык появился в Париже и стал добиваться свидания с т. Лениным. Ленин все эти попытки отверг и предложил З. Б. Ц. К. довести до сведения парижской колонии, что появившийся в Париже Герцык был уже объявлен провокатором женевским кружком. Это и было сделано без какого-либо протеста какого-либо члена З. Б. Ц. К. Между тем, недовольный решением суда, составленного из представителей местных, локальных (женевских) организаций, Герцык добивался нового суда из представителей центральных организаций разных партий. Этот суд состоялся, и, отвергнув обвинение в провокации, объявил Герцыка недопустимым в партийной организации. Нужно поистине страдать навязчивыми идеями, чтобы увидеть во всем этом деле еще одно «преступление Б. Ц. против партии». Г-н Мартов впрочем сообщает, что «у многих членов Ц. К. сложилось убеждение», что у большевиков были данные, вызывающие подозрения в провокации Герцыка, но что они их «не могли предъявить партийным инстанциям», боясь раскрытия партийной «каморры». Но именно после пленума состоялся второй суд над Герцыком, суд центральных групп разных партий, пересматривавший решение суда женевских групп. На суде были допрошены и члены женевского кружка. Суд не нашел их данных достаточными для обвинения в провокации, а между тем теперь-то, после ликвидации пленумом дел «каморры», «бояться» было нечего. Благоволите же, г. Мартов, сказать, обвиняете ли вы свидетелей на втором суде Герцыка в том, что они скрывали что либо от суда, т.-е. скрывали факты, которые проливали свет на провокационную деятельность Герцыка,

и таким образом мешали раскрытию провокатора? Но вы этого обвинения не выставляете и таким образом ваши слова о каких-то фактах, известных большевикам, но которые не могли быть ими предъявлены партийными инстанциями, становятся удивительно похожими на *инсинуацию*.

* * *

Таковы 4 из 5 обвинений, выдвинутых г. Мартовым против Б. Ц. Под ручку с «недопустимым в партийной организации» Герцыком, с судившимся с партией из-за денег Z и с лбовцем «Сашей» г. Мартов взялся обвинять Б. Ц. в преступлениях против партии,—получилась мерзкая и многократная ложь, опирающаяся с одной стороны на политическую беззастенчивость и безответственность, а с другой на «претензии» и сплетни чуждых и враждебных партии «частных лиц». Хороша компания, хороши приемы, хорош г. Мартов! Но, позвольте, у г. Мартова есть еще один козырь: Б. Ц. имел касательство к тифлисской экспроприации. Но тут наш разговор с г. Мартовым будет короток.

Экспроприации. Из всех «дел», вытащенных г. Мартовым, и эксплоатируемых им в целях шантажирования партии и на радость «охранки» «дело о прикосновенности большевиков к тифлисской экспроприации» (экспроприации июля 1907 года), больше всего могло бы претендовать на то, чтобы быть отнесенным к роду тех дел, которые целиком отошли уже в ведение историков. Но «политики» сорта г. Мартова, как мы могли уже убедиться, пренебрегают не только исторической перспективой, но и границами полицейских участков, когда это кажется им выгодным в их шантажистских целях.

Шантажистский характер использования тифлисского «дела» г. Мартовым явствует уже из одного того незыблемо установленного факта, что *он и его присные обнаружили совершенно различное отношение к тифлисскому эксу и ко всем другим экспроприациям, имевшим место в партии, в связи с другими, не-большевистскими группами, как до, так и после Тифлиса.*

В главе «Оргия шантажа» приведен факт содействия со стороны голосовцев фракционному учреждению, связанному с громадными средствами, характер которых не был для них тайной. Тут мы ограничимся указанием на то, что до сих пор меньшевиками не опровергнуты — в силу своей неопровержимости — факты, устанавливающие ближайшую прикосновенность к эксам не только отдельных групп м-ков, не только отдельных меньшевистских местных и областных организаций, но и меньшевистского состава Центрального Комитета (избранного в Стокгольме). Разница между большевиками и меньшевиками заключалась тут только в том, что в то время как сторонники эксов — большевики на

страницах своего органа («Пролетария») отнюдь не скрывали своего отношения к партизанству, давая ему известное место в период революционного движения *масс* [1]), меньшевики умели всегда лицемерно сочетать словесную вражду к эксам с реальным пользованием эксированными деньгами. Эта лицемерная позиция оказала большие услуги голосовцам в их походе против б-ков. Но она не могла, однако, надолго скрыть от партии истинный характер отношения нынешних вождей голосовцев к эксам. Уже пленум Ц. К-та в августе 1908 года, образовывая комиссию из своего состава для расследования дел об эксах, специально постановил привлечь к рассмотрению *все* этого рода дела, т.-е. между прочим расследовать и деятельность Стокгольмского, меньшевистского Центрального Комитета. На введение в круг расследования и этих дел настаивали большевики и настаивали не для того, чтобы иметь возможность прибегнуть к каким-либо репрессивным мерам против м-ков, а для того только, чтобы партия имела возможность воссоздать действительную картину роли эксов в партии и чтобы, таким образом, лишив это расследование характера специфически-фракционного хода во внутри-партийной борьбе и характера фарисейски-лицемерной комедии, придать ему характер действительно политического шага.

Раз вопрос об эксах и партии стал перед широкой публикой, партия должна была употребить все усилия для того, чтоб отнять у шантажистов и сплетников возможность превращать его в перманентный скандал, в арену сведения групповых счетов и поставить этот вопрос так, чтобы партия вся видела, в какой политической атмосфере, при каких общественных условиях различные части партии оказались прикосновенными к экспроприированным деньгам. Именно этим соображением руководствовались большевики, настаивая в Ц. К. на такой постановке дела, которая бы превратила лицемерную и шантажную комедию в имеющее действительное общественное значение расследование фактов и условий прикосновенности Р. С.-Д. Р. П. к эксам.

При подобной постановке дела, чем бы ни кончилось расследование и каков бы ни был полученный в конце концов материал, — само расследование могло привести к ценным политическим выводам, могло явиться своего рода отчетом партии перед пролетариатом и обществом. Этим руководствовались большевики, требуя привлечения к расследованию состава меньшевистского Ц. К.,

---

[1]) Мнение большевиков по этому поводу далеко не было однородно, что сказалось между прочим при голосовании на Лондонском съезде соответствующей резолюции. Автор этих строк внес, между прочим, в виде мотивировки своего голосования «заявление», начинавшееся словами: «Стоя самым определенным образом на точке зрения, отрицающей участие и поддержку экспроприаций членами с.-д. партии». (См. Протоколы, стр. 482). Это заявление было отголоском внутри-партийных споров.

и этим же руководствуемся мы, перепечатывая ныне список фактов, предъявленных следственной комиссии Ц. К. тов. большевиком И. во исполнение заявления, поданного в Ц. К. и подписанного Лениным, Максимовым, Виктором, Григорием и И. (см. «Документы» III).

Мы ограничиваемся только этими фактами. Они далеко не обнимают всего ряда соответствующих «дел». Но мы не пишем «обвинительного акта». В наших целях совершенно достаточно напомнить товарищам *некоторые* факты. «Заслуга» эксплоатирования во фракционных целях эксов была и остается личным, специальным достоянием г. Мартова и его ближайших друзей. От этого способа борьбы с противником с негодованием отвернутся все — и меньшевистские организации. Ведь именно для последних, скажем, например, для меньшевиков кавказских лицемерие г-на Мартова не может же остаться тайной.

Большевики никогда не брали назад, как лживо утверждает ныне г. Мартов, своих на фактах основанных утверждений о причастности и м-кской части партии к эксам. Они лишь не пользовались и не будут пользоваться этим оружием в целях фракционной борьбы, они не пытались сделать этих фактов предметом судебных репрессий со стороны партии относительно м-ков, но они продолжают утверждать наличность этих фактов. Отрицание их со стороны голосовских главарей основано на простом расчете на усиленную конспиративность всех этих дел. Но тайное всегда становится явным, и то, что не подлежит опубликованию в столыпинской России, еще не окончательно погребено. Бесчестный характер спекуляций г-на Мартова с эксистскими делами, эксплоатирование конспиративности этих дел для целей фракционной политики встанет во весь свой рост перед теми социал-демократами, которым будут раскрыты мемуары, дневники и подлинные летописи революционной борьбы 1905-6-7 г.г. До тех же пор мы ответим презрением на всякую попытку провоцировать нас на публичное трактование — в духе г. Мартова и к радости охранных отделений — каких бы то ни было дел этого рода.

Мы знаем, каков будет приговор *фактов* — и фактической истории русской революции, прежде всего, — над г. Мартовым и можем спокойно ожидать его в полной уверенности, что даже близкие Мартову меньшевики дают себе точно также полный отчет в бесчестном характере его отношения к данному вопросу.

Наше стремление свести все эксплоатирующееся г.г. Мартовыми дело с рельс склоки и сведения счетов с определенными лицами и целой фракцией на рельсы *политической и исторической оценки* было вполне принято Центральным Комитетом. В своей резолюции он прямо указал на «атмосферу, присущую моменту непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс», *как на ключ к пониманию* фактов, им обсуждавшихся. Этим Ц. К.

указан путь для серьезного обсуждения вопроса об эксах и о их роли в жизни и истории партии. На этом пути мы с кем угодно из революционеров и когда угодно готовы дебатировать эти вопросы. Но мы предоставляем г. Мартову лично и без нас делать из своих своеобразных «расследований» этих вопросов метод осведомления охранных отделений и способ делать запасы сенсаций для кучи листков, статей и брошюр, которые все одинако отдают ароматом рыночной «сыщицкой литературы».

б) На пользу охранки.

Странная роль, которую играет г. Мартов уже не раз привлекала внимание центральных партийных учреждений и была объектом формальных постановлений последних, а также предметом особых заявлений коллег г. Мартова по той или иной организации. И действительно эта странная роль представляет не только теоретический интерес.

В августе 1908 г. Ц. К. принял резолюцию:

> «Усматривая в письме в Центр. Загр. Бюро т. Мартова и в письме... (другого товарища)... *нарушение условий безопасности личного состава* Центрального Комитета, а в письме т. Мартова кроме того разоблачение тайн, не имеющих никакого отношения к объекту следствия (о тифлисском эксе. Ю. К.) *и угрожающих важнейшим материальным интересам партии,* Ц. К. признает действия, подобные поступку т. Мартова,.. *недопустимыми* и постановляет сообщить об этом в Ц. З. Б., т. Мартову»...

В этом же своем собрании Ц. К. постановил: «назначить партийный суд над т. Мартовым по просьбе т.т. М. и В.»

В следующем же своем пленарном заседании (январь 1909 г.) Ц. К-ту опять пришлось иметь дело с г. Мартовым и его «странными» поступками. На этот раз Ц. К-т принял по этому поводу две резолюции:

> «Ц. К. констатирует, что т. Мартов *уклонился от партийного суда* по обвинению его т.т. М. и В. в клевете» (принято 4-мя, при 2-х неголосовавших (М. и В.), против 3-х, из которых 2-ое (бундовцы) высказались в том смысле, что Мартов только отчасти уклонился от суда).

Вторая резолюция гласит:

> «Усматирвая в письме Мартова от 8 октября в Ц. К. партии клевету и оскорбление Ц. К-та, Ц. К. постановляет: привлечь т. Мартова к партийному суду (за—все, против—1 м-к, воздержался — Ионов. Ионов заявляет, что он за всю резолюцию, за исключением только слова «клевету»)» [1].

---

[1]) Цитировано по протоколу заседаний Ц. К.

По поводу этих резолюций г. Мартов теперь пишет в своей брошюре, что предание его партийному суду «чудовищно-де до такой степени, что пишущий эти строки... приложил, с своей стороны, самые энергичные усилия к тому, чтобы этот факт *не получил огласки,* которая могла лишь бесконечно скомпрометировать самое имя партии».

Оказывается, г. Мартов скрывал факт своего предания партийному суду лишь в интересах партии. Это столь же вероятно, как-то, напр., что г. Смирнов убеждал на допросе жандармского полковника в несуществовании Р. С.-Д. Р. П. исключительно в интересах объективной истины.

Вероятно, в тех же «интересах партии» г. Мартов так-таки на суд и не явился, вызвав резолюцию Ц. К. об его «уклонении от суда». Теперь г. Мартов пытается подорвать значение этой резолюции указанием на то, что «за такое уклонение Ц. К. не привлек меня ни к какой ответственности». Но к какой же ответственности мог бы Ц. К. «привлечь» г-на Мартова, поставившего себе за правило на всякое его привлечение к партийному суду отвечать усиленным шантажем! Ни мы, ни Ц. К. мер привлечения к суду членов партии, сознательно от судов уклоняющихся, не знаем и Ц. К. мог здесь сделать только то, что сделал: оставить г. Мартова прогуливаться среди революционеров, с клеймом уклонившегося от суда своей партии на лбу.

«На последнем пленуме — продолжает г. Мартов — я настойчиво возвращался несколько раз к факту предания меня суду... Мне отвечали несколько натянутыми улыбками»...

«Несколько раз возвращался»... Однако, ведь, достаточно было всего только *один раз* официально и в явственной форме заявить свое согласие на суд, чтобы раз навсегда закрыть возможность указывать на себя, как на человека, уклонившегося от суда. Этого-то г. Мартов и... не догадался сделать. Он «несколько раз возвращался», однако ни разу не заявил, что согласен явиться на партийный суд и подчиниться его решению. При отсутствии же подобного заявления г. Мартова Ц. К. не зачем было еще раз возвращаться к циничному поведению г. Мартова. Он мог предоставить его его собственной судьбе.

От немедленного и печального конца политической карьеры человека, вращающегося среди революционеров с клеймом «нарушителя условий безопасности личного состава Ц. К.», г. Мартова спасло лишь решение его друзей именно его, Мартова, поставить на пост одного из редакторов Ц. О. и невозможность для Ц. К. отвергнуть эту кандидатуру без риска разрушить всю объединительную попытку пленума.

Однако, большинству редакции пришлось почти не медля после приступа к совместной работе вновь заняться «странной» ролью в партийных учреждениях этого «уклонившегося от пар-

тийного суда» редактора. Правда, теперь дело касалось более общих вопросов, но это обстоятельство лишь сильнее подчеркивает характер моральной физиономии г. Мартова. В заявлении, написанном тов. Варским поданном в З. Б. Ц. К. в ответ на заявление, подписанное Даном и Мартовым и заключавшем угрозу опубликования неподлежавших опубликованию резолюций Ц. К., большинство редакции писало:

> «Эта угроза есть уже не обыкновенный Fractioneller Dreck, как выразился представитель Латышской соц.-дем на пленуме Ц. К. по поводу размазывания этих дел голосовцами ради фракционной грязи: это есть уже прямой фракционный шантаж по отношению к З. Б. Ц. К.»

Далее.

> «Они одновременно сидят в органе партии и в органе, ликвидирующем партию... Благодаря этому, у них не хватает даже такого «мужества», которым обладают Р-ы, Ю-и, М-ы. Такая их позиция несовместима ни с простым политическим приличием, ни с минимальным уважением к самим себе. Это и создает ту фальшивую позицию, ту — если можно так выразиться — *своеобразную азефовщину* для ликвидаторских целей, которая толкает их к самым недостойным поступкам».

Это консатирование редакцией Ц. О. своеобразной азефщины, практикуемой г. Мартовым, последний пытается ныне отвести, столь же, впрочем, удачно, как и обвинения против него, формулированные Ц. К-том. В своей брошюре он объясняет, что «*не придавал чрезмерного значения тексту програмных резолюций, которые примет большинство пленума*» (стр. 33), от которого, однако, он принял поручение проводить эти резолюции в Ц. О.

Этого признания только и не хватало для того, чтобы слить отдельные черты политической деятельности г. Мартова, с которыми уже приходилось иметь дело Ц. К., в цельный и стильный образ.

Схлынувши, волна великого народного движения должна была оставить за собой массу отбросов и грязи, для которой нужен был свой герой, равный ей своей беспринципностью, жаждой и вкусом к пряной сенсации, подменяющей политику, способный поставлять ежеминутно все новые и новые блюда самого животрепещущего, самого острого, самого изысканного скандала и потерявший сознание границ политической чистоплотности. Такого именно повара и нашли эти отбросы в г. Мартове. Именно он оказался способным предъявить формуляр, вполне удовлетворяющий отравленному вкусу худших элементов эмиграции, упивающихся политической сенсацией и политическим скандалом, как упиваются их духовные братья в России пинкертоновщиной и «тайнами мадридского двора».

Со ступеньки на ступеньку должен был опускаться видный некогда политический публицист, чтобы наконец оказаться в тесных объятиях профессиональных собирателей политических «сенсаций»... охранных отделений и бульварной прессы (см. рецензию на брошюру г-на Мартова в «Парижском Листке», уже успевшем выстрелить ею в социал-демократию). Эти объятия заслужены. Чем бы ни диктовались его поступки—их объективный смысл *учтен именно в этих объятиях*. Он ныне пренебрег «условиями личной безопасности» своих товарищей ради очередного скандала. Он завтра уклонится от партийного суда, в ответ на предание последнему ответив новой порцией клеветы и шантажа. Он в интересах перманентности скандала готов практиковать «своеобразную азефовщину», сочетая редакторство в двух враждебных органах. И чем ответит он на заявление о недопустимости его поведения? — тем, что было и остается отличительной чертой авантюристов, держащихся в партии с целями ей посторонними, — заявлением о том, что он не придает «чрезмерного значения» «тексту» программно-партийных резолюций. Тут не знаешь, чему больше удивляться: откровенному цинизму в отношении к партии или циничной откровенности по отношению к своей аудитории. Тип, можно сказать, вполне законченный, соединивший в себе все элементы явного разложения чувства революционной чести и ответственности.

Герой сплетни-шантажа, относящийся с презрением истинного политического авантюриста к «тексту программных резолюций», освободивший себя от всякой ответственности и раздерганный до полной потери способности соображать последствия своих шагов, он становится жертвой вьющихся вокруг лакомой добычи агентов охранных отделений. Именно здесь чуют они поживу. Именно из его уст и из-под его пера не без основания надеются они познать то, что их интересует. Именно здесь прорвалась конспиративная спайка партии и через это прогнившее звено одно за другим вываливаются моментально подхватываемые показания.

Достаточно было понять свою миссию уничтожения Р. С.-Д. Р. П. таким образом, чтобы, не стесняясь уже ничем, «разоблачать» ее деятелей по всем парижским кабакам. Это, конечно, вернейший способ предоставить свои «соображения» в распоряжение «охранки».

Мы знаем, что найдутся люди, которые по поводу всего этого опять будут восклицать: «ну кто же не знает, что Мартов «невменяем»!

Но ведь г. Мартов является представителем, «пером» и членом коллегии, в которую входят совершенно «вменяемые» Дан и Аксельрод. Объяснения роли, которую играет г. Мартов, поставляя сведения охранке, надо искать не в его «невменяемости», не в простой «болтливости». И то и другое приобретает известный, опасный

для партии характер потому, что и «болтливость» и «невменяемые поступки» *направляются* его позицией ликвидирования нелегальной организации. Мы знаем, что г. Мартов умеет быть очень осторожным там, где это кажется ему важным (напр., по отношению к легальным врагам партии, скажем к г. Смирнову и его друзьям), но он умеет быть и «болтливым» и «невменяемым» и несообразительным насчет последствий своих слов тогда, когда дело идет о деятелях *нелегальной* организации. Ненависть к нелегальной организации со стороны лиц, тем или иным путем приобревших право на вход в нее, становится прямым орудием осведомления охранки. Именно в этом «своеобразная азефовщина», о которой говорит вышеприведенное заявление ред. Ц. О. по поводу г. Мартова, находит свое полное и логическое выражение.

Пусть подумает над этим любой революционер. Конспиративные детали внутрипартийной жизни — в искаженном, конечно, виде, но с прямой ссылкой на источник сведений, — оглашаются в прессе, прямо связанной с охранкой. Будучи назван по имени «источник», г. Мартов отказывается реабилитировать себя заявлением о лживости охраны, ссылаясь на то, что он лишен возможности опубликовать все дело, как оно было на самом деле. Наконец, тот же «источник», г. Мартов, публикует-таки то, что «не подлежит опубликованию», но, опять-таки, забывает хотя бы словом упомянуть о том, что его сведения в гораздо более широком виде и с прямой ссылкой на него уже появились в столыпинских изданиях, и *забывает* снять с поименно названных с его слов товарищей гнусные обвинения, с его же опять-таки слов повторенные. Допустимо ли все это? Не должно ли все это возбудить вполне законной тревоги в революционной среде? Найдется ли хоть один революционер, который затруднится дать характеристику подобного поведения, как позорного содействия охранным отделениям и столыпинской прессе?

Для всякого «неэмансипировавшегося» от элементарных правил революционной этики теперь, думается, совершенно ясно уже, что «недостойные—по классификации Ц. К.—поступки» г. Мартова перешли уже ту грань, где начинается прямое использование этих поступков этого господина охранным отделением, и не менее ясно для всякого, что члены партии должны быть ограждены в дальнейшем от «поступков» г. Мартова, столь непосредственно повышающих осведомленность жандармской и иной полиции. Работа людей, которые не придают «чрезмерного значения» партийным резолюциям, но сведения которых «чрезмерно» способствуют охранным органам, вряд ли способна повышать активность и охраненность партии. Во всяком случае это соприкосновение работы г. Мартова *внутри* партии с работой охранных отделений *над* партией — есть естественный результат всей внутрипартийной политики г. Мартова, есть практическое последствие той безответ-

ственности, которая им практикуется под прикрытием лозунга «партии нет». Цинизм поведения г-на Мартова ни в чем, положим, не уступает цинизму видного и постоянного сотрудника «Нашей Зари» г. Смирнова. Этот господин, недавно напавший на Плеханова («Наша Заря» 1910 г.) за его борьбу против ликвидаторства, показал — уже с другого конца — как практически используется этот лозунг деятельности Мартовых и Потресовых: «партии нет». На допросе в охранном отделении он заявил по поводу обвинения его в принадлежности к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии: «Я уж потому не могу принадлежать к этой организации, что — *насколько мне, как, вероятно, и охранному отделению известно* — такой организации не существует» [1]). Были времена, когда разговоры подобного типа с чинами охраны раз навсегда пятнали человека, до них опустившегося, и раз навсегда исключали его из всякого революционного общения. Ныне, конечно, не то. Г-н Смирнов будет чувствовать себя как за каменной стеной за спинами Мартовых и Потресовых и в них найдет достойную себе компанию. Нужно добавить, что обвинения охранного отделения по отношению к г. Смирнову, конечно, ложны. Революционные социал-демократы давно перестали его считать своим товарищем. Обвинять г.г. Смирновых в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. — со стороны охранного отделения явно неблагодарно. Оно, впрочем, сознало свою ошибку и, как с удовлетворением сообщает сам г. Смирнов, сняло это обвинение: теории гг. Смирновых, как и «обвинения и разоблачения» гг. Мартовых, видимо пользуются бо́льшим успехом в охранных отделениях, чем в партийной среде.

Сплетня, грязь, клевета и шантаж, лживые обвинения, сенсационные разоблачения и постоянно практикуемая подмена «вопросов» — «личностями», громко исповедуемое правило: все позволено, партии нет, привели к непосредственным услугам охранным отделениям и только им, к соглашениям с охранным отделением на счет отрицания существования Р. С.-Д. Р. П. Это естественный исход, как естественно и то, что моральная физиономия и «странная» роль г. Мартова, уже неоднократно привлекавшие, как мы показали резолюциями Ц. К., внимание последнего, получили в этом соприкосновении с охраной недостававшую еще им определенность. Теперь каждый может ответить на вопрос, кому непосредственно служат выступления, на которых специализировался г. Мартов. «Россия» и «Земщина» (№№ от 6 и 7 февраля 1910 г.) вполне по заслугам оценили работу этих господ, когда использовали в своих целях даваемый в этих «выступлениях» материал.

Проказа беспринципного политиканства съела былого революционера и выростила типичный продукт разлагающейся эми-

---

[1]) См. «Речь», 1911 г., № 186 (10 июля). Кадетский орган нашел эту беседу г. Смирнова с охранниками очень... «интересной».

грантской кружковщины — коммивояжера сплетни и шантажа, с головой погрузившегося в обсмаковывание скандальчиков, — ядовитый продукт, бесконечно опасный для окружающих и очень полезный для «охраны».

I. Письмо А. Власова.

Уважаемый товарищ!

Мартов в своей брошюре «Спасители или упразднители», пытаясь использовать «дело т. Виктора» для борьбы с большевиками, говорит: «в течение 3-х лет в большевистских кругах периодически возникали неблагоприятные для т. Виктора слухи и его ближайшие т.т. не пытались расследовать их до конца партийным путем — в виду соображений кружкового характера, в виду «конспирирования» от партии тех дел, на почве которых эти слухи возникли. В 1907 г. обвинение против Виктора публично было выдвинуто в выходившем тогда в России «Пролетарии» . . , а разбор этого обвинения и его результаты не были нигде опубликованы». Так как именем т. Виктора склочных дел мастера все еще пытаются пользоваться в борьбе с политическим противником, то я считаю необходимым сообщить вам некоторые данные относительно «слухов» о т. Викторе во время его работы в России.

Слухи, о которых пишет Мартов, возникли во время выборов делегатов на Стокгольмский съезд. «Ближайшими товарищами» Виктора были тогда члены Московского Комитета. Никакого отношения к деятельности Ц. К. и Б. Ц. он тогда не имел, и большинство большевиков-цекистов узнало о самом существовании т. Виктора только во время подготовительных работ по организации Стокгольмского съезда. Если бы в то время у Б. Ц. и были какие-либо «дела» вроде, хотя бы, кавказской экспроприации меньшевиков, то т. Виктор ничего не мог бы «расконспирировать», так как не принимал тогда в деятельности Б. Ц. никакого участия.

Далее. При первом же появлении слухов были приняты партийные меры для их выяснения. Партийные в том смысле, что за выяснение слухов взялись: *исполнительная комиссия Объединенного Ц. К.* и Московский Комитет, т.-е. официальные учреждения партии.

Как только двое товарищей высказали подозрения относительно т. Виктора — один на основании его сходства с каким-то нижегородским провокатором, другой в виду провала военной конференции, — мною немедленно было сообщено об этом в «Объединенный Ц. К.». По поручению его исполнительной комиссии я заявил Московскому К-ту, что Объед. Ц. К. допустит на съезд делегатов М. К. только после того, как все они и особенно т. Виктор будут тщательно проверены. Московским Комитетом при моем участии была образована тогда особая комиссия из авторитетных и пользующихся всеобщим доверием товарищей. Этой комиссией была восстановлена вся биография т. Виктора. Она выяснила, что в Нижнем он никогда не был и потому выдать там

никого не мог. Ею же были установлены причины провала типографии М. К. В комиссии остался неразрешенным только один вопрос — провал военной конференции, который т. З. приписывался предательству т. Виктора. В комиссии было только доказано, что об этой конференции т. Виктор ничего не знал и не мог знать, что вся ее организация находилась в совершенно других руках.

В результате своих работ комиссия постановила, что никаких данных для возбуждения следствия против т. Виктора нет, и что возникшие о его провокации слухи не имеют под собой почвы. Так как слухи в то время вращались в чрезвычайно узком кругу лиц, то комиссия ограничилась тем, что довела до их сведения и *до сведения Объед. Ц. К.* свои постановления. Объед. Ц. К. выдал после этого т. Виктору явки на четвертый (Стокгольмский) съезд и он присутствовал там в качестве делегата.

Провал военной конференции долго еще служил для «подозрительных» людей достаточным основанием для возбуждения слухов. Этим провалом в качестве аргументов обвинения пользовались, кажется, еще на суде в 1910 г.

Я очень сожалею, что не мог сообщить о причинах провала этой конференции раньше.

В судебных материалах по делу о военной конференции участники процесса нашли документ, в котором Петербургская Охрана извещала Московскую Охрану, что из Петербурга в Москву едут два делегата на с.-д. военную конференцию от таких-то военных округов. С ними, как значилось в документе, едут два «филера», чтобы передать наблюдение за этими делегатами в руки Московской Охраны.

Темное дело о провале военной конференции разъяснилось только благодаря судебным материалам, которые стали известны лишь в 1907 году. Это было причиной того, что т. З. тотчас после Стокгольма опять подняла вопрос о провокации т. Виктора. Тогда М. К. в № 7 органа Центр. Комитета, издававшегося под редакцией меньшевиков, опубликовал резолюцию, в которой на основании расследования упомянутой выше комиссии реабилитировал т. Виктора от всяких слухов.

Таким образом: 1) большевики не только не замалчивали слухов о т. Викторе, но при первом же их возникновении немедленно довели о них до сведения Объединенного Ц. К. и *при участии меньшевиков-цекистов* (в частности т. Заг. . . .) приняли партийные меры для их выяснения, 2) на первое же публичное обвинение т. Виктора немедленно в печати последовал публичный ответ, данный на основании детального расследования всех слухов о т. Викторе.

С тов. приветом *Ал. Власов.*

II. Заявление Иннокентиева. [1])

(В Загр. Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.)

Уважаемые товарищи!

Согласно заявлению своему в пленарном собрании Ц. К. я представляю следственной комиссии список фактов, характеризующих близкую причастность к экспроприаторской деятельности всего состава Центр. Комитета, избранного Стокгольмским съездом и смененного Лондонским.

Я констатирую:

1) что Ц. К., стоявший во главе партии до Лондонского съезда и состоявший в подавляющем большинстве из представителей меньшевистской фракции, вопреки резолюции против эксов, принятой на Стокгольмском съезде, принял при сдаче дел от кассиров Объединенного Ц. К. весной 1906 г. и употребил для своих нужд 8.400 руб., пожертвованных для партийных целей группой лиц, произведших экспроприацию в... (название города)... Отделении Русского Государственного Банка, при чем членам Ц. К... (имена трех членов Ц. К. — м-ков)..., входившим в состав Бюро, принимавшего дела от Объединенного Ц. К., было заявлено о происхождении этих денег. Самые деньги были переданы в кассу Ц. К. в июле 1906 г. Деньги были переданы кассиру Ц. К... (имя ме-ка)... и заприходованы им по кассовой книге.

2) Тот же Центр. Комитет, избранный Стокгольмским съездом, получил летом 1906 г. несколько тысяч рублей, пожертвованных Латышским Ц. К. и переданных т... (имя)..., который имел императивный мандат заявить Ц. К., что деньги эти были взяты при одной из экспроприаций в Латышском крае. Осведомленный о таковом происхождении денег, Ц. К. стокгольмского состава все же принял их и расходовал на текущие свои нужды.

---

[1]) В тексте нами уже упоминалось «заявление», поданное в Ц. К-т его членами-большевиками в августе 1908 года, устанавливавшее причастность м-ской фракции к эксам и подписанное Максимовым, Лениным, Иннокентиевым, Зиновьевым и Виктором. Подлинник этого «заявления», к сожалению, сейчас нам недоступен (он должен находиться в руках З. Б. Ц. К.), а копии его не нашлось в нашем архиве. Мы поэтому принуждены ограничиться покуда воспроизведением «заявления» т. Иннокентиева, поданного, как отмечено в его тексте, во исполнение и «согласно» заявлению в пленарном заседании Ц. К. Мы воспроизведем, конечно, и это последнее, как только получим к этому возможность. В том, что перепечатывается ныне, мы, естественно, опускаем все (полностью названные в подлиннике) имена, обозначения мест и т. д.

Ю. К.

3) Тот же Ц. К. стокгольмского состава получил от меньшевистской части Объединенного Ц. К. (при сдаче дел после стокгольмского съезда) свыше 100.000 руб., экспроприированных в Квирильском казначействе, принял и разменивал эти деньги и свыше 25.000 руб. из них употребил на свои собственные нужды, при чем произошел конфликт из-за % от всей суммы денег, присвоенного себе Ц. К., с местной группой, произведшей Квирильскую экспроприацию [1]).

---

[1]) Мы называем в данном случае место экспроприации, ибо г. Мартов сам упоминает о ней на стр. 25—26 своей брошюры. Г. Мартов, впрочем, пытается там же доказать, что эта экспроприация совсем не была... экспроприацией. По этому поводу считаем полезным привести здесь полностью письмо, полученное от тов. С. Имерели, близко знакомого с кавказскими делами:

«Г. Мартов, говоря о причастности меньшевистского Ц. К. к деньгам Квирильского казначейства, пишет буквально следующее:

«В кассу Стокгольмского Ц. К. была передана часть денег, взятых кавказским населением во время декабрьского восстания 1905 г. в Квирильском казначействе и переданных им кавказским товарищам. В 1909 г. дело об участвовавших в Квирильском восстании революционерах разбиралось в суде под именем дела о «нападении на гор. Квирилы, обезоружении гарнизона и занятии казначейства» и само правительство третировало данную конфискацию денег не как «экспроприацию». Население Квирил, когда Алиханов наложил на него контрибуцию в возмещение конфискованных денег, санкционировало сохранение этих денег в руках революционного комитета, передавшего их впоследствии в Областной Комитет Р. С.-Д. Р. П.».

Получается, что Квирильское население не только взяло деньги и передало их меньшевикам, но и санкционировало оставление их в руках Обл. Ком. во время Алиханповской карательной экспедиции. Мы заявляем, что сказанное здесь г. Мартовым ложь.

Деньги были взяты не населением, а боевыми дружинами, не спрашивая на это никакого согласия населения, при чем большинство дружинников вовсе не принадлежало к квирильскому населению. Г-н Мартов, совершенно не стесняясь, ставит вверх ногами все факты и самым бесцеремонным образом издевается над квирильским населением. Вот как обстояло дело на самом деле. Деньги Квирильского казначейства были переданы членам Кутаиск. Ком. В это же время стал приближаться Алиханов, по дороге сжигая и разрушая места, где раньше находились революционеры. Революционеры должны были удалиться. Население остается без вчерашних своих руководителей. Оно не знает, что делать и как встретить Алиханова. Воспользовавшись этим, попы и всевозможные реакционеры поднимают белый флаг и советуют населению следовать за ними навстречу Алиханову с повинной. Растерявшаяся часть населения следует за ними. Несмотря на это, Алиханов сжигает все местечко Квирилы и требует возвращения денег, выдачи оружия и революционеров. Население, конечно, не могло выдать ему никаких денег, ибо оно не знало ничего, кроме тех темных слухов, которые распространялись торжествующими реакционерами. Не знали о них в то время даже многие товарищи. Алиханов, разослав по деревням озверевших казаков и солдат, взыскивает всю сумму с населения, главным образом с крестьян. Это сопровождается обычными зверствами: изнасилованием, разрушением и уничтожением всего крестьянского имущества и т. д. Крестьянам за бесценок приходится продавать оставшееся от разорения имущество, лишь бы уплатить деньги, и тем освободить себя от озверевших казаков.

4) Тот же Ц. К., избранный на Ст. съезде, в ноябре 1906 г., выслушав в заседании своем доклад т.... (имя чл. Ц. К. — ме-ка)..., возвратившегося с.... (название области)... принял постановление: согласиться на просьбу... (имя)... Комитета относительно размена государственной ренты на 16.000 руб., полученной при известной... (имя)... экспроприации. Мне неизвестно, было ли исполнено это постановление, т.-е. прислал ли действительно... (имя)... Комитет экспроприированную ренту или готовность Ц. К. стокгольмского состава разменять экспроприированные бумаги осталась нереализованной.

5) Областное Бюро Кавказских организаций с весны 1906 г. и по сие время (лето 1908 г.) пользовалось и продолжает пользоваться для своих нужд деньгами, полученными при Квирильской экспроприации. После того, как часть этих денег, согласно требованию местной организации, была затрачена на покупку оружия и транспорт его на Кавказ не удался вследствие задержки и растраты денег, переданных на это дело Ц. К. стокгольмского состава, — Областное Бюро Кавказских организаций, в состав которого входит один из членов Ц. К. теперешнего состава... (имя ме-ка)..., организовало заграницей распродажу этого оружия через свою агентуру и вырученные деньги употребляло на нужды свои и своих организаций, несмотря на то, что экспроприированные в Квирилах деньги, как хорошо известно кавказским деятелям, были взысканы с местного населения по круговой поруке.

Констатируя все эти факты и обязуясь по первому требованию следственной комиссии подтвердить их ссылками на документы и на свидетельские показания, я обращаю внимание комиссии на следующее:

1) Без полного освещения указанной деятельности Ц. К. стокгольмского состава явно немыслимо сколько-нибудь полное

Вот как квирильское население «санкционировало» оставление денег в руках «существовавшего» только в воображении г. Мартова О. К.

Насколько шатко Мартовское изложение фактов, видно хотя бы из того, что он не мог сделать ничего лучшего, как взять в свидетели никого иного, как прокурора, обвинявшего квирильских товарищей.

Впоследствии часть этих денег меньшевистский Ц. К. израсходовал сам, а другая часть погибла, опять-таки, благодаря ему. Хотя г. Мартов теперь при каждом воспоминании слов: «подготовка к вооруженному восстанию» хихикает, но факт остается фактом: именно, в конце 1906 г. Ц. К., в котором заседал г. Мартов, предпринимает закупки оружия на упомянутые деньги, для этой цели несколько кавказских товарищей приезжают в Б. Им приходится сидеть там более чем три месяца, благодаря меньшевистскому Ц. К., который к этому времени порядочно уничтожил упомянутые деньги. Дело стояло из-за денег, Ц. К. командирует одного из своих членов к немецким товарищам взять у них заимообразно деньги. Таким образом дело тянулось. Наступила зима, благоприятное время было упущено, все предприятие погибло. Вот вкратце история Квирильских денег.

С. Имерели.

и беспристрастное расследование тех дел, которыми занята комиссия, и в особенности дела т.... (имя б-ка, упоминающегося в брошюре г. Мартова)..., который работал все время между Стокгольмским и Лондонским съездом в качестве агента Ц. К.

2) Самым коротким и легким путем к расследованию роли Ц. К. Стокгольмского состава в экспроприаторских предприятиях является допрос членов этого Комитета... (ряд имен м-ков-литераторов и практиков)...

С тов. приветом *Иннокентиев.*

1/IX 1908 г.

III. Письмо Э.

На стр. 10 упомянуто письмо тов. Э. К сожалению, подлинник этого письма тоже находится в руках З. Б. Ц. К. Мы, поэтому, принуждены были обратиться к адресату товарища Э., т. Зиновьеву, за справкой. В ответ мы получили ниже перепечатываемое письмо.

Ю. К.

Уважаемый товарищ!

Дело обстояло следующим образом. В начале 1908 года в разных концах России был арестован на партийной работе ряд членов Ц. К.-*большевиков.* (Цекисты-голосовцы, как известно из их собственных сообщений, тогда уже *никакого* участия в работе Ц. К. не принимали.) Через сравнительно короткое время части арестованных удалось выйти на свободу. Выйдя на волю, они вместе с частью членов Ц. К. Бунда взялись за созыв собрания Ц. К. заграницей (заграничные б-ки тоже взяли на себя инициативу в этом деле). И вот тут-то им довелось узнать о том, как голосовцы решили «использовать» арест части Ц. К. Уже незадолго до августовского (1908 г.) пленума — приблизительно в конце июня или начале июля ст. стиля 1908 г. — я получил чрезвычайно тревожное письмо от члена Ц. К. Бунда т. Э. Этот товарищ сообщал следующее: [1])

— Сообщаю крайне важное известие. «Меньшой брат» (т.-е. меньшевики; письмо написано эзоповским языком, ибо пересылалось без шифра из одного *русского* города в другой) неожиданно заявил, что отрицает самое «Existenzrecht» (т.-е. право на существование; то, что я привожу в кавычках, я запомнил *буквально)*

---

[1]) Письмо это находится теперь в руках бывшего З. Б. Ц. К., т.-е. в руках г. И. — одного из авторов заговора против Ц. К. В виду этого я вынужден воспроизвести письмо члена Ц. К. Бунда т. Э. ко мне по памяти. Не ручаясь за дословную передачу, *я вполне ручаюсь* за смысл.

нашей «главной конторы» (т.-е. Центр. Комитета партии), а предлагает заменить ее чем-то вроде Информационного Бюро. Наши (т.-е. бундисты) дадут решительный отпор.

И надо прибавить, что в те — увы, давно миновавшие для Бунда времена! — члены Ц. К. Бунда действительно дали отпор заговору голосовцев против Ц. К.

На декабрьской (1908 г.) конференции несколько делегатов Бунда *подтвердили* приведенное сообщение т. Э.

С тов. приветом *Г. Зиновьев.*

IV. Резолюция группы рабочих.

Принимая во внимание, что интересы рабочего движения требуют единства с.-д. организации, и что именно в настоящее время особенно сильно стремление рабочих к созданию единой нелегальной Соц.-Дем. Партии, — мы решительно протестуем против всяких попыток внести раскол или искусственно раздуть разногласия между различными партийными течениями. В чрезвычайно, повидимому, напряженной атмосфере борьбы заграничных кружков недавно вышла брошюра т. Мартова «Спасители или упразднители». Мы считаем, что появление ее в свет не только вредно, но и позорно для всей партии.

Не говоря уже о том, что она чрезвычайно опасна для многих членов партии в полицейском отношении, т. к. позволяет усилить полицейские и судебные репрессии, она вместе с тем недопустима и потому, что, используя обвинения, полтора года тому назад разобранные и *ликвидированные* пленумом Центрального К. (при участии г. Мартова), она нарушает партийную дисциплину и правила конспирации. В борьбе с политическим течением, эта брошюра пользуется не политическими аргументами, а стремится опозорить противника фактами, известными будто бы ее автору уже много лет и печатная полемика о которых невозможна.

Поднимая уже давно исчерпанные и *единодушно* всеми фракциями решенные вопросы (об экспроприациях и т. п.), она совершенно не занимается стоящими на очереди вопросами, совершенно не касается существующих принципиальных разногласий и только дает оружие буржуазной и черносотенной прессе в борьбе с с.-д. рабочим движением.

Мы решительно протестуем против появления этой брошюры и просим довести этот протест до сведения партии.

Группа рабочих из России.

(Г.г. Петербург, Москва, Сормово, Баку, Николаев и др.)

V. О брошюре Мартова.

(Из Центрального органа С.-Д. П. и Л.)

В издании парижского «Голоса Социал-демократа», органа Мартовских оппортунистов, вышла брошюрка *Л. Мартова «Спасители или упразднители?»*. Автор с фантизией Нат Пинкертона и профессионального детектива старается превзойти Замысловских и Пуришкевичей в обливании неслыханной грязью партии, стараясь скопить из этой грязи капитал для фракционной лавочки голосовцев. Эта скандальная брошюрка является актом небывалым и недопустимым ни в какой рабочей партии. Это просто вонючая бомба, брошенная в Р. С.-Д. Р. П. с надеждой, что своими взрывающими миазмами она разобьет партийную организацию и таким образом воплотится в жизнь мечта ликвидаторов о ликвидации нелегальной партии пролетариата.

Между прочим эта брошюра полна наглой ложью и извращенными фактами по отношению к представителям С.-Д. П. и Л. в общероссийской партии. В случае необходимости мы вернемся к освещению этой грязной работы голосовцев в другом месте.

«Czerwony Standar» (Центральный орган С.-Д. П. и Л.) № 182, июнь 1911 г.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Библиотека Раб. клуба Ф-ки „Рабочий"